
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 7 (144). Ноябрь, 2014

Серия: **Общественные и гуманитарные науки**

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)	Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)
И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук,
профессор, член-корреспондент РАН
(Петрозаводск)	И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)	В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии архитектуры
и строительных наук (Петрозаводск)
Ю. ИНОУЭ
профессор (Токио, Япония)	П. ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоенсуу, Финляндия)
А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)	И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
М. ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)
В. М. ЛЕВИН
доктор физико-математических наук,
профессор (Мехико, Мексика)	К. СКВАРСКА
доктор философии (Прага, Чешская Республика)
Т. П. ЛЁННГРЕН
доктор философии (Тромсё, Норвегия)	А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
В. И. МАЕВСКИЙ
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН (Москва)	Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук,
профессор (Петрозаводск)	А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
С. Г. ВЕРИГИН
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
Р. ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)	Т. В. МОРОЗОВА
доктор экономических наук (Петрозаводск)
П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук,
профессор (Йоенсуу, Финляндия)	Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
Ю. М. КИЛИН
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)	С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)
	М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 7 (144). November, 2014

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Vladimir B. Akulov, Doctor of Economic Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuney, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

<p style="text-align: center;">V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)</p> <p style="text-align: center;">I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)</p> <p style="text-align: center;">V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Moscow)</p> <p style="text-align: center;">Y. INOUE
Professor (Tokyo, Japan)</p> <p style="text-align: center;">A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)</p> <p style="text-align: center;">M. VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)</p> <p style="text-align: center;">V. LEVIN
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (Mexico, Mexico)</p> <p style="text-align: center;">T. LÖNNGREN
Doctor of Philosophy (Tromsø, Norway)</p> <p style="text-align: center;">V. MAEVSKIY
Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow)</p> <p style="text-align: center;">N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatity)</p> | <p style="text-align: center;">I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p> <p style="text-align: center;">V. ORPHINSKY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy of Architectural Sciences
(Petrozavodsk)</p> <p style="text-align: center;">P. PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)</p> <p style="text-align: center;">I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)</p> <p style="text-align: center;">E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Moscow)</p> <p style="text-align: center;">K. SKWARSKA
Doctor of Philosophy
(Praha, Czech Republic)</p> <p style="text-align: center;">A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)</p> <p style="text-align: center;">R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS
Corresponding Member (St. Petersburg)</p> |
|--|--|

Editorial Board of the Series
“Social Sciences & Humanities”

<p style="text-align: center;">T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p> <p style="text-align: center;">S. VERIGIN
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p> <p style="text-align: center;">R. GRYŮNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)</p> <p style="text-align: center;">P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)</p> <p style="text-align: center;">U. KILIN
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p> <p style="text-align: center;">S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p> | <p style="text-align: center;">A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)</p> <p style="text-align: center;">T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p> <p style="text-align: center;">T. MOROZOVA
Doctor of Economic Sciences (Petrozavodsk)</p> <p style="text-align: center;">N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor
(Petrozavodsk)</p> <p style="text-align: center;">A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
(Petrozavodsk)</p> <p style="text-align: center;">S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Petrozavodsk)</p> <p style="text-align: center;">M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p> |
|---|---|

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- Вострикова В. В.*
Либеральные политики России начала XX века
о типах конституционного государства 7
- Кожевникова Ю. Н.*
Диодор Юрьегорский – покровитель Водлозерья
(материалы к традиции погребения и почитания
основателей монастырей) 13
- Эрлих С. Е.*
Инерция мифа: риторика декабристского иску-
пления дворянской вины в современных гумани-
тарных исследованиях 19
- Бауэр Т. В.*
Воровство как тотальное зло: реальность и миф. 25

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Литвишков В. М., Маланьин В. С.*
Особенности педагогической модели по фор-
мированию профессиональной компетентности
у слушателей учебных центров ФСИН России 31
- Селиванова О. Г.*
Метапредметные результаты образовательной
деятельности школьника и способы их достижения. . . 36

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Плунгян В. А.*
Неклассический стих Лермонтова: некоторые
детали 40
- Мешадиева А. Э.*
К проблеме сравнительного анализа причастия
на *-miş* в тюркских языках 52
- Попов А. А.*
Названия мошкеры в русских народных говорах 57
- Шарапенкова Н. Г.*
Концепт «художник» в раннем творчестве
Т. Манна 62
- Бабалык М. Г.*
К изучению рукописной традиции «Слова о ма-
терной брани» 66
- Минеева И. Н.*
Эффект левизны, или Отношения Н. С. Лескова
с Англией. 70

- Романов Ю. А.*
Матрица «подполья» в концепции героев поздне-
го Достоевского 76
- Склизкова А. П.*
Античные реминисценции в германском сказа-
нии Г. Гауптмана «Бедный Генрих» 81
- Соболев Н. И.*
К проблеме поэтики художественного времени
в произведениях И. С. Шмелева 87
- Пекишева М. В.*
Музыка в жизни В. Ф. Одоевского и ее место
в повести «Саламандра» 90

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Дружинин П. В.*
Влияние изменения структуры экономики на за-
грязнение окружающей среды. 94
- Кадникова Т. Г.*
Региональный рынок жилья и пути его развития
(на примере Республики Карелия) 100
- Мартюкова Е. Г.*
Санкции как новая экономическая реальность:
возможности для регионального развития 104
- Ругачева А. В.*
Взаимосвязь размера и границ фирмы 108

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Оленина Т. Ю.*
Правовые аспекты лесного плана субъекта
Российской Федерации. 114

Рецензии

- Орлицкий Ю. Б.*
Рец. на кн.: Словарь языка русской поэзии XX века . . . 117
- Спиридонова И. А.*
Рец. на кн.: «Андрей Платонов. Личное дело» 119

Научная информация 122

Информация для авторов 123

Contents 124

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrSU.ru/req.php>**

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Е. В. Бобковой

Подписано в печать 20.11.2014. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 125 экз.). Изд. № 362

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ВЛАДА ВЛАДИСЛАВОВНА ВОСТРИКОВА
кандидат исторических наук, заведующий кафедрой философии, истории и права заочного факультета экономики, Орловский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Орел, Российская Федерация)
vostr68@mail.ru

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПОЛИТИКИ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА О ТИПАХ КОНСТИТУЦИОННОГО ГОСУДАРСТВА

Исследуются взгляды российских либералов начала XX века на проблему типологии конституционных государств. Показано, что основным критерием типологии либералы считали характер организации политической власти, подразумевая дуалистическую и парламентарную системы, различие между которыми виделось в процедуре назначения правительства и контроля над ним. По форме правления конституционные государства могли быть как монархическими, так и республиканскими. Форма административно-территориального устройства конституционных государств, с точки зрения либералов, предполагала различные степени децентрализации (автономию, областную автономию, федерацию).

Ключевые слова: конституционное государство, дуализм, парламентаризм, монархия, республика, автономия, федерация

Трансформация политической системы постсоветской России актуализировала проблему выбора типа конституционной государственности. Отсюда несомненная своевременность обращения к наработкам отечественной общественной мысли по данной проблематике. Серьезный вклад в осмысление проблемы типологии конституционных государств внесли идеологи российского либерализма начала XX века, что обуславливает политико-практическую значимость анализа их взглядов.

Данная проблематика в последнее двадцатилетие привлекала внимание исследователей [2], [3], [4], [5], [6]. Однако, как правило, рассматривались взгляды либеральных юристов [2], [3], [4], что не позволяет говорить об изученности теоретических взглядов идеологов нового российского либерализма, ибо среди последних не все были юристами и не все либеральные юристы участвовали в разработке либеральной идеологии – в «переплавке» теории в программтику. Цель статьи – рассмотрение теоретических воззрений на типологию конституционных государств либералов, непосредственно причастных к разработке в начале XX века модели переустройства России. В таком ракурсе обозначенная проблема будет способствовать углублению представлений о сущности данной модели, а также о тактике либеральных партий в начале прошлого века. Источниковой базой послужили труды идеологов нового либерализма по общей теории государства и права, государственному (конституционному) праву, философии права, а также некоторые работы публицистического характера.

Конституционное государство для либералов характеризовалось наличием конституции, га-

рантирующей обеспечение прав и свобод граждан, соблюдение принципа разделения властей, наделение представительного органа законодательной властью. Основным критерием типологии конституционных государств либеральные мыслители считали характер организации политической власти, подразумевая дуалистическую и парламентарную системы. Именно данный параметр, а не форма правления, по их убеждению, имел определяющее значение для реализации конституционных принципов. Как писал Ф. Ф. Кокошкин, «вопрос о форме – это вопрос о горделивой вершине, которая увенчивает пирамиду исполнительной власти; вопрос о существе – это вопрос о самом содержании политического строя»¹. М. М. Ковалевский указывал, что «общность парламентарной системы при солидарной ответственности министерства перед палатами сближает политический строй английской монархии с французскими республиканскими порядками в большей степени, чем делает это наличие народоправства одинаково во Франции и Соединенных Штатах», иными словами, реализация либеральных и демократических принципов зависит прежде всего не от формы правления, а от характера политического строя конституционных государств – дуалистического либо парламентарного [1; 19]. Последовательное осуществление одного или другого принципа, указывали мыслители, фактически сводило к минимуму разницу между монархией и республикой.

Коренное различие между дуалистическими и парламентарными государствами идеологи нового либерализма видели в процедуре назначения правительства и контроля над ним. Если в первых кабинет министров назначался главой

государства единолично, то во вторых глава государства вынужден был советоваться с парламентом. Исходя из этого при дуалистической системе министры оставались у власти, пока были угодны главе государства, при парламентарной – пока удовлетворяли не только его, но и парламент. В. М. Гессен особо подчеркивал ошибочность мнения о том, что в парламентарных государствах правительство всецело зависит от парламента. И в назначении, и в смещении министров, указывал либерал, глава государства играет существенную роль, следует говорить лишь о преобладающем влиянии парламента на состав и политику правительства, за счет чего происходит преодоление дуализма между исполнительной и законодательной властью. Что касается дуалистических государств, то В. М. Гессен предостерегал от абсолютизации тезиса об ответственности правительства перед главой государства, указывая, что и здесь существует контроль парламента над правительством, однако его средства (запросы, интерpellации и самое действенное – вотирование бюджета) недостаточны для предотвращения конфликта между законодательной и исполнительной властью, который вследствие этого может приобрести перманентный характер и, как правило, разрешается роспуском парламента. Не случайно В. М. Гессен писал, что «дуалистическое государство живет под дамокловым мечом государственного переворота»². Опасность дуалистической системы российские либералы видели в возможности превращения исполнительной власти в доминирующую при сохранении формальных атрибутов правового дуализма. Тогда формируется квази-парламентаризм – законодательная власть превращается в совещательную.

Анализируя принципы парламентарного режима, либералы уточняли, что назначение правительства парламентарным большинством вовсе не означает его однопартийного состава. Идеологи отечественного либерализма начала XX века вообще не склонны были преувеличивать роль политических партий в парламентарной системе. «Сам по себе парламентаризм, – писал С. А. Котляревский, – вовсе не предполагает какой-то гипертрофии партийности: господство безответственных партий противоположно его основному принципу»³. Напротив, подчеркивал Н. И. Лазаревский, для правильного функционирования парламентаризма категорически необходима «дисциплина партий», проявляющаяся в том, что они не свергают правительство, если не имеют твердой уверенности в способности парламентарного большинства сформировать новое, более дееспособное⁴. Это, отмечал В. М. Гессен, делает положение правительства в парламентарных государствах гораздо стабильнее, чем в дуалистических, где оно зависит от капризов главы государства. Здоровый парла-

ментаризм – наиболее устойчивая форма организации государственной власти из всех существующих, утверждал он⁵.

Другим фактором устойчивости парламентаризма либеральные идеологи считали двухпартийную систему, ибо она, создавая систему «сдержек и противовесов», одновременно не позволяла власти сыграть на политических комбинациях, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», что часто имело место в условиях наличия множества мелких партий⁶.

Рассматривая такую характеристику парламентаризма, как солидарный характер министерства, идеологи отечественного либерализма начала XX века трактовали ее как объединенность министров одной политической программой, которую они обязуются провести в жизнь в возможно более полном виде⁷. Либералы указывали, что солидарность правительства присуща и дуалистическому государству, однако если там министры солидарно действуют, то в парламентарных государствах они еще и солидарно отвечают за свои действия.

В непосредственной связи с солидарностью министров находился, по мнению либералов, институт ответственности министров, причем характер этой ответственности являлся одним из критериев отличия дуалистических и парламентарных государств. При дуалистической системе, отмечал В. М. Гессен, существует политическая ответственность министров перед главой государства (монархом или президентом) и судебная ответственность перед парламентом, но на практике последняя служит гарантией не столько законности, сколько целесообразности действий правительства⁸. Для парламентарных государств характерно наличие обоих видов министерской ответственности перед парламентом, причем судебная ответственность здесь теряет свое практическое значение и главным средством парламентарного контроля становится ответственность политическая. Суть ее заключается в том, что в случае получения министерством вотума недоверия парламента оно немедленно уходит в отставку. Причем при двухпалатной системе отставка правительства является результатом выражения недоверия ему со стороны нижней палаты, что, по мнению С. А. Котляревского, свидетельствует о возрастании роли народных масс в политической жизни, ибо нижняя палата формируется на основе всенародного голосования. Это позволило либералу определить парламентаризм как режим обязательной политической солидарности между правительством и органом, который признается авторитетным выразителем народного мнения⁹.

Процедурой назначения правительства и контроля над ним (включая организацию ответственности министров), по мнению либералов, исчерпывались существенные различия между дуалистическими и парламентарными государс-

твами. Вместе с тем различия эти были достаточно серьезны, чтобы идеологи российского либерализма акцентировали внимание именно на парламентаризме как наиболее адекватном способе согласования интересов различных ветвей власти с точки зрения планомерного функционирования конституционализма. При парламентаризме, подчеркивали они, устанавливался определенный консенсус между главой государства (монархом, президентом) и парламентским большинством, минимизировались поводы для конфликта между правительством и парламентом, а оппозиция приобретала конструктивный характер, ведь в случае отставки правительства ее представители могли сами встать у кормила власти, и тогда им бы пришлось на практике доказывать справедливость своих требований¹⁰. По выражению С. А. Котляревского, парламентское государство в политическом плане более конституционно, чем дуалистическое¹¹. Кроме того, именно парламентаризм, с точки зрения мыслителей, позволял реализовать важнейшие принципы либерализма – права и свободы личности и участие граждан в политической жизни.

По вопросу о совместимости парламентской системы и принципа разделения властей мнения либеральных идеологов разошлись. М. М. Ковалевский давал отрицательный ответ, утверждая, что все три власти при парламентаризме «фактически исходят от народа»: законодательная (парламент – представители народа), исполнительная (правительство – комиссия народного представительства), судебная (присяжные заседатели)¹². Ф. Ф. Кокошкин категорически возражал против восприятия министров как простых исполнителей воли парламентского большинства. По убеждению либерала, они скорее играют роль его руководителей. Отставка правительства при выражении недоверия ему со стороны нижней палаты – не единственный вариант исхода конфликта между исполнительной и законодательной властью. Если министерство, с одной стороны, находит опору в главе государства, а с другой, рассчитывает на поддержку общественного мнения, возможен и иной выход: оставление у власти министерства и роспуск парламента. Возможна даже смена министерства, пользующегося доверием парламента, и одновременный роспуск последнего, если глава правительственной власти находит, что вследствие изменения настроений страны народные представители не являются более его выразителями. Таким образом, заключал либерал, между фактами и представлением о парламентаризме как о комиссии большинства нижней палаты лежит целая пропасть. Правительство в достаточной мере самостоятельно в своей деятельности, которая, безусловно, носит подзаконный характер¹³. Другое дело, уточнял Ф. Ф. Кокошкин, что в рамках парламентской системы разделение властей проводится менее жестко, нежели в ус-

ловиях дуалистических государств, здесь теснее устанавливается взаимодействие исполнительной и законодательной власти.

П. И. Новгородцев, анализируя тенденции развития парламентаризма, отмечал усиление самостоятельности правительства и уменьшение политического значения парламента. Однако он считал некорректным определять этот процесс как «кризис парламентаризма», ибо усиление исполнительной власти, по его мнению, шло параллельно с установлением ее непосредственной связи с избирателями¹⁴.

Отечественные либеральные идеологи рассматривали парламентаризм как систему «политического релятивизма», обладавшую способностью приспособления к специфике отдельных государств. Парламентаризм «не представляет собой совокупности точных юридических правил, а является чрезвычайно сложной, тонкой и гибкой системой фактического приспособления конституционных начал к действительной политической жизни», – писал Ф. Ф. Кокошкин¹⁵.

Отдавая предпочтение парламентарной системе, либералы вместе с тем отмечали, что становление того или иного типа конституционного государства есть результат взаимодействия целого ряда факторов: исторических традиций, отражающихся в уровне и особенностях политической культуры населения, степени развитости партийной системы, наконец, расстановки политических сил в момент формирования конституционализма. Дуалистический тип государства, указывали они, как правило, формируется в тех политических культурах, где традиционно сильны позиции монархического начала. Вместе с тем большое значение имеет и способ возникновения конституции: договорный или октроированный. По наблюдению С. А. Котляревского, политический дуализм был характерен для октроированных конституций¹⁶.

Господствующей тенденцией развития конституционных государств либералы считали переход от дуалистической системы к парламентарной. Данное убеждение повлияло на позицию представителей радикального крыла либерализма в отношении российских реформ: их продолжение увязывалось прежде всего с концепцией ответственного перед Думой министерства.

По форме правления либералы делили конституционные государства на монархические и республиканские, акцентируя внимание на конституционной монархии как политическом типе, который придет на смену абсолютизму в ходе модернизации России. По их мнению, республика давала большие возможности, чем монархия, для реализации принципов конституционализма только при условии парламентарного устройства. Как указывал Г. Ф. Шершеневич, в президентской республике президент – смягченная форма короля¹⁷.

Либералы предостерегали от попыток практического воплощения республиканских начал без наличия необходимых социальных предпосылок. «Республика не является высшим идеалом, годным для всех времен и народов», – писал П. Н. Милюков¹⁸. Важнейшей предпосылкой для ее введения они считали доминирование в общественном сознании демократических ценностей. «Республика не может утвердиться там, где общество, в значительной своей массе, не достигло политической зрелости, не усвоило сознание ответственности за судьбу государства и направление государственной деятельности», – настаивал Г. Ф. Шершеневич¹⁹. Но даже при наличии необходимых предпосылок переход от монархии к республике расценивался как кризисный период, сопряженный с ослаблением психологического влияния власти ввиду утраты ею иррационального обоснования. Как писал С. А. Котляревский, монархия в значительной степени базируется на иррационализме, в народном сознании она слишком тесно связана «с историческими верованиями и переживаниями, с национальными заслугами династии... не покрываемыми утилитарными соображениями о политической целесообразности», поэтому монархия остается символом государственного единства даже тогда, когда фактически становится препятствием общественного прогресса²⁰. Власть выборная лишена иррациональной поддержки, она вынуждена опираться исключительно на рациональные мотивы и, главным образом, на гражданское сознание необходимости порядка и власти вообще, которые далеко не всегда оказываются равными по силе мотивам иррациональным. Народные представители и президент, воспринимаемые населением как его выдвигенцы, лишены мистического авторитета монарха. Отсюда замечание Г. Ф. Шершеневича о том, что «легко... выставить требование республики, легко даже, при взрыве народного негодования, ввести ее, но труднее всего ее удержать»²¹.

Следует отметить, что представители консервативного крыла либерализма критически относились к республике, считая оптимальной формой правления для конституционного государства монархию. Конституционная монархия, отмечал В. И. Герье, «ограничивая и смягчая монархический принцип, сохраняет вместе с тем преимущества, присущие монархическому образу правления»²². При этом либералы имели в виду дуалистическую монархию, в которой глава государства обладает достаточными полномочиями, чтобы играть роль надпартийной, надклассовой, умиротворяющей силы, действующей в интересах государства²³. В парламентской монархии, по мнению представителей консервативного сегмента либерализма, в результате резкого ограничения монархической

власти государственное управление сосредотачивается у партий, неизбежным следствием чего является политическая нестабильность²⁴.

В основу типологии форм административно-территориального устройства конституционных государств либеральными теоретиками было положено распределение власти между центром и периферией. Либералы указывали, что конституционные государства не могут быть строго централизованными, ибо это противоречит конституционным принципам. Исходя из степени децентрализации выделялись автономии, областные автономии и федерации.

Автономия (административная децентрализация) трактовалась как предоставление центром функций самоуправления отдельным регионам, деятельность которых, однако, определялась общегосударственным законодательством. Эти самоуправляющиеся союзы, являясь отдельными от государства юридическими лицами, имели свои выборные органы, не подчиненные безусловно центральному государственному органам, а лишь подлежащие контролю со стороны последних²⁵. Областная автономия (законодательная децентрализация) предполагала дальнейшее развитие принципа децентрализации – предоставление отдельным частям государства (автономной области или краю) возможности иметь свои законодательные собрания, обладающие правом издания местных законов совместно с центральной властью. Автономные области не наделялись государственным суверенитетом, а получали частичную политическую самостоятельность в рамках единого государства²⁶.

Федерация определялась как государственно-правовой союз – сложное государство, субъекты которого (отдельные государства) подчиняются власти единого федерального центра. При федеративной системе власть составляющих ее государств самостоятельна, но не суверенна²⁷.

Проводя грань между областной автономией и федерацией, Ф. Ф. Кокошкин указывал, что их сходство ограничивалось наличием, наряду с общегосударственным представительством, местных законодательных собраний, тогда как различие пролегалось в двух плоскостях. Во-первых, субъекты федерации помимо местных законодательных собраний имеют особые, независимые от центра, органы административной власти. А во-вторых, в федерации издание местных законов является исключительной прерогативой ее субъектов, тогда как в государствах с автономным устройством местное законодательство построено на началах взаимодействия провинциальных органов с центральной властью: законодательные акты, принятые на местах, чтобы вступить в законную силу, должны быть утверждены центральной властью.

Сравнивая федерацию с конфедерацией, Ф. Ф. Кокошкин главное отличие видел в том,

что члены федерации теряют свой суверенитет, а вместе с тем право выхода из федерации актом своей односторонней воли²⁸. Таким образом, в отечественной либеральной мысли была обоснована модель федерации, исключающая право сепарации для ее субъектов. Что касается критерия выделения субъектов федерации, то большинство либералов не склонны были увязывать их с нациями и этносами, утверждая, что это чревато национальным сепаратизмом и распадом государства.

Идеологи либерализма категорически возражали против утверждения, будто децентрализация стимулирует центробежные тенденции и неизбежно ведет к распаду государства. Единство государства, указывал, в частности, Ф. Ф. Кокошкин, юридически заключается не в централизации, не в административном и законодательном единообразии, а в верховенстве центральной государственной власти. Средством для поддержания государственного единства является единство армии, внешней политики и финансов. Но «главная и наиболее прочная опора государственного единства и могущества лежит в области народной психологии, в сознании всем населением общности его политических интересов», которая не может возникнуть в условиях подавления общественной инициативы²⁹. Н. И. Лазаревский указывал, что для единства государства страшна не автономия, а отказ в ней, если потребность назрела³⁰.

При установлении пределов децентрализации либералы считали необходимым учитывать множество факторов, так что разные административно-территориальные единицы одного и того же государства могут различаться шириной компетенции органов местного самоуправления³¹.

В исторической перспективе идеологи отечественного либерализма допускали, что самым распространенным типом административно-территориального деления конституционных государств станет федерация, позволяющая сочетать выгоды мелкого государства, в котором демократия мыслима с большей безопасностью, обеспечиваемой значительностью территории и населения федеративного государства³².

Таким образом, либералы начала XX века предложили типологию конституционных государств по трем критериям: характер организации политической власти, форма правления, административно-территориальное устройство. Их научные исследования стали теоретическим фундаментом для конструирования либеральной модели переустройства России в начале XX века. При построении ее кадетского варианта был взят за основу тезис о первоочередной важности для реализации конституционных принципов характера организации политической власти. Отсюда стержневым элементом конституционного государства в кадетской интерпретации стала парламентарная система. Кадеты вплоть до марта 1917 года считали политически целесообразным ее сочетание с монархической формой правления, хотя были сторонниками республики³³.

Октябристы, считавшие сохранение монархии как традиционного стержня российской государственности вопросом принципа, настаивали на дуалистической модели, дававшей возможность монарху продолжать играть важную роль в государственном управлении³⁴.

Исходя из теоретически возможных вариантов административно-территориального устройства конституционного государства кадеты выступали за постепенное введение в Российской империи административной или законодательной децентрализации в зависимости от особенностей получающих ее территориальных единиц³⁵, а октябристы допускали только распространение местного самоуправления на всю территорию страны³⁶. Крайне осторожный подход либералов в данном случае обуславливался стремлением сохранить единое Российское государство.

В целом же, соглашаясь с мнением В. В. Шелохаева [7; 261], можно утверждать, что либералам, прежде всего кадетам, в начале XX века удалось предложить достаточно последовательную и целостную модель переустройства России на принципах конституционализма, учитывавшую национальные особенности страны и обладавшую потенциалом для дальнейшей трансформации в зависимости от изменения исторической ситуации. Однако в силу целого ряда причин данная модель не смогла реализоваться на практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кокошкин Ф. Ф. Республика. Пг.: Синодальная тип., 1917. С. 5.

² Гессен В. М. Основы конституционного права. Пг.: Юрид. кн. скл. «Право», 1917. С. 417.

³ Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. М.: Тип. «Мысль», 1915. С. 314.

⁴ Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1908. С. 509.

⁵ Гессен В. М. Указ. соч. С. 431.

⁶ Ковалевский М. М. Общее конституционное право. Лекции, читанные в СПб университете и Политехникуме. 1907–1908. СПб.: Изд. студента Н. П-м, 1908. С. 24; Милуков П. Н. Связь между идеями «кабинета» и «политической партии» // Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1907. С. 488.

⁷ Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 351.

⁸ Гессен В. М. Указ. соч. С. 408–409.

⁹ Котляревский С. А. Сущность парламентаризма. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. С. 12–13, 15.

¹⁰ Шершеневич Г. Ф. Конституционная монархия. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. С. 20–21.

¹¹ Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 208.

¹² Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 358–359.

- ¹³ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. Изд-е 2. М.: Изд. бр. Башмаковых, 1912. С. 258.
- ¹⁴ Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1909. С. 168–170.
- ¹⁵ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. С. 258–259.
- ¹⁶ Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 205, 207.
- ¹⁷ Шершеневич Г. Ф. Философия права. Т. 1. Часть теоретическая. Общая теория права. Вып. 1. М., 1910. С. 270.
- ¹⁸ Милуков П. Н. Республика или монархия? Париж: Изд-е Республиканско-демократического объединения, 1929. С. 4.
- ¹⁹ Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. С. 50.
- ²⁰ Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 180.
- ²¹ Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве. С. 51.
- ²² Герье В. И. О конституции и парламентаризме в России. М.: Тип. «Русского голоса» (Н. Л. Казецкаго), 1906. С. 12.
- ²³ Герье В. И. Указ. соч. С. 13; Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М.: РОССПЭН, 2007. С. 425.
- ²⁴ Герье В. И. Указ. соч. С. 26.
- ²⁵ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. С. 305.
- ²⁶ Там же. С. 305–306.
- ²⁷ Там же. С. 301.
- ²⁸ Там же. С. 303.
- ²⁹ Кокошкин Ф. Ф. Областная автономия и единство России. М.: Тип. О. Л. Сомовой, 1905. С. 12.
- ³⁰ Лазаревский Н. И. Автономия. СПб.: Типо.-лит. А. Г. Розена, 1906. С. 19.
- ³¹ Котляревский С. А. Автономия и право. Проблема правового государства. С. 272.
- ³² Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 421.
- ³³ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М.: РОССПЭН, 1995. С. 326.
- ³⁴ Там же. С. 342.
- ³⁵ Там же. С. 329.
- ³⁶ Там же. С. 343.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалевский М. М. Прогресс // Избранные труды: В 2 ч. М.: РОССПЭН, 2010. Ч. 2. С. 7–42.
2. Корнев В. Н. Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России конца 19 – начала 20 в. М., 2005. 337 с.
3. Кудин О. А. Развитие конституционно-правовых теорий российскими государствоведом в XIX – начале XX вв. М.: Социум, 2000. 181 с.
4. Мамитова Н. В. Либеральные концепции конституционного государства в России (конец XIX – начало XX вв.). М.: Моск. гос. ун-т коммерции, 2001. 127 с.
5. Медушевский А. Н. Владимир Матвеевич Гессен // Гессен В. М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 5–36.
6. Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1998. 654 с.
7. Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М.: РОССПЭН, 1996. 280 с.

Vostrikova V. V., Orel Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation
(Orel, Russian Federation)

EARLY XX CENTURY LIBERAL POLITICIANS OF RUSSIA ON TYPES OF CONSTITUTIONAL STATES

The article examines the views of the Russian liberals of the early XX century on the problem of typology of constitutional states. The author shows that the main typology criterion considered by the liberals was the nature of political power organization. Such structure implied dualistic and parliamentary systems. The difference between these determinants was seen in the appointment of the government and control exercised over it. The form of the constitutional states could be both monarchical and republican. The form of the administrative-territorial structure of the constitutional states, from the standpoint of the liberals, assumed different degrees of decentralization (autonomy, regional autonomy, federation).

Key words: constitutional state, dualism, parliamentarism, responsibility of the government, monarchy, republic, autonomy, federation

REFERENCES

1. Kovalevskiy M. M. Progress [Progress]. *Kovalevskiy M. M. Izbrannye trudy v 2 ch.* [Selected Works in 2 books]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. Part 2. P. 7–42.
2. Kornev V. N. *Problemy teorii gosudarstva v liberal'noy pravovoy mysli Rossii kontsa 19 – nachala 20 v.* [Problems of the theory of the state in liberal legal thought Russia in Russian legal liberal thinking of the late XIX – early XX centuries]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2005. 337 p.
3. Kudinov O. A. *Razvitie konstitutsionno-pravovykh teoriy rossiyskimi gosudarstvovedami v XIX – nachale XX vv.* [Development of constitutional and legal theories by Russian states in the XIX – early XX centuries]. Moscow, Sotsium Publ., 2000. 181 p.
4. Mamitova N. V. *Liberal'nye kontseptsii konstitutsionnogo gosudarstva v Rossii (konets XIX – nachala XX vv.)* [Liberal concept of constitutional government in Russia (late XIX – early XX centuries)]. Moscow, Moscow State University of Commerce, 2001. 127 p.
5. Medushevskiy A. N. Vladimir Matveevich Gessen [Vladimir Matveevich Gessen]. Gessen V. M. *Osnovy konstitutsionnogo prava* [Gessen V. M. Foundations of Constitutional rights]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. P. 5–36.
6. Medushevskiy A. N. *Demokratiya i avtoritarizm: rossiyskiy konstitutsionalizm v sravnitel'noy perspective* [Democracy and Authoritarianism: Russian constitutionalism in comparative perspective]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 654 p.
7. Shelokhaev V. V. *Liberal'naya model' pereustroystva Rossii* [The liberal model of transformation of Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 280 p.

Поступила в редакцию 21.11.2013

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КОЖЕВНИКОВА
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Национальный парк «Водлозерский» (Петрозаводск,
Российская Федерация)
julmarnick@onego.ru

ДИОДОР ЮРЬЕГОРСКИЙ – ПОКРОВИТЕЛЬ ВОДЛОЗЕРЬЯ (МАТЕРИАЛЫ К ТРАДИЦИИ ПОГРЕБЕНИЯ И ПОЧИТАНИЯ ОСНОВАТЕЛЕЙ МОНАСТЫРЕЙ)

На основании собранного материала раскрывается ранее не рассматривавшийся в научной литературе вопрос о месте погребения создателя Троицкого Юрьегорского монастыря преподобного Диодора Юрьегорского. Представляются и комментируются новые письменные и археологические источники по истории главной монастырской церкви Святой Троицы и ее важной святыни – могилы основателя. В ходе анализа приведенных данных впервые показывается тесная связь захоронения Диодора с древней погребальной практикой, распространявшейся в русских православных монастырях с XIV века. Выбор места для гробницы преподобного свидетельствовал о глубоком почитании Диодора, начавшемся сразу после смерти святого. Выясняются особенности его погребального комплекса, который создавался монахами и оставался в прежнем виде после закрытия монастыря, в период существования Юрьегорского прихода.

Ключевые слова: русские православные монастыри, монастырская погребальная традиция, почитание святых

В русских православных монастырях выбор места для погребения основателей не был случайным. Современная исследовательница И. А. Шалина утверждает, что с конца XIV века на Руси распространяется традиция хоронить «начальников» не под сводами монастырского храма, а возле его южной стены под открытым небом [6]. С «полуденной» стороны «алтаря церковного», согласно житийной литературе, первоначально были погребены почти все русские преподобные XII–XVII веков, создавшие обители [7]. В случае обретения их мощи располагали внутри церквей, в их юго-восточной части перед дьяконником, что являлось характерной особенностью древнерусской монастырской жизни [6; 171]. Размещение нетленных останков основателей монастырей у врат бокового алтаря, по мнению исследовательницы, следует связывать с «наделением его статусом реликвария и придельного храма для проведения поминальных служб, что было вызвано формированием в монастырях сложной системы поминовения» [6; 175].

Вскоре после смерти преподобного над его погребением, особенно при установлении местного почитания, в монастырях возводили крытую палатку-усыпальницу, примыкавшую к южной церковной стене у боковой апсиды. По наблюдению И. А. Шалиной, если погребения чудотворцев после обретения мощей решали не тревожить и оставляли их *in situ*, то над гробом сооружали часовню-усыпальницу или придельную церковь [7; 23–24].

Яркие примеры, иллюстрирующие многовековую погребальную практику в монастырях, содержатся и в житиях преподобных Русского Севера (Александра Свирского, Александра Ошевенского, Антония Сийского, Савватия, Зо-

симы и Германа Соловецких и др.). В данной статье на основе малоизвестных и ранее не публиковавшихся материалов рассматривается история погребения северорусского святого Диодора Юрьегорского (умер 27 ноября 1633 года) и традиция его почитания вплоть до начала XX века.

Диодор (Дамиан) Юрьегорский – основатель Троицкого Юрьегорского монастыря, или Дамиановой («Демьяновой») пустыни на Юрьевом озере (ныне озеро Монастырское в Национальном парке «Водлозерский»; Онежский район Архангельской области). Основным источником сведений о Диодоре остается его Житие, составленное неизвестным автором в 40-е годы XVII века и хорошо известное современным исследователям [1; 277–296], [2]. Диомид (мирское имя святого) родился в конце XVI века «в каргопольских пределах на Онеги реки в веси глаголемой Городецкой села Турчасова» (цит. по: [3; 393]). Юноша принял монашеский постриг с именем Дамиан в Соловецком монастыре, где жил в одно время с Иовом Ущельским и Елеазаром Анзерским, а также «соборным старцем» Александром Булатниковым, позднее ставшим знаменитым келарем Троице-Сергиевого монастыря.

После неудачной попытки обосноваться около устья реки Кены, изгнанный местными жителями, Дамиан поселился «подле каргопольского рубежа» в запустевшей деревне Юрьева гора, от которой ко времени его прихода сохранились два старых крестьянских двора. Постепенно вокруг Дамиана складывается монашеская община, под конец его жизни включавшая «братья тридцать человек, да трудников семнадцать»¹. В монастыре были возведены две церкви – Троицкая и Введенская. Среди первых монастырских вкладчи-

ков назовем «великую старицу» Марфу Ивановну и купца Надея Светешникова, одного из самых состоятельных людей страны первой половины XVII века. По ходатайству могущественного троицкого келаря Александра Булатникова от царя Михаила Федоровича Романова Дамианова пустынь получила жалованную грамоту².

В Житии говорится, что как-то осенью Дамиан «прииде в Каргополь монастырскаго ради орудия и, мало дней пребыв, в недуг телесный впаде... Призвав священника, именем Феодора и исповедався ему и причастився Божиих тайн, пречистаго Тела и Крове Господа нашего Иисуса Христа и преставися в лето 7142, ноября в 27 день»³. Перед смертью Дамиан принимает схиму с именем Диодор. По свидетельству Жития, первоначально его временно погребли под одной из городских каргопольских церквей. Спустя два месяца, когда в далекий от Каргополя монастырь, трудно доступный в течение осени, можно было добраться по установившемуся зимнему пути, тело отца-основателя на Юрьеву гору перевез его ближайший воспитанник: «И погребено бысть тело его под церковь отцем его духовным; и пребыв 2 месяца исполнь и поя, пришед ученик его Прохор в Каргополь, и взя тело его, и привезе его на Юрьеву гору, в созданный от него монастырь, его ради старца Дамиана молитв, и погребе его близ церкви Живоначальныя Троицы, от полуденныя страны»⁴.

Как видим, инок Прохор и юрьегорские старцы при выборе места захоронения Диодора действовали в полном соответствии с давней монастырской традицией, положив его останки возле южной стены Троицкого храма. С помощью архивных документов и материалов археологических изысканий возможно проследить непростую судьбу главной церкви Юрьегорского монастыря и его важной святыни – могилы основателя.

Маленькие клетские храмы, срубленные при Диодоре и упоминаемые московскими писцами в 1628–1629 годах⁵, не уцелели до середины XVIII века. К моменту закрытия Юрьегорского монастыря по секуляризационной реформе 1764 года в нем находились просторная шестиглавая Троицкая церковь с двумя преддвериями (святителя Николая и преподобных Зосимы и Савватия Соловецких) и теплая «с трапезой» одноклапавая Введенская⁶.

Историки не знают точно, когда именно было установлено богослужебное празднование Диодору [5]. Также неизвестен факт официального освидетельствования мощей святого. В любом случае его «честные останки» на протяжении всей истории Юрьегорского монастыря, а затем образованного здесь прихода находились в земле под спудом.

Почитание Диодора юрьегорскими иноками, по-видимому, началось сразу после его преждевременной кончины. Об этом говорит сам выбор

столя «почетного» символического места для могилы преподобного. Его Житие с описанием посмертных чудес (первое датируется 1656 годом), как и упоминаемые в документах монастырского делопроизводства середины XVIII века многочисленные иконы, свидетельствуют о рано начавшемся местном церковном чествовании.

В случае с Диодором мы сталкиваемся с нетипичным вариантом надгробного комплекса. После строительства нового (второго) Троицкого храма могила основателя Юрьегорского монастыря оказалась под его сводами, при этом деревянная гробница-кенотаф, указывавшая ее место, была установлена не в молельной части церкви, а внизу, в высоком подклете основного сруба, где монахи устроили часовню-усыпальницу. Такое расположение раки позволяло паломникам в тишине поклоняться Диодору Юрьегорскому и молиться у его мощей в любое время суток независимо от расписания монастырского богослужения (возможно, существовал отдельный боковой вход в усыпальницу). Обычно же церковные подклеты в севернорусских общежительных монастырях использовались монахами как кладовые («подвало кладовой», «анбар кладный»), где хранили монастырскую казну, восковые свечи, ладан и пр. Так, И. Н. Шургин приводит известные ему сведения о Никольском храме в Троицкой Муезерской пустыни («под церковью Николая Чудотворца в казне обиходов монастырских свеч восковых 21 фунта, ладану фунт...») и церкви Рождества Богородицы в Кандалакшском монастыре («под церковью анбар кладный з дверьми, под трапезою жира теплая...») [8; 35, 37].

В описи монастырского имущества 1765 года об усыпальнице сообщается: «под церковью, у чудотворца Диодора, образ Александра Ошевенскаго и Диодора чудотворца; образ животворящаго креста; образ Введения Пресвятыя Богородицы и с прочими праздниками – все на красках. Гробница чудотворца Диодора, на гробнице образ Живоначальныя Троицы и Николы Чудотворца и Диодора Юрьегорскаго. На гробнице покров голи красной, с травами золотыми, кругом обложено голью, на черной земли с травами золотыми. Кругом гробница обложена набойкой крашенинной; над ним лампада медная, небольшая»⁷. Обращает на себя внимание особенная скромность убранства и небольшое число икон, находившихся в усыпальнице, среди них – возможно, первые иконописные изображения Диодора.

Вернемся к истории Троицкого храма. Ведомость об имуществе упраздненного Юрьегорского монастыря, относящаяся к 1769 году⁸, содержит дополнительные сведения о монастырских церквях. Согласно документу Введенский храм был срублен в 1723 году⁹. Относительно Троицкой церкви ведомость сообщает только

то, что полотняные антиминсы, лежавшие на ее престолах, датировались 1733 (в главном алтаре) и 1700 годами (в приделах святителя Николая и преподобных Зосимы и Савватия Соловецких)¹⁰. Допустимо ли на основании приведенных сведений предполагать, что храм Святой Троицы строился в конце XVII или в начале XVIII века? К сожалению, для утвердительного ответа их недостаточно. Вполне вероятно, в указанные годы старые или испорченные антиминсы Троицкой церкви менялись на новые.

Проясняют вопрос последние данные, полученные в ходе археологических работ под руководством А. В. Алексеева, впервые проводившихся на месте исчезнувшего Юрьегорского монастыря в июле 2013 года по приглашению ФГБУ НП «Водлозерский» и прихода храма во имя преподобного Диодора Юрьегорского села Куганаволок (Пудожский район РК). Согласно предварительным результатам археологического обследования, первая Троицкая церковь на Юрьевой горе строилась примерно в середине XVII века на месте уничтоженной огнем предшественницы¹¹. Добавим, что с этим утверждением согласуются сведения из переписных книг, представленные в статье А. Н. Старицына: если по переписи 1646–1647 годов в «монастыре Юрьева гора новая Демьянова пустыня» находились два храма, то в 1678 году при описании обители упоминается только Троицкая церковь [4; 139]. Очевидно, в пожаре середины XVII века сгорели обе монастырские церкви, и монахи сначала смогли восстановить только одну из них.

Юрьегорский монастырь, не ставший крупным земельным вотчинником, при проведении секуляризационных мероприятий был упразднен и преобразован в одноименный приход, в который вошли бывшие монастырские деревни в Водлозерской волости Каргопольского уезда (Коркала, Луза и Калгачиха). В ГААО хранится подробная опись имущества Юрьегорского прихода за 1834 год, до настоящего времени не попадавшая в поле зрения исследователей¹². В ней указывается, что обе приходские церкви вместе с усыпальницей Диодора «от молнии сгорели в 1795 году»¹³.

Необходимо отметить существующую путаницу в датировке событий конца XVIII – начала XIX века, связанных с пожаром на Юрьевой горе. В краеведческой литературе и приходских документах встречается противоречивая информация о постройке новой Троицкой церкви в 1792, 1794 или 1796 году и ее освящении в 1802 году¹⁴. В описи 1834 года четко указывается, что главный престол храма Святой Троицы освящал священник Ворзогорского прихода Иоанн Дмитриев 18 декабря 1803 года, соседний Введенский придел – он же на следующий день¹⁵. В 1802 году освящались антиминсы для обоих престолов. Что касается придела во имя

соловецких преподобных, он был устроен в юго-западном углу основного сруба с входом из трапезной позднее, в 1847 году¹⁶.

Третья по счету Троицкая церковь на Юрьевой горе, довольно внушительная по размерам (длина более 23 м, ширина около 9 м), строилась долго, с 1796 по 1802 год. Дело в том, что Юрьегорский приход, располагавшийся в малонаселенной и труднодоступной местности, относился к самым бедным в Онежском уезде. В первой четверти XIX века в Архангельской духовной консистории рассматривался вопрос о лишении юрьегорских церквей самостоятельности, однако их статус остался прежним: «Причислить оный к другим приходам за отдаленностью нельзя, ни пособия причту к улучшению положения их за недовольным количеством владеемой ими земли и бедностью прихожан, сделать не предвидится никакой возможности»¹⁷.

Археологический материал подтверждает сообщения письменных источников о трагедии, случившейся в 1795 году на Юрьевой горе. А. В. Алексеев, заложивший рекогносцировочный раскоп (4 x 4 м) внутри сруба окладного венца центральной части Троицкого храма, обнаружил слой мощного пожарища с датирующими находками (медными монетами регулярного российского чекана XVIII века). По его словам, температура горения была настолько высока, что полностью расплавились медные предметы, находившиеся в интерьере здания¹⁸.

Приведем из описи 1834 года ценные сведения о Троицкой церкви, срубленной после пожара: «деревянная, в 1796 году иждивением прихожан построена на деревянном фундаменте вышиною до крыши 5 сажень, покрыта крышей деревянной, на ней шесть глав, крытых чешуею деревянной; двери в церкви одни, деревянные простой работы сделанные с задорожным замком, другие в трапезе таковые же без замка, в церкви четыре окна с окончинами стеклянными и железными решетками. Приделов в ней один, Входа во храм Пресвятые Богородицы в ряду в одном иконостасе с Троицким состоящий. При сей церкви одна трапеза с печкой и одна паперть, стены и полы просто тесанные и струганные. Престолов два, царские двери расположены по порядку против престолов вышиной в рост человеческого, с северной стороны пономарские врата есть, а на другой стороне в алтаре сундук, в коем хранится ризница. Колокольня в два яруса деревянная, построена над папертью, крыша шатровая деревянная с главою чешуйчатою, двери одни, теми же входят и в паперть, работы простой с задорожным замком, одно окно без ставня, на ней пять колоколов. Первый – 2 пуда 30 фунтов; второй – 2 пуда 25 фунтов; третий – 2 пуда 20 фунтов; четвертый – 1 пуд; пятый – 20 фунтов»¹⁹.

В отдельном разделе описи 1834 года находим важную информацию о почитаемой приход-

ской святыне – раке, установленной над могилой Диодора Юрьегорского. В новом храме она сохранила свое местонахождение возле южной церковной стены в часовне-усыпальнице: «Под церковью с южной стороны устроена жира для гробницы преподобного Диодора Юрьегорского наподобие часовни, в ней двои простой работы двери, одни с весючим замком и два окна с окончинами стеклянными... Над гробом преподобного Диодора Юрьегорского гробница деревянная устроена в меру роста человеческого, покрыта с боков шелковой полосчатой материей с крестом золотого позумента. Наверху оной доска, на коей изображен образ святителя Николая и преподобного Диодора Юрьегорского в молебнии пред Живоначальной Троицей. Над гробницей лампада медная, гробница покрывается покровом шелковым травчатым, на коем крест из серебряного позумента обложен в круг черной бахромой. На стене образ Нерукотворенного Спаса, на нем венец серебряный без паты, пред ним лампада жестяная. Еще здесь пять икон ветхих во имя разных святых»²⁰. В усыпальницу к гробнице Диодора прихожане и паломники входили через дверь на южной стене трапезной (возможно, таким же образом был устроен вход и в сгоревшем храме-предшественнике), что хорошо видно на сохранившихся чертежах XIX века²¹. Добавим, что к началу XX века деревянную гробницу над могилой преподобного сменила металлическая посеребренная рака²².

В 1882 году местный священник Василий Шангин докладывал начальству о необходимости исправления Троицкой церкви, южная стена которой начала разрушаться: «фундаментом крепка, на стене же с южной стороны от солнечного зною и дождей оказываются трещины, коими в летнее и осеннее время от проливных побочных дождей посредством покослых щелей протекает внутрь церкви дождевая вода, и кроме того, с 1871 года чрез крышу, устроенную над алтарями Троицким и Введенским, начало протекать внутрь оных, а посему необходимо бы обшивать церковь тесом и ветхую на алтарях крышу заменить новою»²³.

Подновлялась церковь уже при следующем настоятеле Юрьегорского прихода Петре Пятницком. В марте 1890 года он отправил епархиальному начальству рапорт о чудесном явлении, сопровождавшем ремонтные работы возле полусгнившей южной стены церковного здания: «При освидетельствовании нами с некоторыми прихожанами фундамента Троицкой Юрьегорской церкви, когда начали копать землю под стенами церкви с южной стороны, где в расстоянии одного аршина от стены почивают мощи преподобного Диодора, то вдруг вышло из-под той стены веяние, великое ароматическое неиспытанное благоухание и по мере копки ямы благоухание увеличивалось, тогда многие пе-

рекрестились и сказали: “Вот как здесь близ преподобного хорошо, как приятно пахнет из-под стены”. Это сладкое душистое благоухание продолжалось и наполняло собою воздух далеко около церкви пока не зарыли опять тех ям. При копании ямы с южной стороны под стеною церкви – гроба, святых мощей и склепа около гроба со святыми мощами не оказалось, ибо мы копали только под самую стеною, не далее и не более 1 $\frac{1}{4}$ аршина глубины, но когда... копали, шибко ударяли в землю, то был внизу и по бокам какой-то пустой гул-звук, как будто звук показывал, что ниже или в сторону есть что-то пустое, но ничего не могли узнать. Возможно предположить, что на большей глубине до 3 и более аршин или в сторону есть гроб или склеп со сводами, чего не могли понять. Грунт земли под нижнюю стеною с юга, близ мощей преподобного Диодора очень слабый, мягкий, песчаный, а с других трех сторон церкви грунт более крепкий – щепень, мелкие камешки с песком, глиной и черноземом»²⁴.

Ответить на вопрос, почему строители в 1890 году не наткнулись на гробовину Диодора, нам помогут данные, полученные в ходе археологических работ. А. В. Алексеев зафиксировал в 67 см к северу от бревна южной стены Троицкого храма песчаную подсыпку (135 x 76 см) под основание раки. «Рядом с песчаным пятном концентрировались находки фрагментов подвешенной медной лампы со стеклянным стаканом для масла – вероятно, той самой лампы, что неугасимо горела в часовне под храмом у раки преподобного Диодора»²⁵. Однако непосредственно под местом, где стояла когда-то рака, ничего не обнаружилось. Глубокая могильная яма (200 x 57 см) располагалась севернее, в 125 см к северу от южной стены Троицкого храма. Таким образом, А. В. Алексееву удалось не только точно определить ранее неизвестное местонахождение могилы Диодора, но и выяснить, что рака накрывала ее не полностью, а была смещена к югу на 60 см. Археолог объясняет это тем, что после пожара точное расположение захоронения преподобного Диодора было утрачено.

В приходских документах встречается информация о мемориальных часовнях, связанных с Диодором и устроенных на месте его избения опальным монахом Феодосием, посланным в Юрьегорский монастырь патриархом Филаретом, возле выкопанного преподобным колодца и там, где находилась его келья²⁶. Когда сложился благоговейный обычай поклоняться этим «святым достопамятным местам, освященным подвигами преподобного Диодора», сказать трудно из-за отсутствия данных в письменных источниках. Возможно, более обстоятельное археологическое обследование территории монастырской усадьбы на Юрьевой горе в будущем позволит ответить и на этот вопрос.

Итак, мы смогли убедиться, что в Троицком Юрьегорском монастыре, располагавшемся в глухом таежном «суземке», монахи следовали общерусской традиции погребения отцов-основателей. Почитание Диодора, считавшегося местными жителями святым заступником Водлозерья, и места захоронения преподобного продолжалось после закрытия обители, в дли-

тельный период существования здесь сельского прихода. Примечательно, что при строительстве нового Троицкого храма юрьегорский причт и прихожане сочли необходимым сохранить прежнюю конструкцию церкви и расположение в ней погребального комплекса, выбранные монахами в середине XVII века (усыпальница в высоком подклете).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Грамота царя Михаила Федоровича Юрьегорской Демьяновой пустыне // Олонецкие губернские ведомости. 1852. № 16. С. 6.
- ² Докучаев-Басков К. А. Преподобный Диодор Юрьегорский и основанный им монастырь // Христианское чтение. 1885. № 5–6. С. 771–812.
- ³ Цит. по: Докучаев-Басков К. А. Указ. соч. С. 798.
- ⁴ Цит. по: Докучаев-Басков К. А. Указ. соч. С. 799.
- ⁵ Список с писцовой книги (1628–1629). Монастырь в Водлозерском погосте // Олонецкие губернские ведомости. 1851. № 1. С. 3.
- ⁶ РГИА. Ф. 834 (Рукописи Синода). Оп. 3. Д. 2457. Л. 112–126 об.
- ⁷ Цит. по: Докучаев-Басков К. А. Указ. соч. С. 802.
- ⁸ РГИА. Ф. 834 (Рукописи Синода). Оп. 3. Д. 2457. Л. 112–122 об.
- ⁹ РГИА. Ф. 834 (Рукописи Синода). Оп. 3. Д. 57. Л. 115 об.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 834 (Рукописи Синода). Оп. 3. Д. 57. Л. 114, 115.
- ¹¹ Научный архив ФГБУ НП «Водлозерский».
- ¹² ГААО. Ф. 462 (Первое благочиние Онежского уезда Архангельской губернии). Оп. 1. Д. 31.
- ¹³ ГААО. Ф. 462 (Первое благочиние Онежского уезда Архангельской губернии). Оп. 1. Д. 31. Л. 2.
- ¹⁴ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1896. Вып. 3. С. 29; Васильев А. Преподобный Диодор // Архангельские губернские ведомости. 1851. № 32. С. 240–244.
- ¹⁵ ГААО. Ф. 462 (Первое благочиние Онежского уезда Архангельской губернии). Оп. 1. Д. 31. Л. 9.
- ¹⁶ ГААО. Ф. 462 (Первое благочиние Онежского уезда Архангельской губернии). Оп. 1. Д. 20. Л. 62–65.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 110. Д. 3. Л. 9 об.–10.
- ¹⁸ Научный архив ФГБУ НП «Водлозерский».
- ¹⁹ ГААО. Ф. 462 (Первое благочиние Онежского уезда Архангельской губернии). Оп. 1. Д. 31. Л. 2–2 об.
- ²⁰ ГААО. Ф. 462 (Первое благочиние Онежского уезда Архангельской губернии). Оп. 1. Д. 31. Л. 2 об., 7 об.
- ²¹ ГААО. Ф. 29 (Архангельская духовная консистория). Оп. 4. Т. 3. Д. 899; Оп. 31. Д. 483, 785.
- ²² ГААО. Ф. 462 (Первое благочиние Онежского уезда Архангельской губернии). Оп. 1. Д. 20. Л. 62–65.
- ²³ ГААО. Ф. 462 (Первое благочиние Онежского уезда Архангельской губернии). Оп. 1. Д. 6. Л. 196 об.–199 об.
- ²⁴ ГААО. Ф. 29 (Архангельская духовная консистория). Оп. 2. Т. 5. Д. 760. Л. 7–7 об.
- ²⁵ Научный архив ФГБУ НП «Водлозерский».
- ²⁶ ГААО. Ф. 29 (Архангельская духовная консистория). Оп. 4. Т. 3. Д. 899.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новый Олонецкий патерик. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 584 с.
2. Панченко О. В. Житие преподобного Диодора Юрьегорского: ранние редакции Жития и их отношение к повестям о Соловецких пустынножителях // Святые и святые Обонежья: Материалы науч. конф., посвящ. 380-летию со дня преставления святого Диодора Юрьегорского, основателя Троицкого монастыря в Водлозерье (2–4 сентября 2013 года) / Отв. ред. А. В. Пигин. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 13–31.
3. Пигин А. В. Материалы к изучению агиографии Обонежья (Корнилий Палеостровский и Диодор Юрьегорский) // Особо охраняемые природные территории в XXI веке: современное состояние и перспективы развития. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 391–403.
4. Старицын А. Н. Писцовые и переписные книги как источник по истории монастырей Карелии XVII в. // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. Вып. 6. С. 132–142.
5. Чумичева О. В. Дамиан Юрьегорский // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 704–707.
6. Шалина И. А. Локализация погребений русских чудотворцев в монастырских храмах и их символическое значение // Seminarium Bulkinianum. II. К 70-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 167–202.
7. Шалина И. А. Место захоронения преподобного Саввы Сторожевского // Преподобный Савва Сторожевский: иконография XV – начала XX века. М.: Лето, 2013. С. 20–31.
8. Шургин И. Н. Исчезающее наследие: Очерки о русских деревянных храмах XV–XVIII вв. М.: Совпадение, 2006. 200 с.

Kozhevnikova Yu. N., National Park “Vodlozersky” (Petrozavodsk, Russian Federation)

DIODOR YUR'EGORSKY – PATRON OF VODLOZERO (MATERIALS ON FUNERAL CUSTOMS IN MONASTERY AND VENERATION OF ITS FOUNDERS)

The current research was started to resolve previously unanswered question related to the location of the Saint Diodor Yur'egorsky's grave. He was a founder of the Troitsky Yur'egorsky monastery. The collected materials include previously unpublished written documents and archaeological findings that reveal new facts on the history of the main monastery church of the Holy Trinity and its sacred object – the grave of the founder. The analysis of the data shows that the burial of Diodor Yur'egorsky was carried out in

accordance with the set of ancient funeral customs, which existed in the Orthodox Russian monasteries since XIV century. The selection of the burial place for Diodor Yur'egorsky speaks of the deep veneration toward the Saint. The veneration started immediately after his death. New details regarding specific features of his mortuary complex were revealed. This complex was built by the monks and remained intact after the closure of the monastery during Yur'egorsky's parish period.

Key words: the Orthodox Russian monasteries, burial customs in monasteries, veneration of saints

REFERENCES

1. *Novyy Olonetskiy paterik* [New Olonetsky paterikon]. St. Petersburg, 2013. 584 p.
2. Panchenko O. V. Life of Diodor Yur'egorsky: early versions and its relations to stories about desert dwellers from Solovki [Zhitie prepodobnogo Diodora Yur'egorskogo: rannie redaktsii Zhitiya i ikh otnoshenie k povestiyam o solovetskikh pustynnozhitelyakh]. *Svyatye i svyatyni Obonezh'ya: Materialy nauch. kohf., posvyashchennoy 380-letiyu so dnya prestavleniya svyatogo Diodora Yur'egorskogo, osnovatelya Troitskogo monastyrya v Vodlozer'e (2–4 sentyabrya 2013 goda)* [Saints and holy objects of Obonezh'e: materials of scientific conference dedicated to the 380th anniversary of decease of the saint Diodor Yur'egorsky, founder of Troitsky monastery in Vodlozero region (2–4th September 2013)]. Petrozavodsk, 2013. P. 13–31.
3. Pigin A. V. Materials on the studying of hagiography of Obonezh'e (Kornily Paleostrovsky and Diodor Yur'egorsky) [Materialy k izucheniyu agiografii Obonezh'ya (Korniliy Paleostrovskiy i Diodor Yur'egorskiy)]. *Osobo okhranyaemye prirodnye territorii v XXI veke: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Protected areas in XXI century: modern state and perspectives for development]. Petrozavodsk, 2011. P. 391–403.
4. Staritsyn A. N. Scribes and census books as source on history of monasteries in Karelia in XVII century [Pistsovye i perepisnye knigi kak istochnik po istorii monastyrey Karelii XVII v.]. *Vestnik Karel'skogo kraevedcheskogo muzeya* [Bulletin of Karelian Regional Museum]. 2011. Vol. 6. P. 132–142.
5. Chumicheva O. V. Damian Yur'egorsky [Damian Yur'egorskiy]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, 2006. Vol. 13. P. 704–707.
6. Shalina I. A. Localization of burials of the Russian saints in monastery churches and its symbolic meaning [Lokalizatsiya pogrebeniy russkikh chudotvortsev v monastyrskikh khramakh i ikh simvolicheskoe znachenie]. *Seminarium Bulkinianum. II. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya Valentina Aleksandrovicha Bulkina* [Seminarium Bulkinianum II. On the occasion of the 70th anniversary of the birth of Valentin Aleksandrovich Bulkin]. St. Petersburg, 2007. P. 167–202.
7. Shalina I. A. The place of burial of saint Savva Storozhevsky [Mesto pogrebeniya prepodobnogo Savvy Storozhevskogo]. *Prepodobnyy Savva Storozhevskiy: ikonografiya XV – nachala XX veka* [Venerable Savva Storozhevsky: iconography in XV – the beginning of XX century]. Moscow, 2013. P. 20–31.
8. Shurgin I. N. *Ischezayushchee nasledie: Ocherki o russkikh derevyannykh khramakh XV–XVIII vv.* [Disappearing heritage: Studies on the Russian wooden churches of XV–XVIII centuries]. Moscow, 2006. 200 p.

Поступила в редакцию 03.09.2014

СЕРГЕЙ ЕФРОИМОВИЧ ЭРЛИХ

кандидат исторических наук, директор, Издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ehrllich@mail.ru

ИНЕРЦИЯ МИФА: РИТОРИКА ДЕКАБРИСТСКОГО ИСКУПЛЕНИЯ ДВОРЯНСКОЙ ВИНЫ В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Изучение общих механизмов исторической памяти и выявление ее национальных особенностей имеет важное общественное значение. В обращении к этой ведущей теме мировой исторической науки состоит актуальность данного исследования. Цель статьи – объяснить на примере памяти о декабристах феномен «подсознательного» обращения к риторическим стратегиям советского времени. Тогда ссылки на декабристов использовались интеллигенцией для того, чтобы подать в положительном свете и тем самым включить в историческую память сомнительных с точки зрения коммунистической идеологии исторических деятелей, творцов культуры и даже литературных персонажей. После крушения советского режима необходимость включения в декабристский контекст отпала. Тем не менее исследователи продолжают настойчиво привязывать героев своих исследований к памяти о героях 14 декабря. Можно предположить, что и современные авторы испытывают потребность в священном «метанарративе» – универсальном рассказе культуры, к которому привязывается вся совокупность профанных частных повествований. Таким метанарративом в советское время являлись ленинские «три поколения». Новизна этой работы состоит в выдвижении гипотезы, что отсутствие в современной русской культуре объединяющего рассказа вынуждает интеллигенцию неосознанно использовать неоднократно осмеянную ею революционную парадигму.

Ключевые слова: декабристский миф Герцена, метанарратив «трех поколений», инерция советского дискурса

Ссылка на декабристов, особенно в эпоху постсталинских идеологических послаблений, использовалась интеллигенцией для того, чтобы подать в положительном свете и тем самым включить в историческую память и публикационный процесс сомнительных с точки зрения советской идеологии исторических деятелей, творцов культуры и даже литературных персонажей. Так, для авторов школьного учебника литературы важно было указать, что Евгению Онегину «близок» П. П. Каверин, который был не только «щеголем и постоянным участником кутежей», но членом Союза благоденствия и «другом декабриста Н. И. Тургенева» [14]. Кроме лобового аргумента «друг декабристов», применялись порой искусно конструируемые ассоциации «по смежности». Например, творчество царского министра, «певца Фелицы» Г. Р. Державина ценно для советских школьников тем, что «*сильные стороны его поэзии оказали влияние на <...> декабриста Рыльева и Пушкина*» [13]. А «прогрессивность» архискверного, с точки зрения вождя мирового пролетариата, Ф. М. Достоевского доказывалась включением писателя в ряд сидельцев Алексеевского рavelина: «*Достоевский вместе с другими петрашевцами был арестован и заточен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Здесь томился перед отправкой в Сибирь А. Н. Радищев, здесь прошли последние дни приговоренных к казни декабристов, здесь писал свой роман “Что делать?” Чернышевский*» [14]. Под декабристским прикрытие-

ем в научный оборот удавалось вводить даже тексты подозрительных масонов-космополитов. Ю. М. Лотман в своих работах конспиративно именовал «*чисто масонские сочинения “агитационными памятниками” раннего декабристского движения*» [17].

В деле искупления декабристами первородного греха дворянства перед русской историей идеологическая цензура порой доходила до абсурда. В годы Большого террора уральский филолог К. В. Боголюбов написал повесть, основанную на архивных материалах, об Андрее Лоцманове, который «за свободолобивые настроения» был арестован в 1827 году, приговорен к заключению в Бобруйской крепости, «однако не сдался». Московский рецензент поставил повесть Боголюбова в один ряд со сказками Бажова. «*Но Свердловское издательство предъявило автору нелепое требование: превратить Лоцманова в декабриста*». Нелепость состояла не только в противоречии историческим фактам. Требование «декабристизации» уральского вольнодумца было нелепым с точки зрения классовой идеологии «победившего пролетариата». В отличие от дворянских деятелей русской истории Лоцманов, происходивший из крепостных, прикрепленных к Верх-Исетским горным заводам, в социальном оправдании не нуждался¹. С точки зрения, как выражается ученик Боголюбова Б. А. Путилов, «*партредактуры*», как раз был смысл восславить сознательного «пролетарского революционера» эпохи

дворянского этапа освободительного движения, предвестника грядущей бури – движения самих масс. Но, видимо, страх выскочить за флажки «трех поколений» приводил в то суровое время к тому, что все «прогрессивные» проявления первой половины XIX века записывались в актив либо самих мятежников 14 декабря, либо, как тогда выражались, признавались «отголоском движения декабристов». В решении задачи по принятию крепостного Лоцманова в тайное общество дворянских революционеров сталинские большевики обошлись и без К. В. Боголюбова, который отказался от профанации профессии ученого [15]. Об этом можно судить по тому, что выражение «декабрист Лоцманов» стало штампом уральского диалекта советского новояза, не изжитым до сих пор: «*Андрей Лоцманов, наш уральский декабрист*» [4], «*Андрей Лоцманов, тоже екатеринбуржец <...> и, как ни странно, декабрист*» [16], «*Андрей Васильевич Лоцманов <...> был обвинен по делу декабристов*» [18].

Инерция культуры приводит к тому, что уловка советской интеллигенции продолжает использоваться и в современной ситуации, когда в этом нет никакой необходимости.

Работающий в США украинский историк С. Плохий ищет авторов знаменитого апокрифа «*История русов*», позднее ставшего одним из идейных источников украинства. Этот политический документ рассматривается в контексте его времени, которое определяется исследователем промежутком 1816–1818 годов. Согласно Плохому, «*История*» представляла попытку «части потомков казацкой старшины» получить права, «равные правам русского дворянства». Предполагаемые авторы апокрифа по географическим и историческим приметам текста локализируются в окрестностях Стародуба в семьях Гудовичей и Миклашевичей, покровительствуемых выходцами из казацкой старшины А. Безбородко, П. Завадовским, Д. Трощинским. Рецензент недоумевает, почему историк, аргументированно выводивший «*Историю русов*» из силового поля мифа украинства, необоснованно вводит ее в контекст декабристского мифа. «*Одних только родственных связей “подозреваемого” Михаила Миклашевского (его сын и зять были декабристами) и визитов некоторых декабристов к Д. Трощинскому явно недостаточно*», чтобы строить предположения о «причастности декабристов к работе над текстом “История Русов” или существенного влияния на ее автора/авторов» [12]. Кроме как инерцией позднесоветских представлений «декабристизацию» источника украинской национальной мифологии объяснить невозможно.

Уральский писатель, кандидат философских наук В. П. Лукьянин вспоминает о своем старшем коллеге Л. Н. Большакове, которому «удалось установить, что авторство анонимной рукописной книги “Обозрение происшествий

в Молдавии и Валахии 1821 года”, обнаруженной им среди раритетов областной оренбургской библиотеки, принадлежит декабристу Павлу Ивановичу Пестелю». Благодаря этому сенсационному открытию, пишет Лукьянин, на небосклоне русской литературы загорелась неизвестная по другим сочинениям Пестеля «*звезда в созвездии писателей пушкинской поры*». После этих безапелляционных утверждений об установлении авторства делается оговорка, что далеко не все специалисты признали открытие Большакова, несмотря на то что тот «*добросовестно и убедительно разобрался с контраргументами своих оппонентов, но, кажется, и по сей день специалисты-историки сомневаются, что автор “Обозрения” – Пестель*». Лукьянин заключает: «*Допускаю, что их сомнения обоснованы*» [9]. При этом он допускает удивительное для кандидата философских наук логическое противоречие заключения с исходным тезисом: «*удалось установить*». Мы в очередной раз убеждаемся, как миф интеллигенции сокрушает логику интеллигента-шестидесятника.

По принципу временной близости известный историк А. Л. Юрганов увязывает с 14 декабря свое «феноменологическое» исследование об Алексее Лазареве – прототипе толстовского персонажа «*Войны и мира*», застрелившегося в апреле 1825 года после более чем пятилетнего пребывания «*на гауптвахте под судом (за нанесение побоев двум гражданским лицам)*». Рецензент считает, что казус Лазарева мог быть более органично вписан в другие исторические контексты – «*статья эпизодом в истории уголовной юстиции России первой четверти XIX в. или, с еще большим успехом, – в истории представлений о чести*». Но «*историк-феноменолог*» интерпретирует судьбу своего героя в символическом ключе: «*Символично и то, что самоубийство Лазарева произошло незадолго до восстания декабристов, которые могли знать о судьбе прапорщика*» [7].

Ш. Акчурин рассматривает эпиграмму 1826 года поэта-гусара Д. В. Давыдова на князя П. И. Шаликова. Князь П. А. Вяземский в письме от 25 февраля 1827 года объяснил причину появления едкого текста: «*Вот история эпиграммы его: князь Шаликов называл где-то и как-то Дениса Давыдова трусом, а Денис воюет теперь с персиянами*». Но современному исследователю объяснения вне контекста «*поляризации общественного сознания*» недостаточно. По инерции советского гуманитарного ритуала ему надо обязательно мотивировать «*оплеушину с закуской*», выданную защитником Грузии от персов грузинскому князю, глубинными классовыми противоречиями. Благодаря временной близости незначительный межличностный конфликт увязывается с «*настроением московского общества после подавления дворянского восстания*

14 декабря». Указывая «декабристскую» причину личной неприязни, которую «свободолюбивый “казак-партизан”» испытывал к потерпевшему «реакционеру по должности», автор признает, что генерал-майор Давыдов «не разделял» радикальных взглядов декабристов. «Поляризация» его сознания произошла по причинам скорее не идейного, а корпоративного свойства – из-за повешения 13 июля 1826 года на кронверке Петропавловской крепости двух участников Отечественной войны П. И. Пестеля и С. И. Муравьева-Апостола: «Казнь младших соратников по войне 1812 года не должна была оставить Давыдова равнодушным, и тлевшая неприязнь боевого генерала к газетчику Шаликову <...> обострила до пределов чувства Давыдова, и последовал взрыв» в виде той самой «оплеушины» [1]. Такое «обострение до пределов», никак не подтвержденное источниками декабристского контекста (просто «не должна была оставить равнодушным»), является еще одним свидетельством мощи декабристского мифа.

Филолог из Ханты-Мансийска М. М. Рябий анализирует под «лозунгами “Святой Руси” или “православного сознания”» эволюцию идеи «чисто русской России» от московских любомудров к московским же славянофилам. Несмотря на идеологический настрой исследования, который явно противоположен расхожим представлениям о «декабристах-западниках», автор именует так называемое «Общество любомудров» «продекабристским» и, следовательно, «политическим». Свои заключения он основывает на цитате из записок «любомудра» и «славянофила» А. И. Кошелева: «Эти беседы продолжались до 14 декабря 1825 года, когда мы сочли необходимым их прекратить, как потому, что не хотели навлечь на себя подозрение полиции, так и потому, что политические события сосредоточивали на себе все наше внимание». Рецензент считает, что прежде всего уместно задать вопросом: насколько воспоминания Кошелева соответствуют действительности? Так как цитированные «Записки» представляют «единственное свидетельство существования московского “любомудрия”». Но даже если источник достоверен, то невозможно признать выводы о «политическом» и, тем более, «продекабристском» характере «бесед» молодых москвичей, сделанные автором рецензируемой работы. Чтобы согласиться с оценкой рецензента, достаточно прочитать приводимое им свидетельство самого мемуариста, что содержанием их дружеских заседаний было чтение собственных «философических сочинений» и беседы о «творениях немецких любомудров», таких как «Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Гёррес и др.» [6]. Советские историки при всем своем стремлении расширить декабристские ряды не заходили так далеко. Даже главному советскому декабристоведа М. В. Нечкиной не пришлось в го-

лову объяснять сжигание после 14 декабря устава и протоколов «общества любомудрия» «продекабристскими» настроениями его участников. Она корректно упоминает «Записки» Кошелева как свидетельство «невиданной тревоги», воцарившейся в русском обществе после 14 декабря [10; 394]. «Продекабристское» толкование источника, осуществленное автором православномонархического толка, представляет яркое свидетельство укорененности декабристского мифа в «подсознании» современной культуры.

Поэт и литературный критик А. Я. Истоги-на исследует философские проблемы в поздней лирике Е. А. Баратынского, настойчиво включая великого поэта в декабристский контекст. С одной стороны, исследователь признает, что «поэтов-декабристов» А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «не вполне удовлетворяло его творчество, ибо в нем отсутствовали гражданские мотивы». Но это признание не препятствует заключению о симпатии Баратынского к плану гражданских преобразований его поэтических приятелей: «Он не был активным противником режима, но, безусловно, симпатизировал оппозиционерам». Поэтому «преддекабрьское воодушевление» проникло и в лирику пассивного противника режима. Последующие жизнь и творчество равнодушного к «гражданским мотивам» Баратынского определяются «гнетущей эпохой постдекабризма»: «Он был тяжело, если не смертельно ранен расправой над декабристами»; «Разгром декабристов довершил пессимистический колорит его мировосприятия»; «Исторически объяснимое поражение практической программы декабризма представилось ему крахом вольнолюбивых идеалов». О тайном сочувствии Баратынского казненным «братьям» нельзя рассуждать сколь-нибудь доказательно: «В письмах Баратынского нет намеков на 14 декабря, в стихах – слабый отзвук». Тем не менее автор делает категоричный вывод исходя из того, что «друг и родственник» Н. В. Путьята присутствовал при казни декабристов: «наверняка рассказ его потряс поэта». Молчание по поводу судьбы осужденных дает А. Я. Истогиной основание для исчерпывающего описания чувств поэта: «Невозможность открытого сочувствия осужденным тяготила сознанием собственно бессилия, и чувство это было беспросветно унижительным» [3]. Характерное сближение слуг николаевского режима с немецко-фашистскими оккупантами через анахроничное эпохе Баратынского слово «каратели» свидетельствует, что порожденная герценовским мифом ненависть к дракону самодержавия полностью разделяется нашей современницей.

Историк из Екатеринбурга В. П. Леднев рассказывает о династии уральских горнозаводчиков Лугининых. Начинает он с того, что клеймит

«марксистов-ленинцев», которые в недавнем прошлом *«делали все, чтобы вытравить из сознания русских людей не только православную веру, но и тех людей, особенно дворянского и купеческого происхождения, чьим трудом были освоены Урал и Сибирь»*. Тем не менее автор не усматривает противоречия с заявленным «антимарксистским» тезисом, когда освещает эпизодические, с точки зрения исследуемой темы, связи «трудовой династии» с «предками» травивших православную веру большевиков. Лугинины *«оказались связаны с декабристами»* многими нитями. Молоденький прапорщик Генерального штаба Ф. Н. Лугинин *«познакомился в Кишиневе с А. С. Пушкиным»*, был знаком со многими декабристами, *«примыкавшими к Южному и Северному обществам»*. А еще через жену В. П. Полуденскую он породнился с *«декабристом М. С. Луниным»*. Впоследствии одна из внучек Лугинина вышла замуж за В. М. Волконского, *«внука известного декабриста С. Г. Волконского»*. Насыщенное общение с представителями «первого поколения» и их отпрысками привело к тому, что *«в семье с уважением относились к идеям декабристов и все стремились к улучшению жизни русского народа, тянулись к знаниям, науке, просвещению и искусству»*. Одним из последствий основанной на идеях декабристов тяги к знанию, науке, просвещению стала выдающаяся научная карьера сына Ф. Н. Лугинина – Владимира (1834–1911), одного из создателей термохимии в России. Он стал, как выразился профессор Леднев, *«профессором МГУ им. М. В. Ломоносова»* [8]. Духовное и физическое родство с декабристами привело будущего профессора Лугинина к общению с разбуженным ими Герценом и даже сватовству к его дочери Тате.

Член-корреспондент РАН, доктор физико-математических наук Д. П. Костомаров записал в наши дни семейные предания о русском городе Карсе. При этом он, разумеется, не мог не сказать несколько слов о знаменитом Н. Н. Муравьеве-Карском. Среди этих немногих слов оказывается и неизбежная в советское время при упоминании видного «царского генерала» привязка к декабристам: *«Был одним из организаторов декабристских кружков, потом от движения отошел, однако после поражения декабристского восстания продолжал выступать за отмену крепостного права»*. Участники *«Священной артиллерии»* (1814–1817) молодых офицеров Генерального штаба, объединившихся, чтобы *«нанять общую квартиру, держать общий стол и продолжать заниматься для образования себя»* (Н. Н. Муравьев), не могли знать, что впоследствии их действительно несколько вольнодумный «кооператив» назовут *«конспиративной организацией в предыстории декабристского движения»* [11; 71, 80]. Даже советский академик Неч-

кина не решилась назвать «конспиративную», по ее, несомненно, преувеличенному мнению, организацию «декабристской», отнеся ее к «предыстории» тайных обществ. Поскольку в тайные общества Н. Н. Муравьев не вступал, то и отойти от «движения» не мог. Но Д. П. Костомаров, автоматически действуя по советским шаблонам, «нагнетает» декабризм своего героя. Он извиняет его «отход» от «движения» тем, что и «после поражения» тот все-таки «продолжал». С той же целью он вставляет в коротенький рассказ о Карсе сведения о принадлежности к декабристам двух братьев Муравьева-Карского. Мы видим, что инерция времени, когда *«хвалить <...> царских генералов было небезопасно»*, продолжает корезить историческое повествование согласно мифологеме ленинских «трех поколений» [5].

Рецензируя биографию Мережковского, подготовленную Ю. В. Зобниным для серии ЖЗЛ, М. Ю. Эдельштейн приводит пример создания автором *«сомнительного вкуса эффектов»* путем «вчитывания» в сакральный декабристский контекст лекций о современной автору трилогии *«Царство зверя»² «русской литературе»: «Читаны эти лекции были <...> 8 и 15 декабря 1892 года в аудитории Соляного городка <...> Даты, конечно, выбраны не случайно – поклонник декабристов Мережковский ощущал себя революционером, “выходящим на площадь”, чтобы сказать “новую истину”»*. Приложение к литературоведению Мережковского анахроничного парафраза «декабристской» цитаты Галича свидетельствует не только об отсутствии чувства истории, но и погруженности в миф русской интеллигенции. Рецензент иронизирует по поводу произведенного нашим современником насилия над фактами, необходимым для создания «декабристского» мифологического эффекта: *«Мережковский, ощущающий себя наследником декабристов, – предположение не хуже всех прочих. <...> Однако зачем же в угоду эффектной догадке умалчивать о том, что одна из лекций впервые читалась Мережковским еще 26 октября в Русском литературном обществе? В конце концов, “октябрист” – тоже красивое слово»* [19].

Инерция культуры, несомненно, повлияла на трактовку следующих строк стихотворения О. Э. Мандельштама: *«Кому зима – арак и пуни голубоглазый»* (1921 или 1922):

Пусть заговорщики торопятся по снегу
Отарою овец и хрупкий наст скрипит.

М. Л. Гаспаров с одобрением приводит толкование своего израильского коллеги Д. Сегала, который усматривает под «заговорщиками», с одной стороны, мятежников 14 декабря, отступающих через Неву после расстрела правительственной картечью, а с другой – «отару» большевиков, наступающих на мятежный Кронштадт. В предлагаемой интерпретации «снег», покры-

тый «хрупким настом», оборачивается и невским, и кронштадтским льдом. После таких вольных допущений вывод израильского филолога обретает железную логику: «*Это стихотворение дышит живой политической страстью, дышит ненавистью к тиранам и любовью к свободе. Но уроки неудачного восстания декабристов и столь же неудачного кронштадтского восстания против большевиков диктовали необходимость отказа от борьбы “в отаре”. Они диктуют поэту позицию Диогена, одинокого искателя правды*» [2]. Это смелое заключение, на мой взгляд, свидетельствует лишь о подспудном влиянии декабристского мифа, который был «вчитан» в текст Мандельштама при отсутствии достаточных к тому предпосылок.

Мы видим, что и после крушения советского режима исследователи продолжают настойчиво встраивать героев своих исследований в декабристский контекст. На чем основана эта инерция? Можно предположить, что и современные авторы испытывают потребность в священном «метанарративе» – универсальном рассказе культуры, к которому привязывается вся совокупность профанных частных повествований. Таким метанарративом в советское время являлись ленинские «три поколения». Отсутствие в современной русской культуре объединяющего рассказа вынуждает интеллигенцию неосознанно использовать неоднократно осмеянную ею революционную «благую весть» о тех, кто разбудил Герцена.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В действительности крепостной Андрей Лоцманов «рабочим» не был. Он был выходцем из семьи крепостных «эффективных менеджеров». Его отец был представителем Верх-Исетских заводов в Москве и обладал финансовыми возможностями дать сыну «столичное» образование как с частными преподавателями, так и в частных пансионах. Благодарю В. Шкерина (Екатеринбург) за консультацию о земляке.
- ² В трилогию вошли драма «Павел I» (1908), «Александр I» (1911), «14 декабря» (1918).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин Ш. К истории эпиграммы Д. В. Давыдова на князя П. И. Шаликова // Нева. 2005. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2005/6/ak35-pr.html>
2. Гаспаров М. Л. Мандельштамовское «Мы пойдем другим путем»: о стихотворении «Кому зима – арак и пуши голубоглазый...» // Новое литературное обозрение. 2000. № 41 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/41/gasparov.html>
3. Истогина А. «И смерть, и жизнь, и правда без покров...»: О некоторых философских проблемах в поздней лирике Евгения Баратынского // Континент. 2000. № 106 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2000/106/ist.html>
4. Исхаков Р. Университеты литературного критика // Проза.ру. 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2012/12/17/2172>
5. Костомаров Д. В разные годы // Дружба народов. 2002. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2002/4/kost-pr.html>
6. Кошелев В. А. Нечто о «чисто русской России». Рец.: Рябий М. М. «Да, чисто русская Россия пред нами явится видней!»: От любомудрия к славянофильству. М.: Пашков дом, 2007. 384 с. // Новое литературное обозрение. 2008. № 92 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/92/ko33.html>
7. Кром М. М. «Зрячий миф», или Парадоксы «исторической феноменологии». Рец.: Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности. М.: РГУ, 2003. 385 с. (История и память) // Новое литературное обозрение. 2004. № 68 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/kro27-pr.html>
8. Леднев В. Уральские заводчики Лугинины и их потомки // Урал. 2002. № 12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2002/12/ledn.html>
9. Лукьянин В. Проба времени – судьба человека // Урал. 2013. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2013/8/201.html>
10. Нечкина М. В. Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. II. 507 с.
11. Нечкина М. В. К вопросу формирования политического мировоззрения молодого Пушкина («Священная артель») // А. С. Пушкин. 1799–1949. Материалы юбилейных торжеств. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 71–101.
12. Осибян А. «Самые опасные книги», исторические мифы и ответственность интеллектуалов. Рец.: Krebs Ch. В. The most dangerous Book: Tacitus's Germania from the Roman Empire to the Third Reich. N. Y.; L., 2011; Plokhly S. The Cossack Myth: History and Nationhood in the Ages of Empires. Cambridge; N. Y., 2012 // Новое литературное обозрение. 2013. № 121 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/121/30o.html>
13. Пономарев Е. Учебник патриотизма (литература в советской школе в 1940–1950-е годы) // Новое литературное обозрение. 2009. № 97 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/97/po3.html>
14. Пономарев Е. Чему учит учебник // Нева. 2010. № 7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/7/po10-pr.html>
15. Путилов Б. Константин Васильевич, или Мамист № 1 // Урал. 2007. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2007/8/pu20.html>
16. Рытвина Л. Династия Лоцмановых // Уральский рынок металлов. 2001. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.urm.ru/ru/75-journal40-article190>
17. Серков А. И. Масонские доклады Газданова // Новое литературное обозрение. 1998. № 31 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/31/serkov.html>
18. Хроника культурной и литературной жизни Среднего и Южного Урала. 2012. 22 марта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-155463.html>
19. Эдельштейн М. Биография как текст и контекст. Рец.: Юрий Зобнин, Дмитрий Мережковский. Жизнь и деяния. М.: Молодая гвардия, 2008. 448 с. («Жизнь замечательных людей») // Новый мир. 2009. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/2009/8/ed15.html

Erlikh S. E., Publishing House "Nestor-Historia" (St. Petersburg, Russian Federation)

MYTH INERTIA: RHETORIC OF DECEMBRIST REDEMPTION OF NOBILITIES' GUILT IN MODERN HUMANITARIAN RESEARCH

A study of the general mechanisms of historical memory and the identification of its national characteristics are of great public importance. The relevance of this study is substantiated by the need to address this leading problem of the world-wide historical science. The purpose of this article is to explain the phenomenon of "subconscious" references to rhetoric strategies of the Soviet period exemplified on the remembrance of Decembrists. At that time, Soviet intelligentsia frequently referred to Decembrists with the purpose to present positively some historical figures, contributors to cultural development, and even fictional characters whose characteristics were dubious from the standpoint of the communist ideology. After the collapse of the Soviet regime, the need for immersion into the Decembrist narrative vanished. Nevertheless, researchers continue persistently to bind the heroes of their research to the memory of the heroes of December the 14th. One can assume that modern writers are in need of a sacred "metanarrative" – a universal story of culture to which the totality of profane private narratives is bound. In Soviet times such narratives were Lenin's "three generations". The novelty of this work is presented in the hypothesis according to which the absence of a uniting story in contemporary Russian culture compels Russian intellectuals to subconsciously use a revolutionary paradigm repeatedly derided by them earlier.

Key words: Decembrist myth of Herzen, metanarrative "three generations", inertia of the Soviet discourse

REFERENCES

1. Akchurin Sh. To the history of epigram by D.V. Davydov about Prince P.Y. Shalykov [K istorii epigrammy D. V. Davydova na knyazyu P. I. Shalikoval]. *Neva*. 2005. № 6. Available at: <http://magazines.russ.ru/neva/2005/6/ak35-pr.html>.
2. Gasparov M. L. Mandel'shtam's "We'll go by another way": on the poem "To whom the winter is arack and blue-eyes grog..." [Mandel'shtamovskoye "My poydem drugim putem": o stikhotvorenii "Komu zima – arack i punsh goluboglazyy..."]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2000. № 41. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/41/gasparov.html>
3. Istogina A. "And death, and life, and truth without veil..." On some philosophical problems in the late lyrics by Eugeniya Baratynskiy ["I smert', i zhizn', i pravda bez pokrova..."] O nekotorykh filosofskikh problemakh v pozdhey lirike Evgeniya Baratynskogo]. *Kontinent*. 2000. № 106. Available at: <http://magazines.russ.ru/continent/2000/106/ist.html>.
4. Ishakov R. The universities of the literature critic [Universitety literaturnogo kritika]. *Proza.ru*. 2012. Available at: <http://www.proza.ru/2012/12/17/2172>.
5. Kostomarov D. In different years [V raznye gody]. *Druzhba narodov*. 2002. № 4. Available at: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2002/4/kost-pr.html>.
6. Koshelev V. A. Something about "pure Russian Russia" [Nechto o "chisto russkoy Rossii"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2008. № 92. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/92/ko33.html>.
7. Krom M. M. "Sighted myth", or Paradoxes of "historical phenomenology" ["Zryachiy mif", ili Paradoksy "istoricheskoy fenomenologii"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004. № 68. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/kro27-pr.html>.
8. Lednev V. Fabricants from Ural Luginins and their descendants [Ural'skie zavodchiki Lugininy i ikh potomki]. *Ural*. 2002. № 12. Available at: <http://magazines.russ.ru/ural/2002/12/ledn.html>
9. Lukyanin V. The test of time is the human destiny [Proba vremeni – sud'ba cheloveka]. *Ural*. 2013. № 8. Available at: <http://magazines.russ.ru/ural/2013/8/201.html>.
10. Nechkina M. V. *Dvizhenie dekabristov* [Community of Decembrists]. Moscow, 1955. Vol. II. 507 p.
11. Nechkina M. V. On the question of forming young Pushkin's political position ("Sacred crew") [K voprosu formirovaniya politicheskogo mirovozzreniya mladogo Pushkina ("Svyashchennaya artel")]. *A. S. Pushkin. 1799–1949. Materialy yubileynykh torzhestv*. Moscow; Leningrad, 1951. P. 71–101.
12. Osypyan A. "The most dangerous books", historical myths and responsibility of intellectuals ["Samye opasnye knigi", istoricheskie mify i otvetstvennost' intelektualov]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2013. № 121. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/121/30o.html>.
13. Ponomarev E. Tutorial of patriotism (literature in Soviet school in 1940th–1950th) [Uchebnik patriotizma (literatura v sovetskoy shkole v 1940–1950-e gody)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2009. № 97. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/97/po3.html>
14. Ponomarev E. What does the tutorial teach [Chemu ucht uchebnik]. *Neva*. 2010. № 7. Available at: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/7/po10-pr.html>.
15. Putilov B. Konstantin Vasilievich, or Mamist No 1 [Konstantin Vasil'evich, ili Mamist № 1]. *Ural*. 2007. № 8. Available at: <http://magazines.russ.ru/ural/2007/8/pu20.html>.
16. Rytvina L. Lotsmanovs' dynasty [Dinastiya Lotsmanovykh]. *Ural'skiy rynek metallov*. 2001. № 3. Available at: <http://www.urm.ru/ru/75-journal40-article190>.
17. Serkov A. I. Masonic reports by Gazdanov [Masonskie doklady Gazdanova]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1998. № 31. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/31/serkov.html>.
18. *Khronika kul'turnoy i literaturnoy zhizni Srednego i Yuzhnogo Urala*. 2012. 22 march [Chronic of the culture and literature life of Middle and South Ural 2012. 22 marta]. Available at: <http://do.gendocs.ru/docs/index-155463.html>
19. Edel'shtein M. Biografy as text and context [Biografiya kak tekst i kontekst]. *Novyy mir*. 2009. № 8. Available at: http://magazines.russ.ru/novy_mi/2009/8/ed15.html

Поступила в редакцию 01.07. 2014

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА БАУЭР

старший преподаватель кафедры отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
taty-lis@yandex.ru

ВОРОВСТВО КАК ТОТАЛЬНОЕ ЗЛО: РЕАЛЬНОСТЬ И МИФ

Целью статьи является рассмотрение стереотипа о тотальном характере воровства и выявление причин гиперболизации масштабов данного преступления по материалам крестьянской культуры середины XIX – начала XX века. Воровство всегда рассматривалось как один из основных пороков русского общества. Однако вопрос о том, насколько этот стереотип соответствует реальности, не становился объектом специальных исследований. Научная новизна работы определяется тем, что проблема мифологизации воровства в целом недостаточно изучена в рамках культурной антропологии. Автор приходит к выводу, что «тотальная» распространенность воровства в пореформенный период является в некоторой степени отражением объективной реальности, однако прежде всего это универсальная мифологема, актуализация которой связана с болезненной для большинства населения модернизацией страны.

Ключевые слова: крестьяне, этнокультурный концепт, механизм гиперболизации масштабов преступления

Судя по материалам статистики, в пореформенный период наблюдается почти двукратный рост преступности: в частности, согласно данным, приведенным Б. Н. Мироновым, число зарегистрированных преступлений с 1861–1870 по 1911–1913 годы увеличилось в 1,98 раза. Важным обстоятельством является то, что рост преступности характеризуется преобладанием различных посягательств против собственности. Так, например, в период с 1874 по 1883 год число зафиксированных полицией преступлений против общественного и государственного порядка составило 13,2 тысячи (в среднем в год), против личности – 22,4 тысячи, а против собственности частных лиц – 57,5 тысяч. В период с 1909 по 1913 год цифры выглядят следующим образом: 55,4, 149,2 и 245,5 тысячи соответственно.

При этом кражи в общем итоге преступлений занимают первое место. В частности, в период с 1874 по 1883 год второе место после краж занимают такие преступления против собственности, как грабеж и разбой, – 12,3 тысячи, а третье – преступления против личности (за исключением убийств, сексуальных преступлений и телесных повреждений) – 9,3 тысячи. В период с 1909 по 1913 год эти преступления занимают те же позиции, меняются лишь цифры: так, было зафиксировано 71,3 тысячи случаев грабежа и разбоя и 57,3 тысячи преступлений против личности (с учетом вышеуказанного исключения). Как констатирует Б. Н. Миронов, «после реформ 1860-х гг. объект преступлений изменился – место общественного и государственного порядка заняли частные лица, прежде всего их собственность» [5; 90–91].

Однако данная статья предполагает, прежде всего, не анализ воровства как одного из наиболее распространенных преступлений второй

половины XIX века с выявлением причин увеличения количества совершаемых краж, а рассмотрение сложившегося стереотипа о тотальном характере и неискоренимости воровства.

Если не обращаться к материалам статистики, то необходимо отметить, что рассматриваемые нами тексты различного уровня – от описаний деревенской повседневности до фольклорных данных – зачастую тяготеют к гиперболизации масштабов данного преступления, которая проявляется, в частности, в недифференцированности как субъектов, так и объектов воровства (по формуле «крадут все и всё»): «Мелкое воровство в описываемом районе представляет всеобщую болезнь, которой подвержен каждый крестьянин» [9; Т. 3; 336]; «Крадут все, что попадет под руку: скот, лошадей, одежду, деньги и т. п.»; «мелкое воровство, стянуть, что плохо лежит, – на это всякий белорус способен»²; «Воровство возросло здесь до поражающих размеров; случаи воровства насчитываются не единицами, а десятками... Крадут все: рожь из подвала, муку, платье, холст, только что положенный на “беливо”, крадут мясо, деньги»³; «Что ни двор, то вор; что ни клеть, то склад»; «Вор на воре, вором погоняет»; «На лес и поп вор (т. е. всякий дрова ворует)»⁴.

Хотелось бы отметить следующий парадокс, обыгрывающийся, в частности, в одной из паремий: при очевидном признании распространенности воровства одновременно констатируется отсутствие субъектов совершения преступлений, то есть воровство, по сути, приобретает обезличенный, а вследствие чего и неискоренимый характер: «Грабеж есть, воровство есть, а воров нет»⁵.

С одной стороны, механизм гиперболизации можно рассматривать как вневременной.

В целом воровство в России, если отвлечься от крестьянских представлений, всегда расценивалось как типичный для русского человека порок. В этом отношении интересны фразы, приписываемые венценосным особам и известным в России людям. Так, якобы одним словом «крадут» (в настоящее время цитируют «воруют») описал состояние дел в России Н. М. Карамзин; в оптимистическом ключе о воровстве пишет в частном письме в 1775 году Екатерина II: «Меня обворовывают точно так же, как и других, но это хороший знак и показывает, что есть, что воровать»; тотальный характер воровства подчеркивается во фразе, приписываемой Николаю I: «В России только я не краду» [3], и в ответе генерал-прокурора П. И. Ягужинского Петру Первому на повеление вешать каждого, кто украдет на столько, что можно купить веревку: «Всемиловитейший государь! Неужели ты хочешь остаться императором один, без служителей и подданных? Все мы воруют, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой» [2; 245].

Не чужды представления о тотальном характере воровства и жителям современной деревни: «сейчас ужас – все ворье. Кругом. Кругом ворье»; «Бога нет – греха нет: берут и крадут всё». Последний пример интересен тем, что указывает на причину распространения воровства – «отмену» Бога в советское время, которая устранила и понятие греха как этической категории [12; 16]. Кроме того, здесь также содержится скрытое противопоставление нынешних времен и «идеального» прошлого. Воспроизводящий подобные стереотипы, как правило, исключает себя из данного континуума, причем зачастую это как бы само собой подразумевается.

Интересные наблюдения в отношении гиперболлизации масштабов воровства, характерной для современного обыденного сознания, делает М. Н. Попова. Она отмечает, что один из аспектов, составляющих основу стереотипных представлений современного человека о воровстве, связан с представлениями о безграничности и масштабности этого феномена, в связи с чем при описании воровства наиболее актуальной метафорой является метафора водной стихии: «Осознавая величину размеров мирового океана, огромные водные просторы сравниваются с воровством, чтобы показать высшую степень распространенности этого явления» [7; 53].

Чем же обусловлено желание поживиться за чужой счет? Порок этот можно объяснить, в частности, тягой к легкой наживе, то есть тем, что русский философ Евгений Трубецкой назвал в свое время «воровским идеалом»: «Самое элементарное проявление этого жизнечувствия – мечта о богатстве, которое само собою валится в рот человеку без всяких с его стороны усилий» [13; 102].

Упоминания о тяге к воровству как легкой наживе встречаются и в этнографических опи-

саниях, и в фольклорных текстах; в ряде случаев не украсть – значит подвергнуться насмешкам: «При всем своем трудолюбии ищерцы не прочь при всяком удобном случае поживиться чужою собственностью. За последние три года, говорят, было до 400 случаев краж» (См.: Станица Ищерская... С. 47); «Плохо лежит, у вора брюхо болит, мимо пройтись, дураком прослыть»; «Вор говорит: мимо идти да не украсть дураком назовут»⁷.

При этом стремление украсть то, что плохо лежит, может стать непреодолимым, и кража в результате преподносится как своего рода неизбежность: «"Не клади плохо, не вводи вора в соблазн" – говорит пословица. Лежит вещь "плохо", без присмотра – сем-ка возьму, вот и воровство. Человек хороший, крестьянин-земледелец, имеющий надел, двор и семейство, не то чтобы какой-нибудь бездомный прощальга, нравственно испорченный человек, но просто обыкновенный человек, который летом в страду работает до изнеможения, держит все посты, соблюдает "все законы", становится вором потому только, что вещь лежала плохо, без присмотра» [15; 134]. См. также более современный пример: «Корней Иванович (Чуковский. – Т. Б.) водил в редакцию "Нового мира". По дороге с восторгом рассказывал, как у него был дворник и как тот сбежал, прихватив с собой пилу и плитку из кухни, и оставил на папиросной коробке послание: "Простите меня, Корней Иванович. Иначе не мог"» [1; 119].

Судя по материалам паремий, воры, занимающиеся кражей как промыслом, уже не могут отстать от него и зарабатывать на жизнь честным трудом: «Вворовавшись, не вдруг отстанешь» (См.: Даль В. И. Толковый словарь... С. 247); «Приедчив вору некраденый кусок»; «Вор и сытый, и обутый, и одетый украдет» (См.: Даль В. И. Пословицы... С. 158); «Вор беду избудет и (или "да") опять на воровстве будет»; «Сыпь вору хоть золотую гору – воровать не перестанет»; «Кошка мышей ловить не устанет, а вор воровать не перестанет» (См.: Иллюстров И. И. Сборник... С. 359). Причем в текстах подчеркивается также неразборчивость вора: «Ворует что попало и где попало» [15; 32]; «Вор чего не крадет»; «Воришка зевает, а вор ничему не спускает»; «Доброму (или "Хорошему") вору все в пору»; «Добрый вор ничему не даст спуску» (См.: Иллюстров И. И. Сборник... С. 347).

С другой стороны, несмотря на то что представления о тотальном характере воровства, если рассматривать их в диахронии, носят вневременной характер, в рамках определенного временного промежутка в народном сознании зачастую срабатывает универсальная оппозиция прошлое / настоящее, где прошлое рисуется идеализированно и ассоциируется практически с отсутствием краж, а настоящее изображается

временем разгула воровства: «Прежде бывало, сказывают старики, никаких замков не было. Поедет мужик в город с хлебом, оставляет еще полжитницы хлеба, и только накажет кому-нибудь, чтобы поглядел, чтобы свиньи не залезли или ребятишки не набедокурили. Вот, как было <...> а нынче из-под замка глядят стащить, в особенности парни – на водку, и кто таскает – сыновья у своих батек и маток» [9; Т. 1; 121]; «Местные старики-крестьяне утверждают, что крайне редкие, едва ли не единичные и почти неслыханные в прежние старые годы случаи семейных краж младшими членами крестьянских семей имущества, являющегося достоянием и собственностью целой семьи, целого домохозяйства, в настоящее время сделались явлением обыденным и заурядным, не вызывающим ни в ком особого удивления» [9; Т. 4; 186]; «Теперь деревенские воры не стесняются уже соображениями о том, что именно и у кого они крадут, а воруют все, что плохо лежит, при этом <...> никто не обращает на это внимания, а напротив, многие скрывают следы воровства или даже принимают краденое»⁸.

В двух последних примерах хотелось бы обратить внимание на такие характеристики воровства, как обыденность и заурядность: в массе своей кражи, казалось бы, воспринимаются индифферентно и рассматриваются как неотъемлемая черта пореформенного быта и чуть ли не норма времени, связываемая с общим ухудшением ситуации, «распущенност[ью] нравов, ослаблени[ем] вообще власти родителей и глав семей – домохозяев» [9; Т. 4; 186], распространением пьянства – «водка заставляет воровать» (См.: Г. О. Хулиганствующая молодежь... С. 14), которое крестьяне объясняют пагубным влиянием городов, а также легким отношением к чужой собственности, объясняемым «отсутствием у народа твердых религиозно-нравственных принципов» [9; Т. 4; 185].

При этом само ухудшение ситуации осмыслялось зачастую в контексте эсхатологических представлений. Так, один из фольклорных сюжетов повествует о ночном «видении» пришедшего в дом странника, где наряду с другими грехами хозяев дома упоминается воровство, а пророчество странника «весь дом опустится» проецируется на род человеческий⁹.

Подобные представления характерны не только для пореформенного времени, однако, скорее всего, их актуализация была особенно характерна для переломных, сложных периодов. В качестве примера, соотносимого с таким периодом, можно привести представления, распространенные в Петровскую эпоху в старообрядческой среде и связанные со сменой календаря: «он [Петр I] украл восемь лет у Бога да еще перенес начало года на январь» [6; 168]. Кража времени является одной из реализаций моти-

ва ускорения времени перед приближающимся апокалипсисом, а кощунственность этого действия («украсть у Бога») дает еще одно основание для сопоставления образа царя и Антихриста.

Таким образом, в крестьянской среде распространение воровства ассоциировалось прежде всего с отходом от веры, порчей нравов и в целом с разрушением патриархальных устоев и традиций.

Рассматривая причины сложившегося стереотипа о тотальном характере воровства, можно предположить, что гиперболизация исследуемого феномена в некоторой степени была обусловлена многозначностью самого слова «воровство». По справедливому замечанию О. Б. Христофоровой, «„воровство“ в русской культуре – почти универсальный ярлык для греховного поведения, „вором“ могли назвать и убийцу, и разбойника, и прелюбодея» [14; 35–36].

При рассмотрении семантики данной лексемы в диахронии оказывается, что развитие лексического значения шло по пути сужения и «специализации» (мошенничество, плутовство, обман, колдовство, бродяжничество, разбой, преступление вообще – тайное изъятие и присвоение чужого).

Необходимо отметить, что, несмотря на сужение значения слова «воровство» в XIX веке, оно продолжает употребляться и по отношению к другим видам преступлений: «в разговорном языке слово „вор“ прилагается народом обыкновенно как к лицу, запятнавшему себя кражей, так и к совершившему грабеж, и к сделавшему растрату, – ко всякому человеку, посягнувшему, так или иначе, из корыстных побуждений на чужую собственность» [9; Т. 4; 187]. См. также обыгрывание многозначности слова «вор» в широко известной поговорке: «Вор у вора дубинку украл» [10; 40].

Скорее всего, именно «памятью слова» можно объяснить и стремление некоторых авторов расширить границы рассматриваемого ими явления за счет включения самых разнообразных девиаций, объединенных семантикой порочности и греховности: «имя этим кражам легион; так их много и так они разнообразны, что, право, для того, чтобы пересчитать только их, потребовалось бы написать, кажется, целую книгу. Разве бесчестье, ложь, обманы, притеснения в платежах, нечестная торговля <...> лихоимство, ростовщичество, взяточничество, нарушение договоров и условий, намеренная порча хозяйского скота или имущества, покупка краденого, укрыительство и даже помощь и содействие вору, злостное нищенство и тунеядство, отравы полей и лугов, принадлежащих богатым владельцам, порубки в лесах и пр. и пр., разве все это не воровство?»¹⁰ Однако объяснение, связанное только с изначально более широкой семантикой слова «воровство», вряд ли можно считать исчерпывающим.

Возможно, механизм гиперболизации с обязательным (и, как правило, само собой подразумевающимся) исключением воспроизводящего стереотипа о тотальной распространенности воровства из круга приверженных этому пороку (по формуле «один я не краду») связан также с присущим этнокультурному сознанию ощущением социальной несправедливости и «обделенности». Исключая себя из категории «проворовавшихся», любой из носителей данного стереотипа осознает собственную непричастность к перераспределению материальных благ, пусть даже нелегитимному, и автоматически встает на позицию жертвы. По сути, рассуждения о тотальном воровстве могут служить объяснением личной «обделенности» или шире – общей социальной неустроенности и беспорядка.

Кроме того, такие рассуждения могут служить и способом легитимизации собственного проступка, своего рода оправдательным мотивом при совершении кражи, но при этом изъятие чужой собственности не получает в оценках носителей традиции наименования воровства, соотносящегося с категорией позора, а участие в таком «перераспределении» имущества оправдывается собственной обделенностью и стремлением восстановить социальную справедливость.

Так, например, покушение на помещичий лес крестьяне называли дележом и зачастую отправлялись в лес целой деревней¹¹. Что касается осмысления кражи как дележа собственности, можно отметить, что оно встречается и в художественной литературе, в частности в повести А. И. Приставкина «Ночевала тучка золотая»: «Если от многого берут немножко, / Это не кража, а просто дележка! Так сказал великий писатель, какой именно, Сашка забыл. Не важно: писательский опыт он усвоил» [8; 125]. В данном случае герой А. И. Приставкина вспоминает цитату из «Сказок об Италии» Максима Горького. В оригинале это двустишие дано как цитата из итальянской песенки: «...когда из многого берут немножко, это не кража, а просто дележка» и служит шутивным оправданием какого-либо незаконного изъятия собственности [4].

Отметим, что мечта несколько уравнивать зажиточных и неимущих отражалась и в лексике, и в фольклоре. См., в частности, псков., твер. «сверстать» в значении «украсть, стянуть»¹² и предание о мужике Ровняе, который получил свое прозвище за то, что «людей ровнял: от богатых убавлял – бедным прибавлял» [11; 112–113].

Эти предположения подтверждаются и современными материалами. См. например, одно из иронических стихотворений, воспроизводящих стереотип о тотальном характере воровства: «Америк не открою, всем известно, / Что в нашей среднерусской полосе / Исчезли напрочь те, кто жили честно, / У нас воруют абсолютно все! / Приделать ноги норвят чужому, / Наверно, сперли термин “Не мое”! / Унес из кабака бокал для дома / Интеллигент, который из графьев! / Воруют все! Не стало больше лоха, / Кто был бы в этом деле лыком шит! / Воруют всё, что здесь лежало плохо, / И даже то, что хорошо лежит! / Прораб ворует с честною улыбкой / Себе кирпич на дачу не спеша, / Бабулька разжилась пустой бутылкой, / Упертой из-под носа алкаша. / На этом замечательном пиру я, / Выходит, лишней?! Полная фигня! / Обидно мне не то, что все воруют, / А то, что почему-то без меня! / Воруют все, и хором, и приватно, / Я ж обойден на этом дележе... / Сегодня просочусь в метро бесплатно, / Авось и полегчает на душе!»¹³

Ирония стихотворения заключается в том, что герой отнюдь не противопоставляет себя общей массе, как в вышеприведенных текстах, где имплицитно это противопоставление все-таки содержится. С другой стороны, для него попытка разделить судьбу с остальными представляется как акт восстановления справедливости по принципу «если все воруют, то почему это запрещено мне?». См. также следующие диалоги и рассуждения: «Би-би-си: Почему ты ворует? Подросток: Все воруют, и я ворую, что я буду упускать такую возможность, что ли? Это правительство во всем виновато»¹⁴.

«Массовая вера в то, что воруют все или, вернее, все способны при случае, невероятно поощряет действительное воровство. Ведь такое убеждение – это почти приказ его носителю включиться в подобное занятие. Раз все – то чего ему, носителю, воздерживаться?»¹⁵.

Таким образом, «тотальная» распространенность воровства в пореформенный период, вызванная совокупностью политических, социально-экономических и ряда других причин, является в некоторой степени отражением объективной реальности, однако, прежде всего, это свойственная народному сознанию универсальная мифологема, актуализация которой связана с болезненной для большинства населения модернизацией страны, а также с присущим этнокультурному сознанию ощущением социальной несправедливости и «обделенности».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Станица Ищерская (составлено на основании данных, представленных учительницами Бутовой и Лысенко) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 16. Отд. 1. Тифлис, 1893. С. 47.

² Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края. Т. 3. Описание жилища, одежды, пищи, занятий, препровождения времени, игры, верования, обычное право, чародейство, колдовство, знахарство, лечение болезней, средства от напастей, поверья, суеверья, приметы и т. д. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1902. С. 20.

- ³ Г. О. Хулиганствующая молодежь // Олонецкая неделя. 1913. № 16. С. 13–14.
- ⁴ Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.: В 2 т. Т. 1. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879. С. 183.
- ⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. С. 247.
- ⁶ Полевой архив Европейского университета (СПб.). ЕУ-Шола-03-ПФ-1.12-ПЕА. Соб.: Кушкова А. Н.
- ⁷ Иллюстров И. И. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев: Типография С. В. Кульженко, 1904. С. 345–346.
- ⁸ Пр-ский А. Из наблюдений сельского священника над деревней // Олонецкие епархиальные ведомости. 1908. № 14. С. 335.
- ⁹ Бурцев А. Сборник материалов по этнографии с приложением картин из русской жизни: В 4 вып. Вып. 1. СПб.: Художественная типография А. К. Вейерман, 1905. С. 19–21.
- ¹⁰ Быстров А. Н. Беседы о воровстве // Пастырский собеседник. 1899. № 51. С. 760.
- ¹¹ О лесоистреблении // Киевские губернские ведомости. 1865. № 3. С. 12.
- ¹² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. С. 57.
- ¹³ См.: Клон некоторых там. Воруют все! Туса поэтов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gonduras.net/index.php?a=2233>
- ¹⁴ См.: Беспорядки в Англии: «будем грабить, пока не поймают». BBC. Русская служба [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2011/08/110810_riots_looters.shtml
- ¹⁵ См.: Олешук Ю. Воруют все. Кроме меня. Огонек. Лучшее 2008. № 52 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ogoniok.ru/archive/1998/4573/38-20-21/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берестов В. Пробудить гениальность: о детской литературе, детском чтении и психологии детства: Статьи. Воспоминания. Беседы. Стихи / Сост. Р. Ефимова. Ярославль, 2007. 287 с.
2. Демичев А. А. Отношение российских правителей XVIII – первой половины XIX вв. к воровству как элементу повседневной жизни (по материалам анекдотов) // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 5. С. 245–250.
3. Душенко К. В. Цитаты из русской истории. От призвания варягов до наших дней: Справочник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litportal.ru/genre214/author6062/read/page/1/book29846.html>
4. Известные выражения: Энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://krylslova.ru/index.php?a=term&d=1&t=1326>
5. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 2000. 568 с.
6. Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1983. 448 с.
7. Попова М. Н. Репрезентация концепта «воровство» в русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Тула, 2010. 211 с.
8. Приставкин А. И. Ночевала тучка золотая. Повесть. Рассказы. Петрозаводск, 1991. 239 с.
9. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004. 568 с. Т. 3. Калужская губерния. СПб., 2005. 648 с. Т. 4. Нижегородская губерния. СПб., 2006. 412 с.
10. Русские народные пословицы и притчи / Сост. И. М. Снегирев. М., 1995. 576 с.
11. Тихвинский фольклорный архив: Исследования и материалы. СПб., 2000. 156 с.
12. Толстая С. М. Грех в свете славянской мифологии // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. ст. М., 2000. С. 9–44.
13. Трубецкой Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. 1990. № 2. С. 100–118.
14. Христофорова О. Б. Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 46 с.
15. Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем, 1872–1887 / Под ред. А. В. Тихоновой. СПб., 1999. 715 с.

Bauer T. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

STEALING AS TOTAL EVIL: REALITY AND MYTH

The purpose of the article is to focus on a stereotype of the total character of stealing and to detect causes for exaggeration of the scope of this crime according to the data of peasant culture of the middle of the 19th – early 20th centuries. Stealing was always considered as one of the main evils of the Russian society. However, the question as to whether this stereotype is true has been never purposefully researched. Scientific novelty of the research arises from the lack of studies on mythologizing of stealing in the context of Cultural Anthropology. The author of the article comes to a conclusion that the “total” abundance of stealing in the post-reform period, to a certain extent, is a reflection of objective reality; however, first of all it is a common mythologema, actualization of which is connected with the process of modernization carried out in the country, which was so painful for many people.

Key words: peasants, ethnocultural concept, mechanism of exaggeration of the crime extent

REFERENCES

1. Berestov V. *Probudit' genial'nost': o detskoy literature, detskom chtenii i psikhologii detstva: Stat'i. Vospominaniya. Besedy. Stikhi / Sost. R. Efimova* [To awaken genius: about juvenile literature, childhood reading and child psychology: Articles. Reminiscences. Interviews. Poems / Completed by R. Efimova]. Yaroslavl, 2007. 287 p.
2. Demichev A. A. A stance of Russian rulers of the 18th – early 19th centuries on stealing as an element of daily life (based on anecdotes) [Otnoshenie rossiyskikh praviteley XVIII – pervoy poloviny XIX vv. k vorovstvu kak elementu povsednevnoy

- zhizni (po materialam anekdotov)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [KSU Academic Proceedings. Humanitarian Sciences]. 2008. Vol. 150. Book 5. P. 245–250.
3. Dushenko K. V. *Tsitaty iz russkoy istorii. Ot prizvaniya varyagov do nashikh dney: Spravochnik* [Quotations of Russian history. From the calling of the Varangians up to the present days: Catalogue]. Available at: <http://www.litportal.ru/genre214/author6062/read/page/1/book29846.html>
 4. *Izvestnye vyrazheniya: Entsiklopediya* [Famous phrases: Encyclopedia]. Available at: <http://krylslova.ru/index.php?a=term&d=1&t=1326>
 5. Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia of the period of the Russian Empire (18th – early 20th centuries): Genesis of a person, a democratic family, a civil society and a legal state]. Vol. 2. St. Petersburg, 2000. 568 p.
 6. Nikol'skiy N. M. *Istoriya russkoy tserkvi* [History of Russian Church]. Moscow, 1983. 448 p.
 7. Popova M. N. *Reprezentatsiya kontsepta "vorovstvo" v russkom yazyke: Diss. ... kand. filol. nauk* [Representation of the concept of "stealing" in the Russian language. Candidate philol. sci. diss.]. Tula, 2010. 211 p.
 8. Pristavkin A. I. *Nochevala tuchka zolotaya. Povest'. Rasskazy* [Colden cloud spent the night. Novel. Stories]. Petrozavodsk, 1991. 239 p.
 9. *Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nравy: Materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V. N. Tenisheva* [Russian peasants. Life. Living conditions. Customs: Materials of "Ethnographic bureau" of V. N. Tenishev, the Duce.]. Vol. 1. St. Petersburg, 2004. 568 p. Vol. 3. St. Petersburg, 2005. 648 p. Vol. 4. St. Petersburg, 2006. 412 p.
 10. *Russkie narodnye posloviitsy i pritchi / Sost. I. M. Snegirev* [Russian folk proverbs and paroemias / Completed by I. M. Snegirev]. Moscow, 1995. 576 p.
 11. *Tikhvinskiy fol'klorny arkhiv: Issledovaniya i materialy* [Folk archives of Tikhvin: Research results and materials]. St. Petersburg, 2000. 156 p.
 12. Tolstaya S. M. A sin in Slavic mythology [Grekh v svete slavyanskoy mifologii]. *Kontsept grekha v slavyanskoy i evreyskoy kul'turnoy traditsii: Sbornik statey* [A concept of sin in Slavic and Jewish cultural traditions: Collection of works]. Moscow, 2000. P. 9–44.
 13. Trubetskoy E. "Another Realm" and its searchers in Russian folk fairy tales ["Inoe tsarstvo" i ego iskateli v russkoy narodnoy skazke]. *Literaturnaya ucheba* [Literature study]. 1990. № 2. P. 100–118.
 14. Khristoforova O. B. *Diskurs o koldovstve i lokal'nye fol'klornye traditsii: semantika, pragmatika, sotsial'nye funktsii: Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk* [Discourse on witchcraft and local folklore traditions: semantics, pragmatics, social functions. Author's summary of the thesis for PhD degree in Philology]. Moscow, 2010. 46 p.
 15. Engel'gardt A. N. *Iz derevni. 12 pisem, 1872–1887 / Pod red. A. V. Tikhonovoy* [From the village 12 letters, 1872–1887 / Edited by A. V. Tikhonova]. St. Petersburg, 1999. 715 p.

Поступила в редакцию 30.06.2014

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ ЛИТВИШКОВ

доктор педагогических наук, профессор кафедры юридической психологии и педагогики, Академия ФСИН России (Рязань, Российская Федерация)
Litvishonok@yandex.ru

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ МАЛАНЬИН

адъюнкт, старший лейтенант внутренней службы, Академия ФСИН России (Рязань, Российская Федерация)
Vitek200007@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У СЛУШАТЕЛЕЙ УЧЕБНЫХ ЦЕНТРОВ ФСИН РОССИИ

Рассматриваются особенности подготовки полноценных сотрудников для уголовно-исполнительной системы, способных отвечать запросам современной жизни и обеспечивать функционирование учреждений и органов. Обучение слушателей строится по традиционной модели обучения и носит просветительско-предметный характер. Попытки вводить в учебный процесс деловые, ролевые игры, другие активные методы обучения не меняют систему качественно, хотя имеют право на существование и полноценное применение, в том числе при обучении рассматриваемой категории сотрудников. Исходя из этого главной целью становится качественное изменение педагогической деятельности, которое повлечет реальную эффективную организацию педагогического процесса. Именно это должно стать главным критерием компетентности сотрудников. В статье представлена разработанная и апробированная педагогическая модель по формированию профессиональной компетентности у слушателей учебных центров ФСИН России.

Ключевые слова: профессиональное самообразование, самовоспитание, саморазвитие, самостоятельная работа, интенсификация

Профессионально направленное самосовершенствование слушателей по развитию профессиональной компетентности, как показала опытно-экспериментальная работа, неразрывно связано с теоретическими и практическими занятиями, уровнем развития мотивации учебной деятельности, интересами курсантов и не только способствует формированию прочных знаний, навыков и умений, но и развивает творческий потенциал обучающихся.

Под самосовершенствованием слушателей мы понимаем совокупность педагогических мероприятий, обеспечивающих эффективность самостоятельной работы слушателей по повышению уровня своей профессиональной компетентности в соответствии с требованиями, предъявляемыми к их профессиональной деятельности. Исследованием установлено, что самосовершенствование слушателей в ходе обучения в учебном центре включает различные направления работы слушателей над собой: профессиональное самообразование, самовоспитание, саморазвитие.

Педагогические меры, осуществляемые при проведении формирующего эксперимента, были направлены на формирование устойчивой мотивации к самосовершенствованию; формирование навыков самоанализа учебной и профессиональной деятельности; выработку навыков планирования своей деятельности; улучшение организации и качества самостоятельной рабо-

ты; повышение мотивационной привлекательности учебно-материальной базы; вовлечение слушателей в научно-исследовательскую работу по рассмотрению прикладных вопросов в рамках задач, решаемых в исправительных учреждениях. Одним из этапов активизации профессионального самообразования слушателей является определение индивидуально-психологических особенностей обучающегося с целью разработки системы педагогического воздействия на него. Педагогическое воздействие на личность дает положительные результаты только в том случае, когда оно воспринимается и реализуется обучающимися. Его содержание и форма должны быть направлены на стимулирование мотивации обучающихся, активизацию учебной и служебной деятельности, самообучение, самовоспитание и саморазвитие. Оно должно соответствовать характеру профессиональной деятельности обучающегося, его познавательным возможностям и духовным потребностям. При этом важным условием успешного педагогического воздействия является овладение преподавательским составом приемами психологического сопровождения процесса формирования профессиональной компетентности. Проведенное экспериментальное исследование показало, что приоритетным условием активизации самосовершенствования слушателей по развитию профессиональной компетентности является формирование и развитие мотивации

к предстоящей профессиональной деятельности. Мотивация слушателя должна быть направлена на развитие и поддержание постоянного и устойчивого интереса к освоению дисциплин, а также к деятельности по организации и ведению работы в различных условиях и обстановке. На основе анализа литературных источников и проведенной исследовательской работы выделено пять основных групп мотивов учения слушателей учебных центров ФСИН России:

1. Социальные мотивы, содержанием которых является осознание общественных потребностей, социальной значимости получаемого образования, долга перед обществом, семьей.

2. Познавательные мотивы, связанные непосредственно с учением, выражающие отношение к самому процессу обучения и содержанию учебных дисциплин.

3. Профессиональные мотивы, связанные со стремлением к овладению профессией, специальностью.

4. Мотивы социальной идентификации, то есть степень влияния коллектива на слушателя, стремление его к определенному ролевому статусу в группе.

5. Утилитарные мотивы, связанные с получением определенных лично значимых результатов, выгод.

Как показывает проведенная опытно-экспериментальная работа, в учебной деятельности слушателей превалирует познавательная, профессиональная мотивация, возникающая, как правило, в проблемных ситуациях, развивающаяся и закрепляющаяся при правильном взаимодействии слушателей и преподавателей. Наличие устойчивой профессиональной мотивации учения – одно из важных условий достижения слушателями высоких результатов в учебной деятельности, определяющих уровень их профессиональной подготовленности к предстоящей службе. С учетом этого в учебных центрах должны быть определены пути и созданы условия, направленные на обеспечение формирования и развития мотивации у слушателей.

Важным моментом активизации процесса самосовершенствования слушателей является ознакомление их с предстоящей профессиональной деятельностью (первоначальная мотивация), что существенно влияет на формирование у них представлений о работе, осознание ее важности, значимости при решении задач [1]. Существенным условием, обеспечивающим мотивацию у обучающихся в учебном центре, является формирование интереса к изучаемым дисциплинам подготовки. При формировании интереса к изучаемым дисциплинам, а также к выполнению задач и действий в основу мотивации следует положить реализацию важнейшего положения лично-деятельностного подхода, выделяемого в современной педагогической

психологии и других исследованиях. Одним из условий, влияющих на формирование и развитие мотивации слушателей, является изучение и демонстрация передового опыта выпускников учебного центра, их результативной работы по выполнению специальных задач в ходе осуществления профессиональной деятельности. Изучение опыта работы преподавателей и командиров групп слушателей показало, что знакомство обучающихся с положительными примерами деятельности выпускников происходит не часто. Вместе с тем было бы очень поучительно в ходе проведения занятий преподавателям активнее ссылаться на опыт решения служебных задач в повседневной деятельности, умело и поучительно подбирая примеры из опыта деятельности в учреждениях выпускников учебного центра, самих преподавателей, имеющих большой практический опыт службы в исправительных учреждениях. Как было установлено в ходе опытно-экспериментального исследования, эффективность самосовершенствования слушателей по развитию профессиональной компетентности достигается высокой организацией проведения самостоятельной работы слушателей. Для самого обучающегося самостоятельная работа должна быть осознана как свободная по выбору, внутренне мотивированная деятельность, предполагающая осознание ее цели, принятие задачи, придание ей личностного смысла, подчинение выполнению этой задачи других интересов и форм своей занятости, самоорганизацию во времени и самоконтроль в выполнении.

Самостоятельная работа, рассматриваемая как деятельность, представляет собой многостороннее, полифункциональное явление. Она имеет не только учебное, но и личностное значение. Основная задача самостоятельной работы в учебном центре состоит в том, чтобы направить процесс активизации познавательной самостоятельности слушателей по пути развития профессиональной компетентности [3].

Самостоятельная работа слушателей выполняет ряд основных функций: самопознавательную – приобретение новых знаний, умений и навыков; самообучающую – приобретение собственного опыта, овладение определенными умениями и навыками по индивидуальному самообучению; самовоспитательную – трансформация знаний в личные убеждения и формирование профессионально-личностных качеств; саморазвивающую – переход на новый качественный уровень знаний, умений и навыков.

Основными условиями овладения методикой самостоятельной подготовки слушателей являются: изучение научно-методической литературы по вопросам самовоспитания, самообразования и саморазвития; формирование навыков и умений работы над собой (самосознание, самоизучение, самоанализ); организация помощи

обучающимся со стороны опытных преподавателей.

Следует отметить, что знание сущности, содержания и методики самостоятельной подготовки позволяет слушателям более осознанно, целенаправленно подходить к планированию самостоятельной работы.

Изучение состояния организации самостоятельной работы слушателей учебных центров ФСИН России позволяет утверждать, что 45,5 % слушателей не умеют организовывать свою самостоятельную работу; 65,8 % не умеют распределять свое время, а 54,6 % вообще не думают, что его можно распределять.

В процессе планирования самостоятельной работы слушателей преподаватель должен определить конкретный учебный материал, изучаемый самостоятельно; объем заданий, выдаваемых обучающимся; форму и сроки отчетности; знания, умения и навыки, полученные путем самообразования; последовательность самостоятельной работы; правильную организацию режима умственного труда.

В целях совершенствования самостоятельной работы слушателей на формирующем этапе эксперимента проводились инструктивно-методические занятия с преподавателями, начальниками курсов, курсовыми офицерами по особенностям организации и руководства самостоятельной работой, а со слушателями – факультативные инструктивно-методические занятия по самостоятельной работе, которые предусматривали: обеспечение каждого слушателя общими психолого-педагогическими рекомендациями по организации и осуществлению самостоятельной работы; обеспечение каждого слушателя методическими рекомендациями по организации самостоятельной работы при изучении специальных дисциплин; ознакомление обучающихся с современными методиками организации самостоятельной работы; разъяснение обучающимся возможностей учебно-материальной базы цикла; создание положительного эмоционального настроения обучающихся на активную и творческую самостоятельную работу.

Также для интенсификации самостоятельной работы слушателей применялись семестровые структурно-технологические карты, в которых указывались: информация о распределении учебных часов по видам занятий; методика организации самостоятельной работы обучающихся; учебные задания на самостоятельную работу; перечень всех видов контроля и сроки их проведения; литература, рекомендованная для самостоятельной работы.

В процессе выполнения самостоятельной работы у слушателей происходит развитие процессов саморегуляции, самомотивации, самореализации; также вырабатываются положительная эмоциональная ориентация на

учебно-познавательную деятельность, умение планировать и прогнозировать свой личностный рост, осознание своего личностного потенциала и готовность формировать профессионально важные качества, активность и мобильность в достижении целей личностного развития. Интенсификация самостоятельной работы слушателей является важным условием активизации самосовершенствования слушателей по развитию профессиональной компетентности.

Проведенное исследование свидетельствует, что одним из условий активизации самосовершенствования слушателей по развитию профессиональной компетентности является руководство разработкой, организация выдачи и контроль выполнения индивидуальных творческих заданий, определяемых слушателями. Опытно-экспериментальная работа подтвердила высокую эффективность творческих индивидуальных заданий.

Результаты исследования свидетельствуют, что более 70 % слушателей из состава экспериментальных групп указали на достижения и трудности, испытываемые в профессиональном самосовершенствовании, что подтверждает активизацию этой работы под воздействием введенных целенаправленных педагогических мер [2].

Научная организация самостоятельного труда предполагала: целенаправленность и сознательную активность в изучении специальных дисциплин; рациональное распределение бюджета времени; планомерность; самоконтроль и оценку знаний, навыков и умений, личностных качеств.

Обучение планированию предполагало ознакомление слушателей с учебной программой, логикой изучения специальных дисциплин; выявление умения планомерно осуществлять учебную деятельность; создание ориентировочной основы деятельности по планированию освоения специальных дисциплин посредством организации обмена опытом между слушателями; обсуждение и отработку на занятиях вопросов, связанных с планированием учебных действий, возникающих проблем; подготовку для слушателей методических рекомендаций по организации самостоятельной работы.

Одним из условий эффективности процесса самосовершенствования слушателей, как показало исследование, является активное вовлечение их в научно-исследовательскую деятельность.

Важнейшее условие творческого развития – самостоятельная исследовательская практика всех субъектов образовательного процесса, или так называемая научно-исследовательская деятельность.

Проведенный анализ проблемы активизации самосовершенствования слушателей по развитию профессиональной компетентности позво-

лил определить модель повышения эффективности самосовершенствования слушателей. Она состоит из нескольких этапов: самопознания, принятия решения о самосовершенствовании, выработки модели работы слушателя над собой, планирования самосовершенствования, практических действий по реализации плана самосовершенствования.

Начальным этапом самосовершенствования выступает самопознание, представляющее собой сложный процесс определения слушателем своих способностей и возможностей, уровня развития необходимых качеств личности. На данном этапе целесообразно работу осуществлять по трем направлениям: самоосознание, самоизучение, самооценка. Самоосознание позволяет слушателю глубже осознать и уяснить систему требований, предъявляемых к нему как к сотруднику УИС, уяснить задачи, более четко представить перспективу своего профессионального развития. Самоизучение направлено на изучение своих качеств, сопоставление их с теми требованиями, которые предъявляются к сотруднику УИС. Оно осуществляется путем самоанализа поведения, поступков, критического отношения к высказываниям в свой адрес со стороны командиров, преподавателей, старших товарищей. В самооценке выражается мнение слушателя о самом себе. Объективная самооценка выполняет ряд функций: сравнения, фиксации, корректировки. Этап планирования связан с решением ряда взаимосвязанных задач. Прежде всего слушатель определяет цели и основные задачи, в которых отражены главные ориентиры, содержание самосовершенствования и идеалы, к которым стремится сотрудник уголовно-исполнительной системы.

На основании выработанных целей и задач каждым слушателем разрабатывается план самосовершенствования, который составляется на определенные периоды обучения. Как правило, в данном плане находят отражение следующие вопросы: какие профессиональные компетенции необходимо формировать, развивать, совершенствовать; какие личные качества планируется формировать, какие негативные качества устранить; посредством чего осуществлять реализацию намеченных целей; сроки выполнения мероприятий. Подготовительная работа, проведенная на рассмотренных выше этапах, создает хорошую основу для эффективной деятельности в последующем.

Как показывает исследование, овладение моделью самовоспитания на этапе реализации плана самосовершенствования является одним из условий повышения качества и результативности процесса самосовершенствования слушателя в целом.

Посредством самоубеждения слушатели добиваются самопризнания необходимости развития у себя тех или иных положительных качеств

личности и устранения негативных. Самообязательство включает в себе решение слушателя заниматься самовоспитанием в избранных направлениях. Работа над собой требует определенного самоконтроля, который основывается на способности обучающихся осуществлять регуляцию любой своей деятельности.

Таким образом, активизация самосовершенствования слушателей по развитию профессиональной компетентности и руководство ею являются важными путями повышения эффективности процесса формирования профессиональной компетентности у слушателей в учебном центре ФСИН России.

Анализ организации формирования профессиональной компетентности у слушателей в учебном центре ФСИН России показывает, что в современных условиях имеются резервы для повышения ее эффективности. К педагогическим условиям повышения эффективности внедрения современных подходов по формированию профессиональной компетентности слушателей относятся: создание диалогического пространства в организации учебного процесса; формирование психологической готовности преподавателей к использованию интерактивных форм и методов на основе современных технических средств; моделирование на занятиях различных ситуаций будущей профессиональной деятельности; моделирование межциклового комплекса специальной подготовки; наличие современной учебно-материальной базы в учебном центре. Активизация самосовершенствования слушателей по развитию профессиональной компетентности является действенным путем повышения эффективности процесса формирования профессиональной компетентности у слушателей в учебном центре.

Научный анализ проблемы позволил определить практические рекомендации, реализация которых способствует дальнейшему повышению эффективности формирования профессиональной компетентности слушателей в ходе профессиональной подготовки:

1. Руководству учебных центров целесообразно:

- использовать результаты проведенного исследования по теории и практике формирования профессиональной компетентности на занятиях;
- рассмотреть возможность внедрения в образовательный процесс учебных центров разработанной и апробированной в диссертации педагогической модели реализации процесса формирования профессиональной компетентности у слушателей учебных центров ФСИН России;
- ввести учебную дисциплину «Введение в специальность», основной целью которой является формирование положительной мотивации у обучающихся на овладение специальностью;

– в отзывы на выпускников учебных центров включить раздел «Профессиональная компетентность».

2. На циклах предлагается:

– систематически анализировать отзывы на выпускников на предмет полноты и качества сформированности профессиональной компетентности у молодых сотрудников, по результатам анализа оперативно вносить дополнения и изменения в учебные программы, в содержание учебных занятий и методику их проведения;

– расширить практику использования методов интерактивного обучения;

– развивать мотивацию у слушателей к самосовершенствованию своей профессиональной компетентности.

3. Преподавателям рекомендуется:

– активизировать научную и методическую деятельность по разработке предложений и рекомендаций по совершенствованию данного вида подготовки; анализировать конкретные ситуации профессиональной деятельности младших инспекторов;

– осуществлять рациональный выбор методов и форм взаимодействия со слушателями в образовательном процессе;

– расширить состав методических приемов за счет внедрения в практику работы методов оптимизационного и имитационного моделирования образовательной деятельности преподавателя и учебно-познавательной деятельности слушателей;

– внедрять в педагогическую практику результаты научных исследований в области педагогики и психологии.

4. Слушателям учебных центров рекомендуется:

– совершенствовать самостоятельную работу по повышению уровня своей профессиональной компетентности;

– систематически заниматься развитием у себя специальной и персональной компетенций.

Дальнейшее исследование проблемы целесообразно продолжить по следующим направлениям: информационно-педагогическое и компьютерное обеспечение формирования профессиональной компетентности на занятиях в учебных центрах ФСИН России; научное обоснование квалификационных требований к слушателям учебных центров на основе моделей профессиональной деятельности и качеств личности специалиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дати́й А. В., Казбе́ров П. Н. Рецензия на словарь по пенитенциарной психологии «Преступление и наказание от “А” до “Я”» // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. С. 15–16.
2. Литви́шков В. М., Маланьин В. С. Профессиональная подготовка сотрудников в учебных центрах ФСИН России // Профессиональное образование. Столица. 2014. № 5. С. 36–37.
3. Пестри́ков Д. В. Развитие установки на толерантное поведение в общении (на примере курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования ФСИН России) // Прикладная юридическая психология. 2008. № 2. С. 86–96.

Litvishkov V. M., Academy of the Federal Penitentiary Service (Razan, Russian Federation)
Malan'in V. S., Academy of the Federal Penitentiary Service (Razan, Russian Federation)

FEATURES OF PEDAGOGICAL MODEL OF PROFESSIONAL COMPETENCY DEVELOPMENT IN LISTENERS OF TRAINING CENTERS OF RUSSIAN PENAL SYSTEM

Characteristic features of training competitive employees for the criminal and executive system of Russia are considered. The purpose of training is to prepare specialists able to meet the requirements of contemporary society and to ensure effective activity of administrative bodies of penitentiary service. The training of listeners is carried out based on the traditional model of teaching and has an educationally thematic character. Introduction of interactive methods of teaching such as role-playing does not change the system of professional education drastically, nevertheless, its effectiveness in the process of training specialists for the penitentiary system can not be argued. Therefore, a qualitative change in the process of educating penitentiary system specialists is needed. The changes should result in a more effective organization of the pedagogical process. The level of pedagogical process effectiveness is a reflection of the employees' level of professional competency. The authors of the article introduce a new tested model of teaching instrumental in professional competency development in listeners of training centers belonging to Russian penal system.

Key words: professional self-education, self-upbringing self-development, professional competence, independent work, intensification

REFERENCES

1. Datiy A. V., Kazberov P. N. The review of the dictionary on penitentiary psychology "A crime and punishment from "And" to "I"" [Retsenziya na slovar' po penitentsiarnoy psikhologii "Prestyplenie i nakazanie ot "A" do "Ya""]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology]. 2010. № 3. P. 15–16.
2. Litvishkov V. M., Malan'in V. S. Vocational training of employees in training centers of FSIN of Russia [Professional'naya podgotovka sotrudnikov v uchebnykh tseentrakh FSIN Rossii]. *Professional'noe obrazovanie. Stolitsa* [Professional education. Capital]. 2014. № 5. P. 36–37.
3. Pestrikov D. V. Installation development on tolerant behavior in communication (on the example of cadets and listeners of educational institutions of higher education of FSIN of Russia) [Razvitie ustanovki na tolerantnoe povedenie v obshchenii (na primere kursantov i slushateley obrazovatel'nykh uchrezhdeniy vysshego professional'nogo obrazovaniya FSIN Rossii)]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology]. 2008. № 2. P. 86–96.

Поступила в редакцию 03.06.2014

ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА СЕЛИВАНОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического факультета, Вятский государственный гуманитарный университет (Киров, Российская Федерация)
selivanog@mail.ru

МЕТАПРЕДМЕТНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКА И СПОСОБЫ ИХ ДОСТИЖЕНИЯ

Исходя из требований ФГОС к достижению школьником метапредметных результатов его образовательной деятельности, раскрывается авторский подход к решению этой новой для современной школы дидактической проблемы, суть которого заключается в выделении компонентов и уровней метапредметности. Компонентами метапредметности выступают: метазнания как основополагающие философские и общенаучные категории; метаумения как универсальные способы деятельности, применимые в разных предметных областях; ценности как духовно-нравственные и этические ориентиры для освоения школьником личностных смыслов. Основным способом достижения школьником как субъектом учения метапредметных результатов является поэтапное освоение следующих уровней: внутрипредметный уровень предполагает установление внутрипредметных и внутрикурсовых связей при изучении объектов и явлений, раскрытии динамики их развития; межпредметный уровень означает рассмотрение изучаемого явления и объекта с разных сторон посредством установления межпредметных связей и интеграции содержания учебного материала и методов познания; надпредметный уровень позволяет выйти на философский уровень осмысления взаимосвязей в системе «человек – природа – общество».

Ключевые слова: школьник как субъект учения, образовательная деятельность школьника, образ мира, компоненты метапредметности, уровни метапредметности

Актуальность нашего исследования определяется изменением социокультурной ситуации развития современного школьника. «Сегодня существует и усиливается конфликт между характером присвоения ребенком знаний и ценностей в школе (системность, последовательность, традиционность, культуросообразность и т. д.) и вне школы (клиповость, хаотичность, смешение высокой культуры и бытовой, размывание границ между культурой и антикультурой и т. д.)» [8; 10]. Разрешение этого противоречия мы связываем с организацией образовательной деятельности школьника, нацеленной на достижение не только предметных, но и метапредметных результатов образования. В Концепции ФГОС [5] под метапредметными результатами понимаются освоенные обучающимися на базе одного, нескольких или всех учебных предметов способы деятельности, применимые как в рамках образовательного процесса, так и при решении проблем в реальных жизненных ситуациях. Метапредметный подход в образовании позволяет создать условия для формирования у школьника образа мира. Таким образом, «если раньше содержание образования понималось как своего рода мозаика, составленная из отдельных “кусочков”-предметов, то теперь приоритет отдается формированию у ученика “образа мира”» [6]. Образ мира – это созданная школьником как субъектом учения совокупность собственных представлений об изучаемых явлениях и объек-

тах на основе имеющихся у него знаний и опыта. Е. А. Сергеенко подчеркивает, что субъект характеризуется «реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах» содержания своего внутреннего мира [9; 43]. Углубление понимания субъектности школьника в современных условиях имеет большой педагогический смысл, поскольку открывает возможности для осуществления им образовательной деятельности, которая рассматривается в нашем исследовании «как деятельность обучающегося по развитию своего жизненного опыта» [7; 25].

В современных условиях, «чтобы добиться единства образа мира у ученика, учитель обязан каждый раз открывать мир вместе с ним, начиная совместные движения с самого начала. Проживать последовательность индивидуальных открытий параллельно с учеником, постоянно находясь может быть на полшага впереди него» [3; 238]. Это означает, что педагог должен владеть эффективными методиками и технологиями обучения.

На основе анализа ведущих психолого-педагогических разработок метапредметности в образовании (Ю. В. Громыко, А. В. Хуторской, Н. Б. Шумакова) и потребностей образовательной практики нами теоретически обоснован авторский подход к достижению школьниками метапредметных результатов образования, который апробирован и внедрен в деятельность образовательных организаций Кировской об-

ласти, Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа. 14 февраля 2014 года в рамках Дня сельской малочисленной школы Республики Карелия нами был проведен мастер-класс «Достижение метапредметных результатов образования в сельской школе», в котором приняли участие более 30 педагогов. Тем самым были созданы условия для использования предложенных методик и технологий в образовательной практике школ Республики Карелия.

Как известно, дидактические цели включают в себя обучающий, развивающий и воспитательный аспекты, а для достижения предметных результатов педагог стремится к углублению и расширению объема учебного материала. Мы полагаем, что достижение метапредметных результатов также обеспечивается достижением дидактических целей, однако направлены они на осмысление законов и закономерностей развития окружающего мира, осознание его целостности. Сущность нашего подхода к реализации метапредметности заключается прежде всего в выделении следующих компонентов:

1. Метазнания. В учебных программах «знания, сообщаемые ученикам, систематизированы и разделены на предметы, а время – на традиционные уроки. Картина мира разграничена на предметные области и нарушение границ не приветствуется. Мир, расчлененный на учебные дисциплины, дидактичен, но нежизнеспособен» [3; 234]. Метапредметность предоставляет возможность преодолеть этот недостаток посредством выделения метапонятий, которые выступают «как узловые точки основных образовательных областей, благодаря которым существует реальная область познания и конструируется система знаний о них» [10]. К метапонятиям мы относим философские категории (например, содержание и форма, сущность и явление, пространство, время, движение), общенаучные понятия (например, причина и следствие, симметрия и несимметрия, порядок и хаос), основополагающие термины.

2. Метаумения. В Концепции ФГОС ставится задача формирования у школьников систе-

мы универсальных учебных действий, которые определяются как совокупность способов действий учащегося и обеспечивают его способность к самостоятельному усвоению новых знаний и умений, включая и организацию этого процесса. Мы рассматриваем учебные действия как компонент метапредметности, поскольку их универсальность состоит в воспроизводимости при работе с любым предметным материалом. Проблема заключается в том, что часто педагогам сложно разделить общеучебные умения и навыки и универсальные учебные действия (табл. 1) и освоить методики их формирования.

3. Ценности. Традиционно содержание учебного материала представляет собой совокупность научных знаний – фактов, понятий, теорий, концепций, которые несут в себе объективное значение. Проблема развития личности учащегося в значительной степени связана с воспитанием у него ценностного отношения к учебной деятельности, а через нее и к ценностям культуры. Каждый предмет потенциально несет в себе целую группу ценностей, жизненно необходимых для формирования личности учащегося. Ценности определяются как явления и предметы материального или духовного характера, обладающие положительной значимостью, то есть способные удовлетворять какие-либо потребности человека (индивидуальные ценности), социальных групп, классов, общества (социальные ценности), служить их интересам и целям. Концепция духовно-нравственного воспитания школьников [2] определяет систему базовых национальных ценностей, которые, с нашей точки зрения, должны пронизывать все содержание деятельности школьника. В этом контексте он обретает личностные смыслы как идеальное содержание, идею, конечную цель (ценность) чего-либо. Личностный смысл – это индивидуальное осознаваемое отношение субъекта к объектам познания [4].

Рассмотрим способы достижения школьниками метапредметных результатов. Мы полагаем, что восхождение к метапредметности должно

Таблица 1

Сравнительная характеристика общеучебных умений и навыков и универсальных учебных действий

	ОУУН	УУД
Смысл обучения	Обучение означает усвоение фактов, правил, теорем, теорий, алгоритмов	Развитие новых форм деятельности, новых отношений к деятельности, окружающим, себе самому
Роль диагностики	Педагогическая диагностика выявляет результаты и результативность обучения	Психолого-педагогическая диагностика определяет процесс и результат развития ребенка как субъекта учения
Методы обучения	Объяснительно-иллюстративный, репродуктивный	Проблемного изложения учебного материала, частично-поисковый, исследовательский
Приемы	Выполнение упражнений, решение задач, применение правил	Диагностические (затруднений, ошибок и их причин) и коррекционные задания, диалог, разрешение проблемных ситуаций
Состав	Операциональный компонент	Операциональный и личностный компоненты

осуществляться поэтапно посредством перехода с одного уровня на другой:

1. Внутрпредметный.

Методически этот уровень реализуется как предметное занятие (урок) с метакомпонентом: метапонятием, метаумением или приемами, направленными на освоение школьником ценностей. Принципиально важным является также установление учителем внутрикурсовых и внутрпредметных связей, реализация принципа концентризма, на основе которого построены многие учебные программы. Этот уровень реализуется конкретным учителем на конкретном уроке.

2. Межпредметный (междисциплинарный).

На этом уровне рассматриваются общие законы и методы функционирования таких систем, как «природа», «общество», «предметный мир». Предусматривается использование имеющихся у учащихся способов деятельности (УУД) в системе уроков по разным предметам, в рамках которых организуется специальная деятельность по построению учебного познания – исследовательская, эвристическая, проектная, коммуникативно-диалоговая, дискуссионная, игровая. Суть деятельности заключается в том, что усвоение любого материала (понятия, способа действия и т. п.) происходит в процессе решения практической или исследовательской задачи, познавательной проблемной ситуации. Методически этот уровень реализуется через установление межпредметных связей, выполнение учащимися междисциплинарных заданий, интегрированные и бинарные уроки, интегрированные учебные курсы и предметы. Этот уровень реализуется посредством согласования действий педагогов, работающих в том или ином классе.

3. Надпредметный.

Надпредметность – это то, «что непосредственно примыкает к предметному», «те действия, которые, хотя и предметны по направленности, не привязаны к предмету неразрывно и переносимы, в отличие от предметных, с одного предмета на другой» [1; 74]. На этом уровне решаются общие задачи предметов гуманитарно-эстетического, общественно-исторического и естественно-научного циклов. На

философском уровне рассматриваются всеобщие взаимосвязи систем «человек – общество – природа», регулируемые всеобщими законами. Методически этот уровень реализуется через метапредметные уроки, факультативы, учебные метапредметы. Этот уровень метапредметности реализуется командой педагогов школы.

Компоненты, уровни и методические подходы к реализации метапредметности представлены в табл. 2.

Компоненты и уровни метапредметности инвариантны для любой ступени обучения, однако результативность их реализации имеет свои особенности.

Начальная школа. Метапредметность означает освоение обучающимися универсальных учебных действий (познавательные, регулятивные и коммуникативные), обеспечивающих овладение ключевыми компетенциями, составляющими основу умения учиться, и межпредметными понятиями.

Основная школа. Метапредметность как результат образования предполагает не только освоение обучающимися межпредметных понятий и универсальных учебных действий, но и способность их использования в учебной, познавательной и социальной практике, самостоятельность планирования и осуществления учебной деятельности и организации учебного сотрудничества с педагогами и сверстниками, построение индивидуальной образовательной траектории.

Старшая школа. Кроме этого, метапредметность означает владение старшеклассниками навыками учебно-исследовательской, проектной и социальной деятельности.

Таким образом, мы видим, что моделирование современного образовательного процесса для достижения школьниками метапредметных результатов предполагает создание педагогами следующих дидактических условий: включение в содержание учебного материала не только предметных, но и метапредметных знаний; формирование наряду с общеучебными умениями и навыками универсальных учебных действий; обеспечение освоения школьниками ценностей.

Таблица 2

Восхождение к метапредметности

Уровни метапредметности		Метазнания	Метаумения	Ценности
		1	2	3
3	Надпредметный уровень	Метауроки. Метапредметы. Метапредметные факультативы		
		Проекты. Исследования		
2	Межпредметный (междисциплинарный) уровень	Интегрированный урок (содержательная интеграция)	Интегрированный урок (деятельностная интеграция)	Урок-диалог. Урок-диспут. Урок-дискуссия
		Методика «Паровоз». Предметные факультативы, основанные на решении метапроблемы. Интегрированные контрольные работы		
1	Внутрпредметный уровень	Урок с метапонятием. Урок с межпредметными связями	Урок формирования универсальных учебных действий	Урок-метапроблема. Урок-рефлексия

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боровских А. В., Розов Н. Х. Надпредметное содержание школьного образования. Деятельностная теория учения: современное состояние и перспективы: Материалы Международной научной конференции. Москва. 6–8 февраля 2014 года. М.: Изд-во Московского ун-та, 2014. С. 72–74.
2. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного воспитания российских школьников [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.r-komitet.ru/school/program/action2009/razdel/cdn/>
3. Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Трикола, 1994. 304 с.
4. Конжиев Н. М., Федорова Е. Н., Янющкина Г. М. Реализация ценностно-смыслового подхода в практике школы и вуза: Монография / Федерал. агентство по образованию; ГОУВПО «КГПУ». Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2006. 256 с.
5. Концепция Федеральных государственных образовательных стандартов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx>
6. Концепция Школа-2100 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.school2100.ru/upload/download/sborniki/sb_obr_teh_2008.pdf
7. Новиков А. М. Основания педагогики: Пособие для авторов учебников и преподавателей. М.: Эгвес, 2010. 208 с.
8. Примерная программа воспитания и социализации обучающихся. Начальное общее образование. М., 2009. 35 с.
9. Сергеенко Е. А. Развитие идей А. В. Брушлинского: соотношение категорий субъекта и личности. Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Т. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергеенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 41–44.
10. Хуторской А. В. Метапредметный подход в обучении: Научно-методическое пособие. М.: Эйдос; Изд-во Института образования человека, 2012. 73 с.

Selivanova O. G., Vyatka State Humanities University (Kirov, Russian Federation)

META SUBJECT RESULTS OF PUPIL'S EDUCATIONAL ACTIVITY AND METHODS OF THEIR ACHIEVEMENT

Based on the FSES requirements to the educational achievements of pupils in metasubject areas a new problem faced by modern schools is identified. The authorial approach to the solution of this didactic problem is presented. The essence of the problem in focus is in the appropriate identification of the “metasubjectness” components and levels of its development. The “metasubjectness” is presented by the following components: metaknowledge as fundamental philosophical and scientific categories; metaskills as universal methods of activity, applicable in different subject domains; values as spiritual, moral, and ethic reference-points for mastering personal values. The basic method of metasubject results' achievements by the pupil is a stage-by-stage mastery of the following levels: an intra-subject level supposes establishment of intra-subject and intra-course connections during the course of objects and phenomena study, discovery of their developmental dynamics; an inter-subject level implies consideration of the studied phenomena and objects from different positions by establishing intra-subject connections and integration of educational materials and methods of cognition; a meta-subject level allows comprehension of interdependences in the system “man – nature – society” on the philosophical level.

Key words: pupil as subject of studies, pupil's educational activity, picture of the world, components of “metasubjectness”, levels of “metasubjectness”

REFERENCE

1. Borovskich A. B., Rozov N. K h. Meta subject content of school education. Active theory of studies: the modern state and prospects [Nadpredmetnoe soderzhanie shkol'nogo obrazovaniya]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Materials of the International scientific conference]. Moscow, 2014. P. 72–74.
2. Danilyuk A. Ya., Kondakov A. M., Tishkov V. A. *Kontseptsiya dukhovno-nravstvennogo vospitaniya rossiyskikh shkol'nikov* [Conception of spiritually-moral education of Russian pupils]. Available at: <http://www.r-komitet.ru/school/program/action2009/razdel/cdn/>
3. Zinchenko V. P., Morgunov E. B. *Chelovek razvivayushchiysya. Ocherki rossiyskoy psikhologii* [A developing man. Essays of Russian psychology]. Moscow, Trivola Publ., 1994. 304 p.
4. Konzhiev N. M., Fedorova E. N., Yanyushkina G. M. *Realizatsiya tsennostno-smyslovogo podkhoda v praktike shkoly i vuza* [Realization of value-semantic approach in practice of schools and institutions of school and institution of higher learning]. Petrozavodsk, KGPU Publ., 2006. 256 p.
5. *Kontseptsiya Federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov* [Conception of the Federal state educational standards]. Available at: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx>
6. *Kontseptsiya Shkola-2100* [Conception of School-2100]. Available at: http://www.school2100.ru/upload/download/sborniki/sb_obr_teh_2008.pdf
7. Novikov A. M. *Osnovaniya pedagogiki* [Grounds of pedagogics]. Moscow, Egves Publ., 2010. 208 p.
8. *Primernaya programma vospitaniya i sotsializatsii obuchayushchikhsya. Nachal'noe obshchee obrazovanie* [Exemplary program of education and socialization of the pupils. Primary education]. Moscow, 2009. 35 p.
9. Sergeenko E. A. Development of A. V. Brushlinsky's ideas: Correlation categories of subject and person [Razvitiye idey A. V. Brushlinskogo: sootnoshenie kategoriy sub'ekta i lichnosti]. *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu A. V. Brushlinskogo* [Materials of the International conference, devoted to the 80th anniversary of A. V. Brushlinsky]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2013. P. 41–44.
10. Khutorskoy A. V. *Metapredmetnyy podkhod v obuchenii* [Metasubjectal approach in learning]. Moscow, Eydos, Institute of Human's Education Publ., 2012. 73 p.

Поступила в редакцию 08.04.2014

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЛУНГЯН

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, заместитель директора, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Российская Федерация)
plungian@iling-ran.ru

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ СТИХ ЛЕРМОНТОВА: НЕКОТОРЫЕ ДЕТАЛИ*

Предлагается формальный анализ и классификация всех известных образцов неклассического стиха Лермонтова – дольников, тактовиков и нескольких представителей так называемого гетерометрического стиха. Подчеркивается принципиальное новаторство Лермонтова в области русской метрики, в ряде случаев опередившее свою эпоху на 50 и более лет. В приложении приводится полный список рассмотренных текстов.

Ключевые слова: Лермонтов, неклассический стих, дольник, тактовик

Цель настоящих заметок – привлечь внимание к некоторым особенностям метрического репертуара Лермонтова, вообще говоря, известным, но, может быть, недостаточно отчетливо осознаваемым в контексте эволюции русской метрики XIX века. В истории этой эволюции Лермонтову принадлежит исключительно интересная роль, к оценке которой исследователи русского стиха, можно надеяться, еще будут неоднократно возвращаться; ниже мы хотели бы лишь указать некоторые аспекты, которые представляются нам существенными.

Как ни удивительно, специального монографического исследования метрики Лермонтова до сих пор нет, хотя на важность именно «лермонтовского» этапа в развитии русского стиха (как регулярного, так и неклассического) указывалось неоднократно, в том числе, например, [7; 126–127, 190]; наиболее обстоятельно, наверное, М. Л. Гаспаровым [3; 123, 128–130, 136 et passim], но особенно [5] – данное исследование почти целиком строится на изучении «семантических ореолов» лермонтовских текстов¹). Вместе с тем формальная сторона лермонтовского стиха в целом вызывала, как кажется, несправедливо мало интереса (хотя рифма и строфика Лермонтова все же изучены чуть лучше метрики, и имеется несколько специальных работ, им посвященных; ср. в особенности [15], где делается ряд проницательных наблюдений и над метрикой). Практически единственной попыткой описать поэтический репертуар Лермонтова с точки зрения формальных параметров стиха остается метрический справочник к произведениям Лермонтова, составленный в 1930-е годы группой исследователей по инициативе и под руководством Б. И. Ярхо, но не изданный при жизни последнего и в сокращенном виде опубликованный М. Л. Гаспаровым лишь в виде небольшой статьи [11] (заметим, что раздел

о метрике дольников в публикацию не вошел, поскольку эта часть рукописи не сохранилась). Некоторые материалы этой работы отражены и в соответствующих статьях «Лермонтовской энциклопедии»² 1981 года (прежде всего в статье «Стихосложение Лермонтова», написанной в основном К. Д. Вишневским и М. Л. Гаспаровым), которая, таким образом, наряду со статьей «группы Ярхо», оказывается и наиболее полным на сегодняшний день сводом известных фактов о стихе Лермонтова. К сожалению, сведений, сообщаемых в этих кратких статьях справочного характера, совершенно недостаточно для получения общей картины развития лермонтовского стиха, в особенности неклассического, образцы которого (при этом далеко не все) лишь бегло упоминаются в энциклопедии³. Более того, формальные характеристики многих таких нестандартных текстов у разных авторов оказываются разными, а иногда и почти противоположными – что, как можно полагать, объясняется прежде всего недостаточной разработанностью стиховедческой теории и терминологии того времени, не позволившей добиться большей согласованности подходов.

Для иллюстрации сказанного можно ограничиться одним примером. Знаменитое стихотворение «Они любили друг друга...» (1841) рассматривается в ЛЭ в метрическом аспекте дважды: один раз – в разделе «неклассический стих» общей статьи «Стихосложение» (написанном К. Д. Вишневским) и второй раз – в самостоятельной статье, посвященной этому произведению (написанной Р. Ю. Данилевским). Если у Вишневского данное стихотворение характеризуется как один из «видов дольника» (что в целом не неверно, хотя и не вполне точно и слишком кратко, см. ниже), то в статье Данилевского предлагается достаточно удивительная интерпретация этого стихотворения как «правильно-

го 4-стопного трехсложника» с «весьма редкой» трехсложной (!) анакрусой, но при этом «обычно имеющей <...> ослабленное дополнительное ударение на втором слоге» [12; 355]. Неясно, какие факторы свидетельствуют в пользу того, что первые три слога во всех строках этого стихотворения должны относиться к анакрусе: в пяти строках из восьми в начале представлены бесспорные полноударные формы с ударением на втором слоге строки (*с тоской, и были, и милый, и смерть, но в мире*); дважды в начале строки употреблено слабо клитизованное местоимение *они*, и лишь один раз выступает настоящая клитика как (*но как враги*). Тем самым второй слог стихотворения следует считать полноценным иктом, который ничем не отличается от любого другого икта в русском стихе: ударение на втором слоге строки в случаях типа *с тоской глубокой* или *и смерть пришла* ни в каком разумном понимании не является ни «ослабленным», ни «дополнительным». Наиболее естественный и непротиворечивый метрический анализ стихотворения «Они любили друг друга...» – это 5-иктный логзэд с односложной анакрусой и постоянной базовой схемой 1•1•2•2•1; но эта интерпретация не предлагается ни Данилевским (стремящимся априорно представить данный образец как вариант классической силлаботоники⁴), ни Вишневым (правомерно увидевшим в этом стихотворении дольник, но не заметившим логзэдический характер дольниковой метрики, то есть регулярность указанной выше метрической схемы⁵).

Таким образом, для дальнейшего изучения метрики Лермонтова (особенно в контексте общей эволюции русской метрики) необходим более систематический обзор имеющегося материала, который, как можно видеть, пока доступен исследователям не в полной мере. Ниже постараемся в какой-то степени заполнить эту лауну. Мы перечислим имеющиеся у Лермонтова отклонения от форм классической метрики и постараемся более подробно разобрать важнейшие из созданных им образцов неклассического стиха. Наша интерпретация во многом опирается на материал поэтического корпуса в составе Национального корпуса русского языка, снабженный специальной стиховедческой разметкой и свободно доступный в Интернете (см. <http://ruscorpora.ru/search-poetic.html>; подробнее о поэтическом корпусе см., например, [6]; там же поясняются некоторые используемые ниже термины, в частности «гетерометрический стих» и ряд других).

По словам М. Л. Гаспарова, «[п]оиcки новых решений и эксперименты с метром характерны для всего творчества Лермонтова» [12; 542]. Тем не менее эксперименты с неклассическими метрами особенно интенсивны у раннего Лермонтова (с 1829 по 1832, с пиком в 1830–1831); лишь в стихах последнего года (1841) возрождаются

дольниковые формы. При этом поиски Лермонтова идут сразу в нескольких направлениях. С некоторой долей условности все образцы неклассической метрики у Лермонтова можно разделить на три типа:

I – «модифицированный трехсложник» – дольникоподобный стих, возникающий на базе трехсложных метров;

II – гетерометрический стих, наиболее близкий к немецким «freie Rhythmen»;

III – тактовик, имитирующий фольклорный стих.

Как представляется, каждый из этих трех типов возникал независимо (и под влиянием различных источников) и эволюционировал самостоятельно. Примечательно разнообразие неклассических метрических типов (несмотря на общее небольшое их число: всего около полтора десятков образцов); по этому параметру метрический репертуар Лермонтова безусловно превосходит и диапазон современников, и, тем более, поэтов предшествующих десятилетий. Многие находки и эксперименты Лермонтова окажутся по-настоящему востребованы только через столетия, в рамках эстетической программы Серебряного века.

Охарактеризуем эти типы неклассического стиха подробнее.

I. МОДИФИЦИРОВАННЫЙ ТРЕХСЛОЖНИК

Данная группа, самая многочисленная из всех названных, объединяет произведения, в которых классическая схема правильного трехсложника оказывается видоизменена с помощью двух преобразований – вообще говоря, независимых, но часто используемых Лермонтовым одновременно в пределах одного и того же текста. Это, с одной стороны, варьирование *анакрусы*, а с другой стороны, варьирование *междуктового интервала*. В классических трехсложных размерах обе эти величины (особенно последняя) являются строго постоянными; отмена обоих ограничений как раз и дает наиболее распространенный в русской поэзии тип дольника, утвердившийся в качестве полноправного метра в начале XX века (после опытов З. Гиппиус, Брюсова, Вяч. Иванова и особенно раннего Блока, развитых в дальнейшем Кузминым, Гумилевым, Ахматовой, поэтами «волошинского круга» и др.). Творчество Лермонтова – пример сознательного использования дольника, так сказать, *avant la lettre*, когда своеобразие этого метра еще не осознавалось в полной мере. «Прото-дольник» Лермонтова (как и большинство других его экспериментов с неклассическим стихом) почти во всех образцах сохраняет некоторый оттенок маргинальности и либо несет отпечаток иноязычной поэтической культуры (в переводах и подражаниях), либо сохраняет статус «необработанного» черновика. Ни одно из произведений этой группы Лермонтовым при

жизни напечатано не было⁶, а большинство ранних опытов явным образом и не предназначалось для печати, но обращает внимание настойчивая работа Лермонтова в этом направлении. Поиски в жанре «прото-дольника» Лермонтов возобновляет и в последний год жизни, хотя для этого периода интерес к другим формам неклассического стиха уже не характерен (для позднего творчества Лермонтова исследователи, как правило, отмечают лишь снижение доли ямба за счет роста правильных трехсложников с соотношением, скорее напоминающим репертуар поэтов второй половины XIX века). Кто знает, проживи Лермонтов хоть немного дольше – и дольник мог бы прочно укорениться в русской поэзии уже в XIX веке. Такое развитие событий совсем не исключено, если вспомнить, каким глубоким было последующее влияние других, лучше разработанных элементов лермонтовского стиха, таких как 5-стопный хорей, сплошная мужская каталектика и прочие, хорошо известные исследователям формальные приемы, которые успели войти в «основной корпус» текстов Лермонтова и закрепиться в нем (здесь опять-таки стоит отослать читателя к работе [5]).

Внутри того типа текстов, который мы предлагаем называть «модифицированными трехсложниками», можно выделить три подгруппы: чистые трехсложники с переменной анакрусой, дольники с постоянной анакрусой и дольники с переменной анакрусой. В последнем случае сочетаются оба вида преобразований чистого трехсложника: синкопы слабых слогов в междуиктовых интервалах и варьирование длины анакрусы; в первых двух случаях, соответственно, применяется только одно из двух названных преобразований. Существенно, что трехсложная основа во всех случаях остается очень заметной: в произведениях с сочетанием правильных и дольниковых форм строки с синкопами слабых слогов никогда не преобладают, а часто это и вовсе единичные случаи синкоп на фоне сплошного правильного трехсложника. Возникает ощущение, что Лермонтов – особенно в раннем творчестве – лишь пробовал вводить синкопы в отдельные строки для создания локального метрического контраста, что исключало появление текстов, сплошь состоящих из синкопированных строк. Иная модель использования синкоп у него проявляется лишь в стихах 1841 года, в число которых входит и логаяд «Они любили друг друга...», вообще не содержащий правильных строк; это единственный пример «чистого дольника» у Лермонтова.

Таким образом, намечается любопытная хронология смены разных форм «модифицированного трехсложника»: ранний Лермонтов (с 1830 до 1832) широко экспериментирует с переменной анакрусой и одновременно с этим начинает осторожно вводить синкопированные строки. Все дольники этого периода содержат

переменную анакрусу, хотя обратное не верно: варьирование анакрусы без синкоп встречается тоже, и при этом в заметно большем количестве. Однако в дальнейшем картина меняется: начиная с 1833 года переменная анакруса практически исчезает, тогда как синкопированный стих продолжает развиваться, в конце концов трансформируясь в чистый логаяд, где «правильных» строк уже не остается. По-видимому, варьирование анакрусы стало казаться Лермонтову более простым и банальным приемом, и он потерял к нему интерес, тогда как возможности синкопированного стиха, напротив, стали занимать его сильнее. Следует заметить, что такой вектор развития вполне повторяет эволюцию неклассического стиха в русской поэзии XIX–XX веков: как известно, первые образцы дольника рубежа веков (Брюсов, Блок, ранняя Ахматова) содержат большое количество строк правильных трехсложников и, в большинстве случаев, переменную анакрусу, а в дальнейшем происходит «логаядизация» ритма дольников с выравниванием анакрусы и исчезновением правильных строк без синкоп (эта тенденция будет особенно характерна для поэзии Цветаевой).

Примечательно, что варьирование анакрусы в этом типе стиха осуществляется Лермонтовым только в пределах диапазона 1–2 слога, то есть это колебания между амфибрахической и анапестической анакрусой. Более широкий диапазон варьирования (с включением нулевой, то есть дактилической анакрусы), в принципе, у Лермонтова также встречается, но он свойствен другим типам неклассического стиха, описываемым далее, – гетерометрическому и тактовому. Модифицированный же трехсложник Лермонтова дактилическую анакрусу никогда не включает. Это – а также частые сочетания с синкопами слабых слогов внутри строки – является отличительной особенностью данного типа стиха, как кажется, недостаточно подчеркнутой в литературе: так, К. Д. Вишневский ограничивается замечанием, что «комбинация анакрус и порядок их чередования крайне разнообразны» [12; 544]; М. Л. Гаспаров, отмечая указанные выше особенности лермонтовских экспериментов с анакрусами, предпочитает рассматривать переменную анакрусу и дольниковые формы отдельно, в разных частях обзора истории русской метрики. Существенно, однако, что ненулевая переменная анакруса в трехсложниках раннего Лермонтова не просто частотна – она неотделима от опытов с переменным междуиктовым интервалом, прямо наследуя в этом отношении английским и немецким дольникам.

Всего у Лермонтова засвидетельствовано 11 образцов чистого трехсложника с ненулевой переменной анакрусой и 4 образца трехсложника с комбинацией ненулевой переменной анакрусы и переменного междуиктового интервала. Это (в хронологическом порядке) следующие тексты⁷:

А. Чистый трехсложник с переменной анакрусой:

(1) Еврейская мелодия [«Я видал иногда, как ночная звезда...»] (1830)

(2) Челнок [«Воет ветер и свистит пред недалёной грозой...»] (1830)

(3) «Хоть давно изменила мне радость...» (1830–1831)

(4) Романс [«Хоть бегут по струнам моим звуки веселья...»] (1830–1831)

(5) «На тёмной скале над шумящим Днепром...» (1830–1831)

(6) Стансы [«Мне любить до могилы творцом суждено...»] (1830–1831)

(7) Земля и небо [«Как землю нам больше небес не любить?...»] (1830–1831)

(8) К. Д. [«Будь со мною, как прежде бывала...»] (1831)

(9) Песня монахини из ранней⁸ редакции поэмы «Демон» [«Как парус над бездной морской...»] (1831)

(10) Желание [«Зачем я не птица, не ворон степной...»] (1831)

(11) Русалка [«Русалка плыла по реке голубой...»] (1832).

Б. Синкопированный трехсложник с переменной анакрусой:

(1) Баллада [«Берегись! берегись! над бургомским путём...»] (1830)

(2) Песня [«Не знаю, обманут ли был я...»] (1830–1831)

(3) «Поцелуями прежде считал...» (1832)

<(4) «Надежда Петровна...» (1841)>.

Как можно видеть, синкопированные стопы возникают в данном типе трехсложника одновременно с варьированием анакрусы: самый ранний надежно датируемый образец модифицированного трехсложника (Б.1) относится к 1830 году (это попытка переложения баллады из «Дон-Жуана» Байрона), и он уже содержит 4 строки дольника из 20 строк урегулированного трехсложника с переменной анакрусой (Ан~Аф4м / Ан~Аф3м). То, что первые образцы модифицированного трехсложника являются переводами (ср. также А.1), далеко не случайно: сам этот метрический тип в целом, по всей вероятности, возникает под непосредственным влиянием германского стиха – как немецкого, так и английского, который Лермонтов хорошо знал и внимательным читателем которого был как раз в данный период (совпавший с годами его обучения в Московском университетском благородном пансионе и Московском университете, то есть с сентября 1828 по май 1832 года⁹).

Образцы А.9 и А.10 характеризуются тем, что переменная анакруса в них урегулирована – по модели Аф3м / Ан3м и Аф4м / Ан3м соответственно (случайно или нет, но оба раза более длинная анапестическая анакруса следует за более короткой амфибрахической). Урегулированную анакрусу Лермонтов использовал толь-

ко дважды, уже в завершение ранних опытов с варьированием анакрусы, и кроме этих произведений более никогда к этому приему не прибегал. Основная же масса текстов с переменной анакрусой демонстрирует нерегулярное варьирование по этому параметру. Часто нарушения носят единичный характер (как, например, в А.4, А.5, А.6 или А.8); рассматривая такие случаи изолированно, их можно было бы принять за случайные сбои неопытного версификатора – если бы не постоянное возвращение молодого Лермонтова к экспериментам с анакрусой и не существование аналогичных моделей в английском и немецком стихе, на который Лермонтов в тот период в существенной степени опирался.

Следует отметить также, что в большинстве текстов с переменной анакрусой используется урегулированный разностопный стих (в основном по модели 4+3, иногда с более сложной строфикой, где к катрену вида 4+3 добавляется 4-иктное двустишие с парной рифмой): это образцы А.1, А.2 (шестистишия), А.4, А.5 (шестистишия), А.6 (шестистишия), А.7, А.10, А.11 и Б.1; в остальных случаях стих 3-иктный; любопытно, что дважды (в А.10 и А.11) эта схема сочетается с парной рифмовкой при сплошной мужской клаузуле. Тем самым некоторую неупорядоченность начала строки компенсирует сложный и при этом подчеркнута регулярный ритм чередования иктов и клаузул в строке.

Включение в группу (Б) стихотворения «Надежда Петровна...» (из так называемых «экспромтов 1841 года») отчасти условно, так как эти короткие экспромты известны в основном в передаче мемуаристов, приводятся разными авторами в разных вариантах и имеют во многом апокрифический характер. Тем не менее текст Б.4 – единственный, сохранившийся в альбоме 1840-х годов (хотя записан и не рукою Лермонтова); все авторитетные публикации XX века опираются именно на этот «альбомный» вариант – с заключительной седьмой строкой по-французски (*c'est un vers qui cloche*), которая «обосновывает» отсутствие рифмы к третьей строке. В двух других версиях данного экспромта, дошедших до нас в устной передаче Раевского – Желиховской и Карпова – Филиппова (см. примечания к 5-томному собранию сочинений Лермонтова, 1935–1937 годы, т. 2, 1936, с. 269–270), французской строки нет, как нет и пропуска рифмующейся строки; более того, нет в них и удлинения анакрусы во второй строке (*зачем так неровно* вместо *отчего так неровно*). Таким образом, только в принятой издателями «альбомной» версии стихотворение Б.4 оказывается 2-иктным трехсложником на основе Аф2 с переменной анакрусой; при этом заключительная французская строка ближе всего к ритму 2-иктного дольника с анапестической

анакрусой (2•1•0). Вполне вероятно, что в экспромте 1841 года Лермонтов воспроизвел наиболее яркие черты той модели модифицированных трехсложников, которая была им разработана в начале 1830-х годов, а память мемуаристов через несколько десятилетий именно эти черты отбросила, поскольку для русского стиха они продолжали оставаться маргинальными вплоть до рубежа столетий.

Несколько особняком среди дольников на основе правильных трехсложных метров стоит текст «Жёлтый лист о стебель бьётся...» (1831). Фактически это сочетание нерифмованного вольного хорей (X2~3~4д,ж,м) с двумя строками дольника: *Мой листок одинокой* [0•1•2•1] // *Унесёт далёко, далёко* [2•1•2•1]. Для германской метрики это сочетание не было бы необычным, но в русской поэзии такая разновидность дольника (с преобладанием двусложных стоп) возникает и получает некоторое распространение только в первые десятилетия XX века – вначале у Блока и Кузмина (в немногочисленных образцах, см. подробнее [16]), позднее в более массовом порядке у акмеистов и их последователей. Трудно сказать, насколько осознанно эта форма появилась у Лермонтова – скорее всего, это лишь случайный побочный результат его настойчивых попыток адаптации фольклорной метрики, более нигде не развитый. Замечателен тем не менее сам факт появления такой формы – задолго до начала ее массового использования¹⁰.

Более поздняя часть модифицированных трехсложников (после 1833 года), как уже говорилось, не включает текстов с переменной анакрусой (за исключением разобранных выше экспромта Б.4 и единичной строки в отрывке В.3, см. ниже): это, в чистом виде, эксперименты с переменными междуиктовыми интервалами. Эксперименты эти тоже достаточно разнообразны и включают 6 образцов:

В. Синкопированный трехсложник с постоянной анакрусой:

(1) «В рядах стояли безмолвной толпой...» (1833–1834)

(2) «Се Маккавей-водопийца кудрявые речи раскинул как сети...» (1837)

(3) «Это случилось в последние годы могучего Рима...» (1837–1841)

(4) «Они любили друг друга так долго и нежно...» (1841)

(5) «Лилейной рукой поправляя...» (1841)

(6) «На бурке под тенью чинары...» (1841).

В этой группе явным образом противопоставлены самый первый текст (В.1), два последующих (В.2–3) и три заключительных (В.4–6); хронологически здесь очень отчетливо прослеживается переход от простых синкопированных трехсложников к логэдам более сложной структуры. Если текст В.1 по большинству характеристик близок к текстам предыдущего массива Б (это урегулированный разностопный амфи-

брахий 4м+3ж с единичной синкопой в первой строке) и отличается от них только постоянной амфибрахической анакрусой, то два следующих текста представляют собой эксперименты с гекзаметрами (больше у Лермонтова таких попыток нет¹¹). Строго говоря, настоящим гекзаметром оба текста назвать трудно, более корректно говорить здесь – особенно в случае В.3 – о «деривате гекзаметра» [3; 132–133]. Короткая эпитаграмма В.2 по существу является нерифмованным вольным 5-, 6- и 7-иктным дактилем с синкопами в некоторых 6-иктных строках; так же написан и незаконченный эпический отрывок В.3 (в котором синкопированных 6-иктных строк больше), но он еще содержит единичную строку синкопированного Афб (...на тёмные очи её – молодели; юноши страстным...), то есть демонстрирует слабый рецидив предшествующего этапа экспериментов с переменной анакрусой. Впрочем, такие колебания анакрус для дериватов гекзаметра этого периода типичны; они встречаются в русской поэзии как в предыдущие десятилетия (например, у Н. И. Гнедича или учителя Лермонтова в Московском университетском благородном пансионе А. Ф. Мерзлякова), так и в последующие (например, у Ап. Григорьева). На фоне этих образцов гекзаметрические формы Лермонтова следует скорее признать относительно слабо расшатанными: вариации здесь сводятся фактически только к колебаниям числа иктов.

Очень интересны заключительные тексты В.4–6. Все они относятся к последним трем месяцам жизни Лермонтова (май – начало июля 1841 года) и извлечены из так называемой «записной книжки В. Ф. Одоевского»; текст В.4, являющийся весьма вольным переводом стихотворения Гейне «*Sie liebten sich beide, doch keiner...*», сохранился наряду с двумя черновыми вариантами (к истории текста см. подробнее [2]), а тексты В.5 и В.6 представляют собой следующие подряд (и, скорее всего, тематически связанные друг с другом) короткие наброски незаконченного текста балладного или эпического характера (о текстологии этих отрывков см. подробнее [1], где, в частности, предлагается считать их частями единого текста, в котором В.6 является началом, а В.5 – продолжением, но ниже мы будем следовать традиционной для изданий XX века практике). Все три текста – образцы логэздического дольника, ранее у Лермонтова никогда не встречавшиеся и для русской поэзии того времени совершенно нетипичные¹².

Стихотворение В.4 является, как уже говорилось вначале, 5-иктным логэдом. Метрика В.4 никоим образом не совпадает с метрикой оригинала – нестроогого 3-иктного дольника «германского типа» с односложной анакрусой и колебаниями от правильных трехсложных строк (вида *und wollten vor Liebe vergehn*) до правильных двусложных (вида *sie waren längst gestorben*)¹³; не

совпадает с оригиналом и каталектика – традиционная *жм* с четной рифмой у Гейне и сплошная женская с парной и перекрестной рифмой у Лермонтова. На протяжении всего стихотворения выдержана односложная анакруса и постоянная синкопа после первого икта – это совершенно оригинальный тип логаядического дольника, никогда в русской поэзии не использовавшийся. Анализ черновиков показывает, что форма эта была найдена Лермонтовым не сразу, все первоначальные варианты тяготеют к 4-иктному дольнику (ср. такие фрагменты, как *Они любили друг друга так нежно // С тоской глубокой и страстью мятежной* или *Но смерть пришла, им настало свиданье, // Но там друг друга они не узнали*); только в окончательном варианте Лермонтов принимает решение удлинить строку еще одной трехсложной стопой, сохраняя при этом постоянное синкопированное начало. Стоит напомнить, что чуть раньше, в апреле 1841 года, и сам Лермонтов, переводя другой 3-иктный дольник Гейне («*Ein Fichtenbaum steht einsam...*»), выбирает более традиционную стратегию: дольник оригинала он первоначально заменяет на правильный 3-иктный амфибрахий («*На хладной и голой вершине...*»), а в окончательном варианте – на урегулированный разностопный амфибрахий 4ж+3м («*На севере диком стоит одиноко...*»). Правда, уже и в этом случае Лермонтов удлиняет строку по сравнению с оригиналом – прием, который будет использован им в В.4 более последовательно и резко.

Что касается набросков В.5 и В.6, то они также тяготеют к логаядической форме, чуть менее строгой в случае В.5. Это четверостишия с перекрестной рифмовкой *жм* (одно в В.5 и два в В.6, пронумерованных Лермонтовым; после второго четверостишия стоит еще цифра 3, предполагающая продолжение, но далее текст остался не написан). Все четверостишия содержат правильный 3-иктный амфибрахий в нечетных строках (Аф3ж) и дольник на основе того же метра (Аф3м) с единичной синкопой в четных строках; однако если во фрагменте В.5 синкопы находятся в разных местах строк (ср. *Едва пробившийся ус / 1•1•2•0* и *Кангар молодой туксус / 1•2•1•0*), то во фрагменте В.6 во всех четырех четных строках последовательно выдерживается схема 1•1•2•0. Тем самым В.5 является, в терминологии М. Л. Гаспарова, строчным логаядом, тогда как В.6 оказывается логаядом более сложной структуры – одновременно стопным и строчным.

Обобщая сказанное, можно заключить, что в последние месяцы жизни Лермонтов создает уникальные образцы логаядов на основе дольника с постоянной односложной анакрусой; вполне возможно, что эта «логаядическая линия», получив дальнейшее развитие в его творчестве, дала бы результаты, напоминающие образцы первых

десятилетий XX века (если даже не более поздние).

II. ГЕТЕРОМЕТРИЧЕСКИЙ СТИХ

Под термином «гетерометрический стих» понимается сочетание строк, написанных правильными силлабо-тоническими размерами, но в произвольной комбинации; в частности, для гетерометрического стиха характерно свободное чередование двусложных и трехсложных метров. Частыми, но необязательными свойствами гетерометрического стиха являются также свободное варьирование длины строки и отсутствие рифмы. В небольшом количестве гетерометрический стих может также содержать и строки с переменным междуиктовым интервалом (то есть строки дольника), но правильные метры в нем – в отличие от отчасти близкого ему вольного дольника – всегда преобладают. Ранний гетерометрический стих является прямым метрическим заимствованием из немецкой традиции (так называемые «*freie Rhythmen*») и встречается преимущественно в переводах с немецкого или в подражаниях немецким образцам (у Тютчева, Лермонтова, А. П. Григорьева и Фета); однако на рубеже веков эта форма переживает новый всплеск популярности и укореняется в оригинальной поэзии благодаря экспериментам Вяч. Иванова, Андрея Белого, позднее – Хлебникова ([9], [10]) и многих других авторов. На необходимость выделения этого или сходного типа стиха указывали многие исследователи – прежде всего М. Л. Гаспаров (в ряде работ использовавший термин «микрполиметрия» и даже «сверхмикрполиметрия», но наиболее точен, пожалуй, его же термин «смешанные метры», осторожно предложенный лишь в книге [4; 134–135]), а также Ю. Б. Орлицкий (говоривший о «гетероморфном» стихе, ср., например, [14]) и ряд других, однако проблема нуждается в дальнейшем изучении. Ниже мы лишь кратко коснемся особенностей гетерометрического стиха у Лермонтова, роль которого в становлении этой формы кажется не менее важной, чем в случае с дольником.

К гетерометрическим текстам Лермонтова можно отнести следующие четыре образца, из которых наиболее важен последний:

- Г. Гетерометрический стих:
- (1) Перчатка [«*Вельможи толпою стояли...*»] (1829)
 - (2) Песня [«*Колокол стонет...*»] (1830–1831)
 - (3) Азраил / Песня девы [«*Ветер гудёт...*»] (1831)
 - (4) «*Слышу ли голос твой...*» (1837–1838).

Как можно видеть, большинство из них относятся к раннему периоду и первоначальный импульс их возникновения так же, как и в случае модифицированных трехсложников, связан с переводами. Хронологически первый образец

гетерометрического стиха – один из наиболее ранних дошедших до нас стихотворных опытов Лермонтова вообще – является сокращенным переводом известной баллады Шиллера «Der Handschuh» и довольно близко воспроизводит ее метрическую основу¹⁴. Это вольное сочетание строк правильных трехсложных метров, ямба и, в небольших количествах, дольника (3~4-иктного). В целом основа этого текста трехсложная, но от массива «модифицированных трехсложников», рассмотренного выше, он – как и более поздние гетерометрические стихотворения Лермонтова – отличается, во-первых, заметной долей строк двусложных метров, во-вторых, сильной вариативностью длины строки (от 1 до 4 иктов) и, в-третьих, наличием нулевой (дактилической) анакрус. Последнее важно именно в контексте творчества Лермонтова, так как у Лермонтова, как уже говорилось выше, варьирование анакрус в широком диапазоне от 0 до 2 слогов – вообще говоря, теоретически возможное и вполне типичное, например, для дольников Серебряного века – в модифицированных трехсложниках не встречается.

Начав с имитации немецких образцов, Лермонтов продолжил гетерометрические эксперименты и в оригинальных стихах. Тексты Г.2 и Г.3 – также в определенном смысле маргинальны, не случаен авторский подзаголовок «песня» в обоих случаях. Эксперименты с более свободной песенной метрикой вообще интересовали молодого Лермонтова почти так же сильно, как эксперименты с передачей германской тоники средствами русского стиха. Более существенны эти поиски для третьего массива неклассических текстов (тактовиков), который будет рассмотрен ниже; но, как видим, и в области гетерометрического стиха образцы песенного жанра встречаются. Текст Г.2 – сложная строфическая композиция с почти полностью регулярным чередованием строк дактиля, амфибрахия и ямба; она, пожалуй, ближе к литературной полиметрии во вкусе XVIII века, чем к народной тонике или к стиху «германского» типа, но тем не менее по своим формальным характеристикам надежнее всего примыкает именно к данной группе. Текст Г.3 – небольшой вставной песенный фрагмент из неоконченной романтической поэмы (с прозаическими вставками) «Азраил» (позднее перенесенный, с незначительными изменениями, в текст повести «Вадим»); он представляет собой своеобразное сочетание двустопного дактиля, амфибрахия и хорей с единичной строкой 3-иктного дольника (...*милый в чужбину скачет...*).

Самый замечательный образец гетерометрического текста – стихотворение Г.4, созданное уже в начале «позднего» этапа творчества Лермонтова¹⁵. Извлеченное из черновиков, оно было впервые опубликовано в 1845 году под «извиняющимся заголовком» ([3; 130]) «Неотделанное

стихотворение», настолько его метрика показала современникам необычной; в современных изданиях оно обычно печатается в реконструкции Б. М. Эйхенбаума, несколько отличной от первоначальной публикации. М. Л. Гаспаров считал его образцом дольника, однако ни одной строки дольника в этом тексте, строго говоря, нет: оно представляет собой неупорядоченное сочетание двустопных (как и в предыдущем случае) строк правильного амфибрахия, дактиля и ямба с нерифмованной женской и дактилической клаузулой. Анализ работы над текстом по черновику показывает, что Лермонтов в ряде случаев сознательно усиливал метрический контраст соседних строк, вводя чередование женских клауз с дактилическими и двусложных метров с трехсложными: так, первоначальный «монотонный» вариант *И как-то весело, // и плакать хочется* [Я2дд] был заменен на более «контрастный» *И как-то весело, // и хочется плакать* [Я2д+Аф2ж]. Эксперименты Лермонтова со смелым сочетанием коротких строк разных правильных метров очень интересны: это, безусловно, сознательные поиски, отталкивавшиеся первоначально от иноязычных образцов, но постепенно перенесенные в один из центральных для Лермонтова жанров – оригинального лирического стихотворения (хотя заметим, что тематика «песни» и «пения» сохраняется в какой-то степени и здесь)¹⁶. По своему метрическому облику стихотворение «Слышу ли голос твой...» намного опережает свою эпоху: это метрика даже не ближайшего рубежа столетий, а скорее, поэтического авангарда середины XX века.

III. ТАКТОВИК

Весьма существен вклад Лермонтова и в разработку тактовиков. Даже при беглом обзоре истории русской метрики всегда отмечается, что лермонтовская поэма «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (написана не позже 1837 года, впервые опубликована в 1838 году и включена в единственное прижизненное издание стихотворений Лермонтова 1840 года) является важнейшим этапом в разработке этой формы, по значимости не уступающим пушкинским «Песням западных славян» (1833–1834) и «Сказке о рыбаке и рыбке» (1833). Справедливо указывалось, что позднейшие опыты имитации русского народного стиха в большей степени восходят к лермонтовской, а не к пушкинской модели, так как именно Лермонтов, вслед за Сумароковым и Востоковым, использует расшатанный 3-иктный тактовик с дактилической (а не с женской, как у Пушкина) клаузулой¹⁷ ([3; 136]). Анакруса у Лермонтова при этом варьирует в «узких» пределах (от 1 до 2 слогов, как и в модифицированных трехсложниках), с преобладанием анапестической, тогда как у Пушкина

и других авторов колебания анакрusy более свободные, в диапазоне 0~2 (ср. в «Сказке о рыбаке и рыбке»: *Как взмолится золотая рыбка! // Голосом молвит человечим: // Отпусти ты, старче, меня в море <...>*).

Однако если «Песня про царя...» и может рассматриваться как развитие пушкинских экспериментов с тактовиком, то в целом интерес Лермонтова к этой форме неклассического стиха более давний и также восходит к началу 1830-х годов. От этого периода сохранилось три бесспорных образца тактовика:

Д. Тактовик:

(1) Песня [«Что в поле за пыль пылит...»] (1830–1831)

(2) Атаман [«Горе тебе, город Казань...»] (1831)

(3) Воля [«Моя мать – злая кручина...»] (1831).

Конечно, опыты эти не вполне самостоятельны: речь идет о записях русских народных песен, в той или иной мере переработанных Лермонтовым; комментаторы отмечают, в частности, следы знакомства Лермонтова с собранием русских народных песен П. В. Киреевского и другими источниками. Ряд таких «песен» позднее включался Лермонтовым (с небольшими изменениями) в прозаические тексты. Несмотря на явно вспомогательный характер приведенных опытов, в метрическом отношении они очень интересны, так как отражают внимательное отношение Лермонтова к «народному» тактовика и попытку его имитации средствами, то более, то менее близкими классическому стиху. Метрически все три тактовика несколько различаются: если Д.1 представляет собой вольный 3~4-иктный тактовик с переменной анакрusой (наиболее близкий к тому, что впоследствии, собственно, и стало называться тактовиком в русской поэзии первой половины XX века), а Д.3 при сходном в целом ритмическом облике отличается более сильным варьированием длины строки (1~2~3), то Д.2 (самый большой из трех по объему) характеризуется более нетривиальной формальной структурой: он обладает сложной регулярной строфикой с существенными фрагментами «модифицированного трехсложника» с переменной анакрusой (Ан~Аф2), и лишь меньшая часть этого текста (строго говоря, только отдельные строки) может быть описана как 3-иктный тактовик.

При всем различии приведенных текстов все их можно уверенно квалифицировать именно как тактовик¹⁸, то есть стих со спорадическим включением 3-сложных междуиктовых интервалов. Видно, что Лермонтовым эта форма была успешно освоена (общий объем данного массива текстов – более 100 строк) и в «Песне про царя...» использована в одной из своих метри-

ческих разновидностей (наиболее прочно связанной у следующих поколений с имитацией русского народного стиха).

Итак, мы рассмотрели все три вида неклассического стиха, присутствующие в корпусе произведений Лермонтова. Совокупность этих текстов свидетельствует о том, что интерес Лермонтова к таким формам русского стиха был не случаен: на протяжении всего творчества он не оставлял попыток создать некоторую альтернативу «регулярному» стиху пушкинского периода. Конечно, в силу различных обстоятельств, наиболее успешными оказались менее радикальные направления формального новаторства Лермонтова – в первую очередь связанные с более широким внедрением правильных трехсложных метров; однако хорошо видно, что интерес Лермонтова к тем же трехсложникам далеко не ограничивался экспериментами с регулярной метрикой. Существенно, что первоначальным импульсом для лермонтовских опытов в области неклассического стиха служили либо иноязычные метрические системы (германский дольник и немецкий гетерометрический стих), либо так называемый славянский народный стих (в том числе в литературной интерпретации Сумарокова, Востокова и Пушкина). В случае тактовиков Лермонтов скорее следовал уже проложенным путем, но его опыты в области гетерометрии и дольника, по-видимому, следует считать одними из наиболее ранних, по крайней мере, с такой степенью интенсивности и последовательности и с таким вниманием к метрическим деталям русский неклассический стих до Лермонтова никем не разрабатывался. Немногочисленные опыты XVIII века касались либо имитаций античной метрики, либо песенных текстов; поэты первых десятилетий XIX века, экспериментировавшие с неклассическим стихом (Гнедич, Катенин, Дельвиг), также практически всецело опирались на античные образцы (иногда, может быть, опосредованные немецким влиянием). Русские дольники и логозды «германского типа» до Лермонтова существовали лишь в качестве единичных экспериментов у Жуковского и Тютчева, но оба эти автора, один-два раза испробовав дольниковые формы, больше к ним не возвращались. Работа Лермонтова в 1830-е годы в этом направлении остается единственным в своем роде опытом – и можно только сожалеть, что этот опыт оборвался в самом начале.

Автор приносит искреннюю благодарность Л. Л. Шестаковой, поддержавшей замысел настоящей работы и внимательно прочитавшей первоначальный вариант статьи, а также Д. В. Сичинаве, предложившему множество ценных поправок и дополнений на всех этапах работы над текстом.

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» (36 П).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список стихотворений Лермонтова, содержащих элементы неклассической метрики

В данном приложении приведен полный список текстов, разбираемых в статье, с указанием основных релевантных формальных параметров и метрических формул. Список дан в хронологическом порядке.

Используемые сокращения: Ан – анапест, Аф – амфибрахий, Д – дактиль, Дк – дольник, Гм – гетерометрический стих, Л – логаэд, ПА – переменная анакруса (нерегулярная), ПМИ – переменный междуиктовый интервал, Тк – тактовик, УПА – урегулированная переменная анакруса, УРС – урегулированная разноstopная строфика, Х – хорей, Я – ямба; в метрических формулах тильда ($W\sim Z$) означает нерегулярное варьирование, косая черта (W / Z) – регулярное чередование элементов W и Z .

1829

Перчатка [«Вельможи толпою стояли...»] – 55 строк, вольный гетерометрический стих с Ан, Аф, Д, Я и ПМИ: Гм1~2~3~4ж,м

1830

Еврейская мелодия [«Я видал иногда, как ночная звезда...»] – 16 строк, трехсложник (УРС) с ПА: Ан~Аф4м / Ан(~Аф)3м

Челнок [«Воет ветер и свистит пред недалёкой грозой...»] – 24 строки, трехсложник (УРС) с ПА, сложная строфика: Ан~Аф4м / Ан~Аф3м bis / Аф4мм

Баллада [«Берегись! берегись! над бургосским путём...»] – 20 строк, модифицированный трехсложник (УРС) с ПА и ПМИ: Ан~Аф4м / Ан~Аф3м

1830–1831

«На тёмной скале над шумящим Днепром...» – 12 строк, трехсложник (УРС) с ПА на основе Аф, сложная строфика: Ан~Аф4м / Ан~Аф3ж bis / Ан~Аф4мм

Песня [«Не знаю, обманут ли был я...»] – 24 строки, модифицированный трехсложник с ПА и ПМИ: Ан~Аф3жм

Стансы [«Мне любить до могилы творцом суждено...»] – 18 строк, трехсложник (УРС) с ПА на основе Ан, сложная строфика: Ан~Аф4м / Ан~Аф3м bis / Ан~Аф4мм

Песня [«Колокол стонет...»] – 21 строка, гетерометрический стих (УРС) со сложной строфикой: Д2жж / Аф3м~Я3ж / Я1жж / Аф4мм; спорадическая рифмовка

«Хоть давно изменила мне радость...» – 20 строк, трехсложник с ПА: Ан~Аф3жм

Земля и небо [«Как землю нам больше небес не любить?...»] – 16 строк, трехсложник (УРС) с ПА: Ан~Аф4м / Ан~Аф3м

Романс [«Хоть бегут по струнам моим звуки веселья...»] – 24 строки, трехсложник (УРС) с единичной ПА: Аф4ж / Аф3(~2)м, начальная Ан4ж

Песня [«Что в поле за пыль пылит...»] – 30 строк, вольный тактовик с ПА: Тк3~4д,ж,м; спорадическая рифмовка

1831

Желание [«Зачем я не птица, не ворон степной...»] – 24 строки, трехсложник (УРС) с УПА: Аф4м / Ан3м; парная рифмовка

Атаман [«Горе тебе, город Казань...»] – 56 строк, тактовик на основе Аф с ПА и сложной строфикой: Ан~Аф2, Тк3м,жм

Воля [«Моя мать – злая кручина...»] – 31 строка, вольный тактовик с ПА: Тк1~2~3д,ж,м

К Д. [«Будь со мною, как прежде бывала...»] – 16 строк, трехсложник с ПА на основе Ан3: Ан3ж / Ан~Аф3м

Песня [«Жёлтый лист о стебель бьётся...»] – 14 строк, нерифмованный вольный модифицированный двухсложник с ПА и ПМИ: Х2~3~4д,ж,м, Дк3

Азраил / Песня девы [«Ветер гудёт...»] – 8 строк, вольный гетерометрический стих с Аф, Д, Х и единичным Дк3: Гм2(~3)ж,м; спорадическая рифмовка

Песня монахини из ранней редакции поэмы «Демон» [«Как парус над бездной морской...»] – 20 строк, трехсложник с УПА: Аф3м / Ан3м

1832

«Поцелуями прежде считал...» – 12 строк, модифицированный трехсложник с ПА и ПМИ(?)¹⁹: Ан3м с единичным Аф3м

Русалка [«Русалка плыла по реке голубой...»] – 28 строк, трехсложник (УРС) с ПА: Ан~Аф4м / Ан~Аф3м; парная рифмовка

1833–1834

«В рядах стояли безмолвной толпой...» – 20 строк, модифицированный трехсложник (УРС) с единичным ПМИ: Аф4м / Аф3ж

1837

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова – 513 строк, тактовик с ПА: Тк3г,д,ж; фрагменты акцентного стиха

«Се Маккавей-водопийца кудрявые речи раскинул как сети...» – 6 строк, нерифмованный модифицированный трехсложник с ПМИ: Д5~6~7ж (дериват гекзаметра)

1837–1841

«Это случилось в последние годы могучего Рима...» – 32 строки, нерифмованный модифицированный трехсложник с ПА и ПМИ: Д5~6ж, единичный Д7ж, единичный Аф6ж с ПМИ (дериват гекзаметра)

1837–1838

«Слышу ли голос твой...» – 12 строк, нерифмованный гетерометрический стих с Аф, Д и Я: Гм2д,ж

1841

«Надежда Петровна...» – 7 строк, модифицированный трехсложник с ПА и ПМИ(?): Ан~Аф2ж,м>

«Они любили друг друга так долго и нежно...» – 8 строк, модифицированный трехсложник с регулярными ПМИ: Л5ж (1•1•2•2•1)

«Лилейной рукой поправляя...» – 4 строки, модифицированный трехсложник с ПМИ: Аф3ж / Дк3м

«На бурке под тенью чинары...» – 8 строк, модифицированный трехсложник с регулярными ПМИ: Аф3ж / Л3м (1•1•2•0)

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ср., в частности, следующую характерную цитату: «Эта исключительная роль Лермонтова – а не Пушкина – в семантической истории русского стиха представляет интересную историко-литературную проблему. Видимо, этим подтверждается давнее заявление формалистов: Пушкин был завершителем эпохи русской поэзии, зачинателем же новой эпохи был Лермонтов» [5; 173].
- 2 При цитировании далее обозначается как ЛЭ.
- 3 В этом отношении полезным дополнением к ЛЭ является небольшая заметка [8].
- 4 Возможно, Данилевский лишь воспроизводит ошибку Б. М. Эйхенбаума, который в комментариях к 5-томному собранию сочинений Лермонтова 1935–1937 годов сообщает, что, переводя Гейне, Лермонтов заменил его «трехударный стих <...> четырехударным» (Т. 2. 1936. С. 254). При этом в справочнике под руководством Ярхо метрический тип этого стихотворения был определен правильно (оно характеризуется как пятистопный логаяд); аналогично и у М. Л. Гаспарова: «5-иктный логаяд» [3; 130]. Ср. также анализ этого стихотворения в [15; 450]: «...на основе редкого в поэтической практике пятистопного амфибрахия Лермонтов создает дольника, “убирая” из каждой строки по одному безударному слогу»: эта несколько импрессионистическая характеристика тем не менее гораздо ближе к истине, чем формулировка Эйхенбаума и Данилевского.
- 5 Эта неточность Вишневого тем более досадна, что о существовании логаядов у Лермонтова он говорит буквально в том же предложении, сообщая, что, наряду с «различными видами» дольника, у Лермонтова имелись и логаяды. Утверждение это совершенно справедливо, но конкретные примеры тех и других подобраны, как видим, не вполне удачно. Во многом аналогична этому другая ошибка Вишневого: указывая (справедливо), что у Лермонтова есть опыты по разработке «народного тонического стиха», он называет в их числе песню «Как по вольной волношке...», которую поет героиня в «Тамани» [12; 544]; между тем, размер этой песни далек от тонического и не выходит за рамки классической метрики – это нерифмованный вольный хорей (2~3~4) с единичными переборами в первой стопе (вида *Везёт моя лодочка*), которые для этого типа хорей являются стандартными.
- 6 Кроме «Русалки» (1832), содержащей только переменную анакрису, без синкопированных строк.
- 7 Более подробная характеристика формальных свойств всех рассматриваемых текстов приводится в Приложении (в конце статьи).
- 8 В большинстве изданий сочинений Лермонтова эта редакция 1831 года называется «третьей», реже она фигурирует как «вторая» (например, в издании 1935–1937 годов).
- 9 Стоит напомнить здесь известное свидетельство А. П. Шан-Гирея: «Мишель начал <после августа 1829 г., т. е. в неполные 15 лет. – В. П.> учиться английскому языку по Байрону и через несколько месяцев стал свободно понимать его; читал Мура и поэтические произведения Вальтера Скотта (кроме этих трех, других поэтов Англии я у него никогда не видал), но свободно объясняться по-английски никогда не мог, французским же и немецким языком владел как собственным» (цитируется по [13; 28]).
- 10 В XIX веке наиболее ярким эпизодом освоения дольника на двусложной основе, по-видимому, должна считаться «Последняя любовь» Тютчева (1851–1854); но этот эпизод на протяжении многих десятилетий остается и единичным.
- 11 Но утверждения, делаемые некоторыми исследователями (начиная с комментаторов собрания сочинений 1935–1937 годов, когда текст В.2 еще не был опубликован), что отрывок В.3 является у Лермонтова *единственным* опытом гекзаметра, все же, как видим, не точны. Эпиграмма В.2 относительно надежно датируется 1837 годом, точная дата создания отрывка В.3 неизвестна. Учитывая, что интерес Лермонтова к гекзаметру мог возникнуть под влиянием «Ундины» Жуковского (такова, в частности, гипотеза Э. Э. Найдича), опубликованной в отрывках с 1835 и вышедшей отдельным изданием в 1837, не лишена правдоподобия хронологическая привязка к 1837 году обоих текстов – в любом случае, обращает внимание их значительное метрическое сходство друг с другом, особенно на фоне «правильных» гекзаметров.
- 12 Ср. также анализ в [15; 446] (где впервые отмечены почти все основные особенности метрики этих отрывков) и [1]. Отчасти похожие эксперименты можно, пожалуй, найти только у раннего В. А. Жуковского, использовавшего 3-иктные логаядические формы с односложной анакрисой дважды: в стихотворениях «К ней» [«Имя где для тебя?..»] (1811, с поллиметрией) и особенно «Жалоба пастуха» [«На ту знакомую гору...»] (1817).
- 13 Более близко к подлиннику эта метрика передана в переводе Фета «Они любили друг друга...» (1857); у Фета начальная строка обоих четверостиший является синкопированным Аф3ж (1•1•2•1), а продолжение – правильным 3-иктным амфибрахией (Аф3жм) с четной рифмовкой.
- 14 Напомним, что ставший классическим перевод «Перчатки» В. А. Жуковского, созданный двумя годами позже (1831), передает стих Шиллера традиционным вольным ямбом.
- 15 По поводу точной даты создания этого стихотворения существуют разногласия: по положению в черновиках (и ряду других косвенных указаний разной степени убедительности) оно датируется или временем пребывания Лермонтова

- в Тифлисе (ноябрь 1837), или временем его работы над «Тамбовской казначейшей» (до января 1838), или временем начала его знакомства с семейством Карамзиных (август – сентябрь 1838).
- ¹⁶ В черновых тетрадях этот текст находится рядом со стихотворениями «Как небеса, твой взор блистает...» (Я4ж / Я3м) и «Она поёт – и звуки тают...» (Я4жм); многие комментаторы считают все три стихотворения тематически связанными и, по-видимому, созданными в один и тот же период времени. Если это так, то при тематической близости трех текстов бросается в глаза резкий контраст между новаторской метрикой первого и традиционным ямбическим оформлением двух других (особенно последнего; урегулированный разностопный ямб 4+3, менее банальный, но хорошо освоенный уже Жуковским, Батюшковым и Баратынским, здесь занимает в какой-то степени промежуточную позицию).
- ¹⁷ Только в финале поэмы (*Гей вы, ребята удалые...*) возникает трехударный акцентный стих с женской клаузулой. Спорадически междуиктовые интервалы объемом более 3 слогов встречаются и в других строках поэмы.
- ¹⁸ Не вполне справедливым кажется утверждение М. Л. Гаспарова [3; 136], что «ранние <...> эксперименты» Лермонтова «имеют мало общего с народным ритмом и колеблются между силлабо-тоническими стопами и акцентным стихом»: если не считать силлабо-тонических фрагментов песни «Атаман», то все остальные тексты вполне хорошо укладываются именно в ритм тактовика; элементы (очень незначительные) акцентного стиха обнаруживаются только в «Песне про царя...».
- ¹⁹ Описание метра этого стихотворения зависит от того, как интерпретировать строки вида *Я счастливую жизнь свою*: при односложном чтении слова *жизнь* это модифицированный трехсложник с ПМИ, при двусложном – обычный анапест.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрова А. С. К реконструкции одного поэтического замысла Лермонтова // Статьи на случай: Сборник в честь 50-летия Р. Г. Лейбова. 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/551777.html>2.
2. Бухштаб Б. Я. К истории текста стихотворения Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...» // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1988. Т. 47. № 2. С. 181–185.
3. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Изд. 2. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 352 с.
4. Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. Изд. 2. М.: Фортуна Лимитед, 2001. 288 с.
5. Гаспаров М. Л. Метр и смысл. М.: РГГУ, 2000. 296 с.
6. Гришина Е. А., Корчагин К. М., Плунгян В. А., Сичинава Д. В. Поэтический корпус в рамках Национального корпуса русского языка: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 71–113.
7. Жирмунский В. М. Теория стиха. Л.: СПб., 1975. 664 с.
8. Кормилов С. И. Неклассический стих Лермонтова: дискуссионные проблемы ритмологии // Вестник МГУ. Сер. «Филология». 1982. № 4. С. 11–21.
9. Корчагин К. М. Гетерометрия и полиметрия Велимира Хлебникова // Язык как медиатор между знанием и искусством. М.: Азбуковник, 2009. С. 147–160.
10. Корчагин К. М. Еще раз о раннем русском свободном стихе // Корпусный анализ русского стиха. М.: Азбуковник, 2013. С. 219–242.
11. Лапшина Н. В., Романович И. К., Ярхо Б. И. Из материалов «Метрического справочника к стихотворениям М. Ю. Лермонтова» // Вопросы языкознания. 1966. № 2. С. 125–137.
12. Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1981. 784 с.
13. Мануйлов В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.; Л.: Наука, 1964. 200 с.
14. Орлицкий Ю. Б. Гетероморфный (неупорядоченный) стих в русской поэзии // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. С. 187–202.
15. Пейсахович М. А. Строфика Лермонтова // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814–1964. М.: Наука, 1964. С. 417–491.
16. Плунгян В. А. «Мне с каждым утром противней заученный, мёртвый стих»: к некоторым особенностям тонического стиха М. Кузмина // The Many Facets of Mikhail Kuzmin: A Miscellany. Bloomington, IN: Slavica, 2011. P. 43–57.

Plungian V. A., Vinogradov Institute of Russian Language of RAS (Moscow, Russian Federation)

NON-CLASSICAL LERMONTOV'S VERSE: SOME DETAILS

The paper proposes a formal analysis and classification of all known Lermontov's poetic work exemplifying non-classic types of verses, such as dolnik, mixed meter verse, and several others. It is argued that many aspects of Lermontov's poetic technics were ahead of his time at least by half a century. The paper includes also an addendum listing all the texts under consideration.

Key words: Lermontov, non-classical verse, dolnik, taktovik

REFERENCES

1. Bodrova A. S. To the reconstruction of a poetic conception of Lermontov [K rekonstruktsii odnogo poeticheskogo zamysla Lermontova]. *Stat'i na sluchay: Sbornik v chest' 50-letiya R. G. Leybova. 2013* [Articles in case: Collection in honor of the 50th anniversary of R.G. Leybov. 2013]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/551777.html>
2. Bukhshtab B. Ya. To the history of the text of Lermontov's poem "They loved each other so long and tenderly..." [K istorii teksta stikhotvoreniya Lermontova "Oni lyubili drug druga tak dolgo i nezhno..."]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literaturny i yazyka* [Information of the Academy of Sciences of the USSR. Ser. Of literature and language]. 1988. Vol. 47. № 2. P. 181–185.
3. Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha* [An outline of the history of Russian poetry]. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2000. 352 p.
4. Gasparov M. L. *Russkiy stikh nachala XX veka v kommentariyakh* [Russian verse of the early XX century in the comments]. Ed. 2. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2001. 288 p.
5. Gasparov M. L. *Metri i smysl* [Meter and meaning]. Moscow, RGGU Publ., 2000. 296 p.

6. Grishina E. A., Korchagin K. M., Plungian V. A., Sichinava D. V. The corpus of poetry within Russian National Corpus: a general outline and perspectives of use [Poeticheskiy korpus v ramkakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka: obshchaya struktura i perspektivy ispol'zovaniya]. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* [The Russian National Corpus: 2006–2008. New results and prospects]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2009. P. 71–113.
7. Zhirmunskiy V. M. *Teoriya stikha* [The theory of verse]. Leningrad, SPb Publ., 1975. 664 p.
8. Kormilov S. I. Non-classical verse of Lermontov: debating poits of problems of rhythmology [Neklassicheskiy stikh Lermontova: diskussionnye problemy ritmologii]. *Vestnik MGU. Ser. "Filologiya"* [Vestnik of MGU. Ser. "Philology"]. 1982. № 4. P. 11–21.
9. Korchagin K. M. Heterometry and polimetry of Velimir Khlebnikov [Geterometriya i polimetriya Velimira Khlebnikova]. *Yazyk kak mediator mezhdz znaniam i iskusstvom* [Language as a mediator between knowledge and art]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2009. P. 147–160.
10. Korchagin K. M. Once again on the early Russian vers libre [Eshche raz o rannem russkom svobodnom stikhe]. *Korpusnyy analiz russkogo stikha* [Corpus-based analysis of Russian verse]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2013. P. 219–242.
11. Lapshina N. V., Romanovich I. K., Yarkho B. I. From "Metric handbook to the poems by M. Yu. Lermontov" [Iz materialov "Metricheskogo spravochnika k stikhotvorenyam M. Yu. Lermontova"]. *Voprosy yazykoznanija* [Problems of Linguistics]. 1966. № 2. P. 125–137.
12. *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov's encyclopedia]. Moscow, Sov. entsiklopediya Publ., 1981. 784 p.
13. Manuylov V. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva M. Yu. Lermontova* [Chronicle of the life and work of M. Yu. Lermontov]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 200 p.
14. Orbitskiy Yu. B. Heteromorphous (disordered) verse in Russian poetry [Geteromorfnyy (neuporyadochennyy) stikh v russkoy poezii]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2005. № 73. P. 187–202.
15. Peysakhovich M. A. Strophics of Lermontov [Strofika Lermontova]. *Tvorchestvo M. Yu. Lermontova: 150 let so dnya rozhdeniya, 1814–1964* [Work of M. Yu. Lermontov: the 150th anniversary of birth, 1814–1964]. Moscow, Nauka Publ., 1964. P. 417–491.
16. Plungian V. A. "Every morning I start to hate the learnt by heart, dead poem more and more": to wards Kuzmin's tonic verse ["Mne s kazhdym utrom protivney zauchenny, mertvy stikh": k nekotorym osobennostyam tonicheskogo stikha M. Kuzmina]. *The Many Facets of Mikhail Kuzmin: A Miscellany*. Bloomington, IN: Slavica, 2011. P. 43–57.

Поступила в редакцию 05.08.2014

АЙНЕЛЬ ЭНВЕР КЫЗЫ МЕШАДИЕВА

кандидат филологических наук, доцент Отдела тюркских языков Института языкознания имени Насими, Национальная академия наук Азербайджана (Баку, Азербайджан)
meshadiyevaaynel@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПРИЧАСТИЯ НА *-miz⁴* В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Представлен сравнительно-исторический анализ причастной формы на *-miz⁴* в тюркских языках, а также их диалектах и говорах. В процессе сравнительно-исторического анализа выявлены сходные и отличительные особенности и различные фонетические варианты причастия на *-miz⁴* в современных тюркских языках, а также этимология данной причастной формы. Основной вывод по результатам проведенного исследования заключается в том, что ареал причастной формы на *-miz⁴* ограничивается преимущественно тюркскими языками огузской группы. В тюркских языках других групп форма на *-miz⁴* встречается в основном в их диалектах и письменных памятниках. Полученные результаты могут найти применение при описании морфологии тюркских языков, при составлении учебников и учебно-методических пособий по изучаемой теме.

Ключевые слова: причастие на *-miz⁴*, сравнительно-исторический анализ, сходные и отличительные особенности, тюркские языки, огузская группа

Причастие в тюркских языках обладает богатым разнообразием функционально-семантических особенностей и специфических категориальных характеристик; как одна из сложных функциональных форм глагола, всегда привлекает к себе внимание лингвистов. Причастия исследовались на материале азербайджанского, турецкого, узбекского, башкирского, якутского, кумыкского, татарского, чувашского и других языков.

Несмотря на то что в этих работах причастия анализируются в различных аспектах, функционально-семантические характеристики, морфологические и синтаксические особенности некоторых причастных форм тюркских языков не получили должного исчерпывающего освещения. К таким причастиям относится форма на *-miz⁴*.

Целью нашего исследования является изучение грамматической сущности причастия на *-miz⁴* в тюркских языках, выявление его функционально-семантических и морфологических особенностей.

Аффикс на *-miz⁴* в тюркских языках, помимо причастия, употребляется также для образования как прошедшего времени глагола, так и деепричастия. Развитие причастной формы на *-miz⁴* в тюркских языках как в отношении ее структурно-морфологических, так и категориально-семантических особенностей рассматривается тюркологами не полностью установленной. Так, относительно статуса формы на *-miz⁴* в пратюркском языке некоторые лингвисты полагают, что она восходит к праязыковому периоду, другие – к периоду после распада праязыка. В этой связи примечательно высказывание И. В. Кормушина: «Известные трудности представляет интерпретация неравномер-

ной распространенности форм на *-miz⁴* и *-gan* по тюркским языкам, не совпадающей с границами классификационных групп, а также неодинакового функционально-семантического облика одной и той же формы даже в близкородственных языках и т. п.» [11; 173]. Несомненно, рассматривая форму на *-miz⁴* в тюркских языках, мы в очередной раз убеждаемся в достоверности его мнения.

Так, исследуемая причастная форма преимущественно функционирует в тюркских языках огузской группы (азербайджанский, турецкий, гагаузский, в туркменском языке – редуцирована). Из северо-восточных языков эта форма продуктивна в якутском языке, в тувинском и тофаларском языках представлена лишь в морфологически составном виде. В узбекском языке форма на *-miz⁴* редуцирована, в уйгурском языке – непродуктивна. Однако она довольно продуктивна в древнеуйгурском языке. В северо-западной группе тюркских языков причастие на *-miz⁴* зарегистрировано лишь в форме единичных лексемных заимствований.

Происхождение причастной формы на *-miz⁴* неоднозначно трактуется в лингвистической литературе. Аффикс на *-miz⁴* возводится Н. К. Дмитриевым к самостоятельному монгольскому слову *-mal/-mel*, где монгольским гласным *-a*, *-e* корреспондируют тюркские гласные *-ы*, *-и*, звуку *л* – *ш* [7; 181]. А. Н. Кононов дает свою трактовку аффикса на *-miz⁴*. Так, по его мнению, данная форма состоит из двух частей *-im + is*. А. Н. Кононов также отмечает, что форма на *-miz⁴* некогда целиком соответствовала по значению форме на *-gan*, и в какой-то, видимо довольно поздний, период происходит сужение значения формы на *-мыш*, причем определен-

ную часть ее функции выполняет форма на *-дык* [9; 35]. В языке орхоно-енисейских памятников древнетюркской письменности рассматриваемый аффикс встречается в двух вариантах: *-miş* и *-mis*. Следует отметить, что данная форма в орхоно-енисейских памятниках, в отличие от тюркских письменных памятников позднего периода, в атрибутивной функции употребляется довольно часто.

Причастная форма на *-miş* характерна для тюркских языков огузской группы и является одной из древних причастных форм. В других тюркских языках (в частности кыпчакской группы) данная форма является непродуктивной и заменена причастием на *-ган/-ген*.

В отличие от некоторых тюркских языков, в языке орхоно-енисейских памятников данное причастие употребляется в основном залоге. Например, в современном азербайджанском языке посредством аффикса на *-miş* образуются в основном причастия страдательные прошедшего времени: *asilmiş şəkil* – повешенная картина и т. д.

В орхоно-енисейских памятниках, как и в современных тюркских языках, имеют место случаи субстантивации причастия на *-miş*. Субстантивированные причастия на *-miş* в рассматриваемых памятниках принимают преимущественно аффиксы принадлежности 3-го лица: *yağмысы* – приставший, *тимиси* – сказанное [10; 7] и т. д. Небезынтересно отметить, что причастие на *-miş* в субстантивированной форме встречается также в современном башкирском языке: *язмыш* – судьба, *тормош* – жизнь, *булмыш* – сущность и др. [1; 96–97]. На наш взгляд, данный факт свидетельствует о том, что причастие на *-miş* функционировало в древнебашкирском языке. В башкирском языке, а также в его диалектах данная причастная форма заменена причастием на *-ган*. В большинстве диалектов кумыкского языка вместо формы на *-miş* также употребляется причастие на *-ган* [2; 17], [3; 21].

Данный аффикс широко распространен в тюркских языках в качестве аффиксов причастия – *yazılmış kitab* (азерб.) – написанная книга, прошедшего повествовательного времени – *kitob yozilмыш* (узб.) – книга написана, отглагольного имени – *geçmiş* – прошлое (турец.), *oxitmiş* – образованный (азерб.).

Употребление рассматриваемого аффикса в значении причастия и прошедшего повествовательного времени преимущественно характерно для азербайджанского языка. Аффикс на *-miş* в азербайджанском языке участвует при образовании причастия прошедшего времени, передающего: а) действие, которое относится к близкому прошедшему, б) действие, которое относится к давнопрошедшему, в) действие, которое относится к прошедшему – настоящему. Интересно отметить, что в азербайджанском языке причастие на *-miş* в отдельных случаях выражает желание с оттенком зложелания: *başı*

batmış – чтоб он умер; *evi yıxılmış* – чтобы у него разрушился дом и др.

Обращает на себя внимание следующая особенность причастной формы на *-miş* в азербайджанском языке. Так, в отличие от других причастных аффиксов тюркских языков, рассматриваемый причастный аффикс образует причастие преимущественно от глагольных основ страдательного залога. Рассмотрим пример: *Ortadan nazik kəndirlə bağlanmış kağızları da götürdü* – Он также взял бумаги, связанные тонким шнуром [19; 42].

В современном азербайджанском языке причастные формы на *-miş* не употребляются в качестве дополнения, подлежащего и именного сказуемого. Факты субстантивации причастия на *-miş* наблюдаются довольно редко, а также в рассматриваемом языке данная форма почти не сочетается с падежными формами. Причастия азербайджанского языка имеют категорию лица, времени, залога, отрицания.

Форма на *-miş* в староазербайджанском языке также была достаточно продуктивной. Например: *Vi yıxılmış könlümi abad qılsan vəqtdir* – Время излечить мое раненое сердце [20; 278]. Пособством аффикса на *-miş* начиная с VIII века образовывались собственные имена тюркских и уйгурских каганов: *Tutmuş*, *Kut Bulmuş* и др. Аффикс на *-miş*, по поверью тюркских народов (чтобы ребенок жил долго), употреблялся при образовании антропонимов: *Satılmış*, *Toktamış* (в переводе с некоторых тюркских языков на русский термин *Toktamış* означает: с азербайджанского и турецкого языков – спокойный, успокоенный, сдержанный; происходит от глагола – азерб. *toxtamaq*, турец. *toktamak* – успокоиться, утихать, сдержаться, стать легче, стихнуть (о боли). В основе данного термина лежит не только имя известного в истории XIV века золотоордынского хана Тохтамыша. В настоящее время бытует также термин «Тохтамыш» как название адыгского княжеского рода (Тохтэмышхэ «Тохтамышевы» ногайского общества (или мелкой орды)) и их аула (Тохтамышевские ногайцы и аул Тохтамышевский). Термин «Тохтамыш» выступает в ономастике не только в качестве антропонима, но и топонима. Например, названия рек, горы и ущелья в бассейне р. Кубань (Тохтамыш, правый приток р. Кубань, Тохтамышские горы). Топонимический пласт с именем Тохтамыш в адыгской и ногайской ономастике связан не с собственным именем самого крымского хана, а с собственным именем одного из внуков Инала – родоначальника всех адыгских князей, сыном Унармеса Тохтамышем. В качестве топонима рассматриваемый термин наблюдается также в турецком языке: деревня Тохтамыш в городе Адана и т. д.

Причастия на *-miş* в тюркских языках выступают в роли определения как главных, так и второстепенных членов предложения.

Причастная форма на *-tiş⁴*, образованная от непереходных глаголов, в современном гагаузском языке употребляется в форме основного залога, причастия же, образованные от переходных глаголов, выступают лишь в форме страдательного залога.

Приведем примеры: *Саадышта да бир бүүк колач, үстүндä үч мум йанэр, ортасында бир пишмиш таук айакча дурэр – У крестного отца на свадьбе большой каравай хлеба, на нем горят три свечи, а посредине жареная курица стоит на ногах; Вар мы топланмыш бибер ä? – Есть ли собранный перец?* и т. д. [14; 235].

Рассматриваемая форма в гагаузском языке, субстантивировавшись, может сочетаться с аффиксами множественного числа, принадлежности, падежей, а также аффиксом-последнегом *-лан*, *-нан*. К примеру, *Аллахымыза аданмышын вармыш – У тебя, оказывается, есть (нечто) обещанное нашему Богу* [14; 236].

Некоторые причастия на *-tiş⁴* в гагаузском языке перешли в разряд имен существительных: *йүренмиш – ученый* и т. д. [14; 236].

В современном турецком языке, подобно азербайджанскому языку, форма на *-tiş⁴* относится к причастиям прошедшего времени: *yaşanmış yıllar – прожитые годы, görülmemiş yerler – неувиденные места* и т. д.

В отдельных случаях в турецком языке зарегистрированы случаи субстантивации причастной формы на *-tiş⁴*: *geçmiş – прошлое, dolmuş – марирутка* и т. д. [18; 249].

В отличие от современного туркменского языка в письменных памятниках туркменского языка XIII–XIX веков форма на *-tiş⁴* встречается довольно часто. В туркменском языке эта форма заменена аффиксом на *-ан/-ен*. Непродуктивность формы на *-tiş⁴* в современном туркменском языке мотивируется в тюркологической литературе изобилием синонимических рядов и в отношении грамматических форм. Так, в Грамматике туркменского языка 1970 года отмечается: «...если в тех или иных тюркских языках закрепились какие-то определенные формы причастия прошедшего времени, то в туркменском языке имеются все формы (в том числе и древние) причастия прошедшего времени: *-ан/-ен, -ган/-ген, -дык/-дик, -дук/-дук, -мыш/-миш, -муш/-муш* и *-мадык/-медик, -маган/-меген, -ман/-ман*» [5; 361].

Форма на *-tiş⁴* в современном туркменском языке преимущественно выступает в форме прошедшего времени глагола. В качестве причастия данная форма встречается в отдельных случаях. Например: *гечмиш эдебиятымыз – наша литература прошлого* и т. д. Помимо этого встречаются субстантивированные формы причастной формы на *-tiş⁴* в туркменском языке: *окумыш – ученый* [5; 362] и т. д. В туркменском языке форма на *-tiş⁴* принимает как словоиз-

менительные (*личные, надежные*), так и словообразовательные аффиксы (*-лы/-ли, -ек*). Небезынтересно отметить, что в туркменском языке, в отличие от других тюркских языков огузской группы, аффикс *-tiş⁴*, удваиваясь, субстантивируется и передает значение – *слухи*. Рассмотрим пример: *Бир мыш-мыш бар – Есть какие-то слухи* [5; 362].

Относительно синтаксических функций причастной формы на *-tiş⁴* в рассматриваемых памятниках туркменского языка следует отметить, что она в предложении выступает в качестве подлежащего, сказуемого, определения. Приведем примеры: *Билменем мен бу оянымш ятган ыкбалуммудур? – Не знаю я, эта проснувшаяся, может, моя судьба?* (в роли подлежащего); *Мени элтип ташлажакмыш минара – Говорят, что меня бросят в минарет* (в роли сказуемого); *Дүзе гирип гөрдүм, олтурмыш чилтен – Выйдя в поле, увидел сидевших чилтенов* и т. д. [6; 18–20].

В письменных памятниках туркменского языка форма на *-tiş⁴* выступает в фонетических вариантах *-муш, -муш; -мыс, -мис, -мус, мүс* и употребляется в значении как причастия, так и прошедшего времени глагола. Например: *ачылмыш гул* (в письменных памятниках туркменского языка) – *ачылан гул* (в современном туркменском языке) и т. д. [6; 7]. Известно, что между причастием и определяемым словом, как правило, не вставляются другие слова. Однако в письменных памятниках туркменского языка между причастием и определяемым словом наблюдаются прилагательные, числительные и т. д. Например: *Исгендер Жемшид салдырмыш бейик биналар гөрүнүр – Виднеются высокие здания, построенные Искандером Джемшидом* [6; 21].

Несмотря на то что причастие на *-tiş⁴* характерно для тюркских языков огузской группы, эта форма встречается также в некоторых других тюркских языках, в частности в староузбекском языке. В роли причастия данный аффикс выступает лишь присоединившись к глаголу *-tur* с деепричастием на *-а/-е*. Рассмотрим примеры: *кїладурмиш – делающий, аладурмиш – берущий* и т. д. [17; 148].

Форма на *-tiş⁴* в современном узбекском языке в причастной форме почти не употребляется.

В письменных источниках каракалпакского языка XIX – начала XX века форма на *-tiş⁴* является малопродуктивной: *көрмиш – увидевший* и т. д. [16; 22].

Причастная форма на *-tiş⁴* в мишарском диалекте татарского языка иногда встречается в значении имени действия или отглагольного существительного: *Берничә йыл йермешем йука цыкты – Мои хлопоты в течение нескольких лет пропали даром; Нинди укымыш аласын инде алай йөрөп? – Какие уж знания получаешь, разъезжая так?* [12; 200].

Исследуемая причастная форма изредка наблюдается также в южном диалекте башкир-

ского языка. Рассмотрим несколько примеров: *азмыш* – лит. *азган* – бродяжный, блудный, ко-
рамыш – *кораган* – составленный из лоскутков
и т. д. [12; 68]. Отметим, что в отдельных слу-
чаях в башкирском литературном языке встре-
чается форма на *-mıŝʰ*: диал. *йенмеш* – лит. *ен-
меш* – победивший, одержавший верх; *упрямый*
своевольный и т. д. [12; 68].

В современном якутском языке причастию на *-mıŝʰ* соответствует форма на *-быт*. Данная фор-
ма встречается в якутском языке в трех фонети-
ческих вариантах: *-быт*, *-мыт*, *-пыт*. Она также
имеет отрицательную форму на *-батах*. Напри-
мер: *буспатах моонньоҕон* – незрелая смо-
родина, *үөрэҕин бүтэрбит оҕо* – ребенок, окон-
чивший учебу, и т. д. [4; 232]. Подобно тюркским
языкам огузской группы, посредством этого
причастного аффикса в якутском языке образу-
ется прошедшее время. В якутском языке имеют
место случаи субстантивации рассматриваемой
причастной формы: *Балтыгар хотторбута олус*
кыһылаах – Очень обидно его поражение перед
младшей сестрой и т. д. [4; 232].

Субстантивированная форма на *-mıŝʰ* имеет
место также в языке памятников тюркоязыч-
ной литературы XIV века («*Хосров и Ширин*»
Кутба, «*Гулистан бит-турки*» Сефа Сараи,
«*Мухаббет-наме*» Хорезми): *йемиш* – фрукт;
куванмыш – радость; *калмыш* – приход, влечение
и т. д. [8; 17]. Отметим, что исследуемый аффикс
в данных памятниках в основном употребляется
во временном значении.

Форма на *-mıŝʰ* в чувашском языке (в дан-
ном языке встречается в фонетическом вариан-
те *-маш/-меш*) сохранилась лишь в субстанти-

вированных словах, например: *пётмеш* – конец
и т. д. [15; 9]. Данный аффикс в чувашском языке
является заимствованным, а исконным считае-
тся вариант на *-мад/-мёд*: *курмад* – судьба и т. д.
Вариант на *-мад/-мёд* в современном чувашском
языке употребляется редко, в основном встреча-
ется заимствованная форма на *-маш/-меш*. От-
метим, что причастия на *-мад/-мёд*, *-маш/-меш*
в чувашском языке перешли в разряд имен су-
ществительных: *димёд* – еда, кушанье; *плоды*,
овощи; сравним: др.-тюрк. – *йемиш*, уйг., узб.,
кирг., азерб., тур. – *йемиш*; *кыркмыш*, *кыркы-
мыш* – жеребенок-стригунок и т. д. Посредством
аффикса на *-маш/-меш* в современном чувашском
языке также образуются производные глаголы:
кёрмеш – заниматься, возиться с кем-чем-либо
и т. д. Глаголы на *-маш/-меш* в основном зафиксиро-
ваны в диалектах и говорах чувашского языка.

Форма на *-мыш* в тюркских языках огузской
группы (исключение составляет туркменский
язык) по сравнению с причастной формой в чу-
вашском языке на *-маш/-меш* является наиболее
продуктивной.

Проведенный сравнительно-исторический
анализ позволил нам выявить целый ряд
морфолого-семантических и синтаксических
признаков причастной формы на *-mıŝʰ* в тюрк-
ских языках. Наиболее широкое употребление
данное причастие находит в тюркских языках
огузской группы (исключение составляет тур-
кменский язык). В тюркских языках других
групп форма на *-mıŝʰ* выступает в основном либо
в субстантивированной форме, либо во времен-
ной форме глагола.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А х м е т о в М. А. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978. 131 с.
2. Г а д ж и а х м е д о в Т. И. Янгикентский говор кайтагского диалекта кумыкского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2005. 21 с.
3. Г а д ж и е в а М. А. Фонетические и морфологические особенности отемишского говора кумыкского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2006. 27 с.
4. Грамматика современного якутского литературного языка. М.: Наука, 1982. 496 с.
5. Грамматика туркменского языка. Фонетика и морфология. Ашхабад: Ылым, 1970. Ч. 1. 503 с.
6. Г у з ы ч ы е в Т. Причастия в письменных памятниках туркменского языка XIII–XIX вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1971. 24 с.
7. Д м и т р и е в Н. К. Строй тюркских языков. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 606 с.
8. К е р и м о в А. Словообразовательные аффиксы в языке памятников тюркоязычной литературы XIII века (на материалах «Хосров и Ширин» Кутба, «Гулистан бит-турки» Сефа Сараи, «Мухаббет-наме» Хорезми): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1979. 20 с.
9. К о н о н о в А. Н. Турецкая глагольная форма на *-мыш* // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 20. Вып. 1. С. 34–49.
10. К у л и е в А. Неличные формы глагола в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнении с азербайджанским языком): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1978. 28 с.
11. К о р м у ш и н И. В. Глагольные формы на *-туш* и *-ган* в истории тюркских языков // Вопросы советской тюркологии: Тезисы докладов и сообщений. Ашхабад: Отд-ние лит-ры и языка Академии наук СССР, 1985. С. 173–174.
12. М а х м у т о в а Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект татарского языка). М.: Наука, 1978. 271 с.
13. М и р ж а н о в а С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979. 302 с.
14. П о к р о в с к а я Л. А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964. 298 с.
15. Ф и л и п п о в А. Л. Причастие в чувашском и огузских языках (опыт сравнительно-исторического исследования): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2004. 24 с.
16. Х а м и д о в Х. Каракалпакский язык XIX – начала XX в. по данным письменных памятников: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Нукус, 1990. 42 с.
17. Щ е р б а к А. М. Грамматика староузбекского языка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 276 с.

18. Ediskun H. *Yeni türk dilbilgisi*. İstanbul: Remzi Kitabevi, 1963. 413 s.
19. Əliyev V. Azərbaycan dilində fəli sifət, metodik göstəriş. Bakı: ADPU nəşri, 1989. 64 s.
20. Mirzəzadə H. Azərbaycan dilinin tarixi morfolojiyası. Bakı: Azərbaycan dövlət tədris-pedaqoji ədəbiyyatı nəşriyyatı, 1962. 370 s.

Meshadieva A. E., Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Azerbaijan)

ON COMPARATIVE ANALYSIS OF PARTICIPLE ENDING IN -MIŞ^d IN TURKIC LANGUAGES

This article is devoted to the comparative-historical analysis of the participle form ending in *-miş^d* encountered in Turkic languages, their dialects, and sub-dialects. In this paper similar and distinctive features, as well as different phonetic variants, and etymology of the participle form ending in *-miş^d* in contemporary Turkic languages are revealed. The main conclusion of the research is that the area of the participle form in focus is limited mainly to the Oghuz group of Turkic languages. In Turkic languages of other groups the participle form ending in *-miş^d* occurs mainly in their dialects and written monuments. The obtained results can be used to describe morphology of the Turkic languages, to compile textbooks, teaching and methodical manuals.

Key words: participle ending in *-miş^d*, comparative-historical analysis, similar and distinctive features, Turkic languages, Oghuz group

REFERENCES

1. Akhmetov M. A. *Glagol v yazyke orkhono-eniseyskikh pamyatnikov (v sravnitel'nom plane s sovremennym bashkirskim yazykom)* [The verb in the language of the Orkhon-Yenisei monuments (in comparison with modern Bashkir language)]. Saratov, Saratov University Publ., 1978. 131 p.
2. Gadzhiaxmedov T. I. *Yangikentskiy govor kaytagского dialecta kumyкского yazyka: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Yangikent sub-dialect of kaytak dialect of the Kumyk language. Author's abstract of PhD thesis in Philology]. Makhachkala, 2005. 21 p.
3. Gadzhieva M. A. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti otemishskogo govora kumyкского yazyka: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk*. [Phonetic and morphological features of otemish subdialect of the Kumyk language. Author's abstract of PhD thesis in Philology]. Makhachkala, 2006. 27 p.
4. *Grammatika sovremennogo yakutского literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Yakut literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 496 p.
5. *Grammatika turkmenskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Turkmen language. Phonetics and morphology]. Ashkhabad, Ilim Publ., 1970. 503 p.
6. Guzycheyev T. *Prichastiya v pis'mennykh pamyatnikakh turkmenskogo yazyka XIII–XIX vv.: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Participles in written monuments of Turkmen language of the XIII–XIX-th centuries]. Author's abstract of PhD thesis in Philology]. Ashkhabad, 1971. 24 p.
7. Dmitriev N. K. *Stroy tyurkskikh yazykov* [The system of Turkic languages]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1962. 606 p.
8. Kerimov A. *Slovoobrazovatel'nye affixy v yazyke pamyatnikov tyurkoyazychnoy literatury XIII veka (na materialakh "Khosrov i Shirin" Kutba, "Gulistan bit-turki" Sefa Sarai, "Mukhabbet-name" Khorezmi). Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Derivational affixes in the language of the monuments of Turkic literature monuments the XIII-th century (on materials of "Khosrov and Shirin" of Sayyid Qutb, "Gulistan bit-Turks" of Sefa Sheds, "Muhabbet-name" of Khorezmi)]. Alma-Ata, 1979. 20 p.
9. Kononov A. N. Turkish verb form ending in *-mish* [Turetskaya glagol'naya forma na *-mysh*]. *Uchenye zapiski LGU* [Proceedings of LSU]. 1939. № 20. Issue 1. P. 34–49.
10. Kuliev A. *Nelichnye formy glagola v yazyke orkhono-eniseyskikh pamyatnikov (v sravnenii s azerbaydzhanskim yazykom): Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Non-finite forms of the verb in the language of Orkhon-Yenisei monuments (in comparison with the Azerbaijani language). Author's abstract of PhD thesis in Philology]. Baku, 1978. 28 p.
11. Kormushin I. V. Verb forms ending in *-mish* and *-gan* in the history of Turkic languages [Glagol'nye formy na *-myš* i *-gan* v istorii tyurkskikh yazykov]. *Voprosy sovetskoy tyurkologii: Tezisy dokladov i soobshcheniy* [Problems of the Soviet Turkology: Abstracts of papers and news]. Ashkhabad, 1985. P. 173–174.
12. Makhmutova L. T. *Opyt issledovaniya tyurkskikh dialektov (misharskiy dialekt tatarskogo yazyka)* [Experience of research of Turkic dialects (Mishar dialect of the Tatar language)]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 271 p.
13. Mirzhanova S. F. *Yuzhnyy dialekt bashkirского yazyka* [A southern dialect of the Bashkir language]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 302 p.
14. Pokrovskaya L. A. *Grammatika gagauzского yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Gagauz language. Phonetics and morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 298 p.
15. Filippov A. L. *Prichastie v chuvashskom i oguzskikh yazykakh (opyt sravnitel'no-istoricheskogo issledovaniya): Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Participle in the Chuvash and Oghuz languages (experience of comparative-historical studies). Author's abstract of PhD thesis in Philology]. Cheboksary, 2004. 24 p.
16. Khamidov K. H. *Karakalpakskiy yazyk XIX – nachala XX v. po dannym pis'mennykh pamyatnikov: Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk* [The Karakalpak language of the XIX – beginning of XX-th century according to the data of the written monuments. Author's abstract of Dr. thesis in Philology]. Nukus, 1990. 42 p.
17. Shcherbak A. M. *Grammatika starouzbekского yazyka* [Grammar of the old Uzbek language]. Moscow; St. Petersburg, Academy of Sciences of Soviet Union Publ., 1962. 276 p.
18. Ediskun H. *Yeni türk dilbilgisi* [New Turkish grammar]. İstanbul, Remzi Kitabevi Publ., 1963. 413 p.
19. Əliyev V. Azərbaycan dilində fəli sifət, metodik göstəriş. Bakı: ADPU nəşri, 1989. 64 s.
20. Mirzəzadə H. Azərbaycan dilinin tarixi morfolojiyası. Bakı: Azərbaycan dövlət tədris-pedaqoji ədəbiyyatı nəşriyyatı, 1962. 370 s.

Поступила в редакцию 03.08.2014

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОПОВ
аспирант кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
popof@list.ru

НАЗВАНИЯ МОШКАРЫ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Энтомологическая лексика относится к старейшим участкам языковой картины мира и отражает как архаичные, так и современные языковые процессы. Цель данной работы – описание названий мошкары в русских народных говорах в ареально-этимологическом аспекте. В задачи исследования входит: выявление лексического состава, этимологический анализ, определение географической принадлежности слов и картографирование. Материал отобран из картотеки «Лексического атласа народных говоров», а также из основных областных словарей русского языка. На основе материала составлена лексико-словообразовательная карта названий мошкары. Лексический состав семантической группы ‘мошкара’ в русских народных говорах насчитывает около 60 единиц (включая словообразовательные варианты). Большая часть этих слов относится к 5 корневым группам. Доминирующее положение занимают лексемы с корнем *мошк-*, отмеченные практически повсеместно. Родственные им названия с *мушк-* преобладают в псковских, кировских и нижегородских говорах. Лексемы с корнем *комаш-* в русских народных говорах встречаются преимущественно на территории юго-восточной диалектной зоны. В архангельских, кировских и уральских говорах отмечены слова с корнем *слеп-*. Для говоров Обонежья и Поморья характерно бытование слов, так или иначе связанных с прибалтийско-финскими языками, – это энтомосемизмы *кигачи*, *тигачи*, *чигач*, *седоха*, *сидала* и их лексико-словообразовательные варианты.

Ключевые слова: диалектная лексика, названия насекомых, энтомосемизмы, лингвистическая география

Названия насекомых часто становятся объектом лингвистических исследований, поскольку энтомологическая лексика относится к «старейшим участкам языковой картины мира» [2; 24] и, как следствие, отражает и архаичные, и современные языковые процессы.

Энтомосемизмы изучаются в различных аспектах. Для данного исследования особенно важен лингвогеографический аспект. В ДАРЯ включена карта ‘названия муравьев’ [1], ОЛА содержит 6 лексико-словообразовательных карт, репрезентирующих названия ‘муравей’, ‘кузнецик’, ‘божья коровка’, ‘бабочка’, ‘стрекоза’, ‘светлячок’ [7]. Работы С. А. Мызникова [4], [5], [6], Ю. А. Кривошаповой [3], Н. М. Бунько отражают современный этап в изучении энтомосемизмов.

Названия мошкары следует отличать от названий гнуса. Слова со значением ‘гнус’ являются общими названиями всех кусающихся насекомых отряда двукрылых (Diptera): *гнус* ‘летающие кровососущие насекомые (комары, мошки, слепни)’ (МАС, I; 321). Наименования со значением ‘мошка, мошкара’ – это названия одного из видов насекомых (семейство Simuliidae): *мошка* ‘мелкое двукрылое насекомое’, *мошкара* ‘мошки’ (МАС, II; 306).

Цель настоящей работы – описание названий мошки, мошкары в русских народных говорах в ареально-этимологическом аспекте. В задачи входит: выявление лексического состава, этимоло-

логический анализ, определение географической принадлежности слов и картографирование.

Материал отобран из картотеки «Лексического атласа народных говоров» и корпуса основных известных диалектных словарей русского языка. Привлекались также данные из словарей западно- и южнославянских, прибалтийско-финских языков, этимологических словарей, атласов и отдельных публикаций (монографий, диссертаций, статей).

1. Название *мошка* (праслав. **тъшька*), *мошкара* (*мошк* + *ар-а*) является производным с суффиксом *-ькъ* от праслав. **тъха* (ЭССЯ, XXI; 17), (Фасмер, II; 667). В свою очередь, праслав. **тъха* является расширением на *-а* первоначального и.-е. *mus-* ‘муха’. О. Н. Трубочев отмечает: «Широта семантического охвата корня и.-е. **mūs-* заставляет склониться к мысли, что в основе номинации лежит название по цвету (‘сероватое’, ‘сероватая’), широко использованное затем в качестве метафорического обозначения мелких вредителей самого разного рода» (ЭССЯ, XX; 211). Рефлексы и.-е. **mūs-* на русской почве проявляются в словах *мошка*, *муха*, *мышь*, *мох*.

Относительно этимологии наименования *муха* ‘муха’ единого мнения не существует. Так, И. П. Петлева рассматривает 3 возможных признака, лежащих в основе номинации: 1) особенность поведения (жужжащее насекомое),

2) особенность питания (жалящее насекомое),
3) особенность цвета (сероватое насекомое) (ЭССЯ, XX; 172).

1.1. Лексема *мошкарá* и другие наименования с корневой основой *мошк-* обладают наиболее широким ареалом, охватывающим все восточнославянские языки: русск. *мошкарá* 'мошки' (МАС, II; 306), укр. *мошкарá* 'мошки' (СУМ, IV; 815), белорус. *мошкá*, *машкарá*, *машкíрá*, *машкатá*, *машатá* 'мошки' (ЭСБМ, VII; 76; VI; 284).

На территории русских говоров имеют широкое распространение: лексемы *мошкарá* Повсем., *мошкарё* Остр.¹ Пск., Фурман., Пестяк. Иван., Байк., Махн., Реж., С.-Лог. Урал., Санчур., Арбаж., Совет. Киров., Шаркан. Удмурт., *мошкарня* Белом. Карел., Сланц. Ленингр., Октябрь., Судислав. Костром., Гд., Кр., Локн., Холм. Пск., Сонк., Зубц. Твер., Ковр. Влад., Кедом. Ряз., Клим. Брян., Дмитров., Глушков., Обоян. Курск., Свеч., Нолин., Совет. Киров., Суксун. Перм., Завьял. Удмурт., Караидел., Альшеев. Башк., *мошкотня* Совет., Б.-Солдат. Курск., *мошкар* и *мошкарё* Печ., Гд., Н-Рж. Пск., Бутк. Урал., *мошкарняга* Гд. Пск., *мошкарúшка* Кар. Пск., *мошкá* Режев. Свердл., *мошкар* Моск., *мошкарíна* Хв. Новг., *мошкотá* К.-Г. Волог., Гарин. Свердл., Екатеринбург. Саратов., Тимск. Курск., Богуч. Ворон., Волгодон. Рост., Костром., Сиб., *мошкарняк*, собир. 'мошкара, комары, слепни' Медв. Карел., Сланц. Ленингр., Гд., Беж., Остр., Н-Рж., Локн. Пск.

Вариант *кошмарá*, собир. 'мошкара' Жиздр. Калуж., Павл. Нижегород. является, видимо, результатом метатезы от *мошкарá*. Но нельзя исключать и связи с лексемой *кошмá* 'множество, тьма' Юрьев. Влад. (СРНГ, XV; 152).

1.2. Наименования с корнем *мушк-* распространены довольно широко, с преобладанием в псковских, кировских и нижегородских говорах: *мушкарá*, собир. 'мошкара' Пуд. Карел., Кириш. Ленингр., Нерехт. Костром., Палк., Остр., Гд., Стр., Печ., Порх., Пуст. Пск., Ок. Новг., Нагор., Слобод., Котельн., Кумен., Богород., Пижан., Лебяж., Санчур. Киров., Южск. Иванов., Ардат., Шатк., Лукоян., Вознес. Нижегород., Арх. Башк., Ряз. Ряз., Ромодан., Торб. Морд., Арсен. Тул., Новос. Орл., Воткин. Удмурт., Красноуфим. Свердл., Куедин. Перм., Моск., Калуж., Ворон., Краснояр., *мушкар* 'мелкое насекомое, мошка' Котел., Санчур. Киров., *мушкарí* 'мошки, комары' Возгал. Киров., *мушкарý* 'мошки' Вят., *мушкарё* 'мошкара' Кириш. Ленингр., Порх. Пск., *мушкарíца*, собир. 'мошкара, комары' Слобод., Нагор. Киров., *мушкварняг* 'мошки' Пуст. Пск.

1.3. Слова с корнем *мух-*, которые также родственны названиям с корнями *мошк-*//*мушк-*, в значении 'мошка, мошкара' встречаются в вологодских, белозерско-бежецких и пудожских говорах: *мухáрица* 'мелкое летающее насекомое;

мошка' Ник. Волог., *мухарё*, собир. 'мошкара' Череп. Волог., *мухáишка* 'мошка' Пуд. Карел. Ср. также укр. диал. *мухár* 'комар', польск. *tuchar* 'комар' (ЭССЯ, XX; 173).

Другая ступень чередования, представленная ст.-слав. *мишица* 'комар', известна всем славянским языкам, а также находит соответствия в других индоевропейских языках (ЭССЯ, XXI; 15).

2. Названия с корнем *комаш-* в значении 'мошкара' в русских народных говорах встречаются преимущественно на территории юго-восточной диалектной зоны: *комашина* Мышк. Яросл., Конак. Твер., Клим. Брян., Хохол., Бобр., Вороб., Подгор. Ворон., Выксун. Нижегород., Шентал. Самар., Самойл. Саратов., Жирн., Город., Калач. Волгогр., Ракит., Яков. Белгор., Тимаш. Краснодар., широко известно в курских, ростовских и русских говорах Башкирии, *комáшки* 'мелкие летающие насекомые' Бобр. Ворон., Тимск., Обоян. Курск., Тимаш. Краснодар. В южнорусских говорах, украинском и белорусском языках для названия *комáшка* актуально также значение 'всякое насекомое', 'муравей': *комáшка* 'всякое мелкое насекомое' Ряз., Ставроп., 'муравей' Ряз., *комашина* 'муравьи' Курск., *комаха* 'насекомое', обл. 'муравей' (УРС; 361), *камáшка* 'муравей' (ЭСБМ, IV; 220).

Р. В. Болдырев выдвигает версию об этимологической связи *комáха*, *комáшка* 'насекомое', 'муравей' с праслав. **kot-ar-ъ* (русс. *комар*); предполагается также вторичное сближение с укр. *мурáха*, *мурáшка* 'комар' (ЭСУМ; 532). Мнение Р. В. Болдырева кажется убедительным, особенно если учитывать, что авторы ЭССЯ в статье **kotarъ* делают выводы о первоначальном неразличении названий 'комар' и 'мошка, муха' (ЭССЯ, X; 170).

3. В архангельских, кировских и уральских говорах отмечены слова с корнем *слеп-*: *слепíца*, собир. 'мошкара' Кушвин. Свердл., *слепúха* 'мелкая мошка' Пинеж. Арх., *слепня*, собир. 'мошки' Малмыж. Вят., Киров., Североурал. Свердл. Подобные словообразования в славянских диалектах обычно используются для образования названий со значением 'овод', 'слепень'. Ср.: *слепень* 'двукрылое насекомое, самка которого питается кровью животного и человека' (МАС, IV; 135), *слепец* 'слепень, овод' Калуг., Влад., Брян., Ряз., Яросл., Волог., Карел., Арх., Перм., Свердл., Тюмен., Новосиб., Кемер., Прииртышье, Краснояр. (СРНГ, XXXVIII; 263), *слíпень* 'двукрылое насекомое, самка которого питается кровью животных и людей' (СУМ, IX; 361), *сляпéнь*, обл. *сляпíца* 'слепень' (РБС; 371). Можно предположить, что в основе семантики данных названий лежит признак, связанный с особенностями поведения, 'ослеплять, слепить', поскольку такие мелкие насекомые, как мошки, и вообще большая часть гнуса при передвижении образуют

рой и вызывают помеху, «ослепляют» («Слепуха – мелкая така мошка, все в глаза лезут, не можно глаз открыть» Пинеж. Арх. (СРНГ, XXXVIII; 269)).

4. Лексемы с основой *солодух-* ‘мошка, мошкара’ известны ладого-тихвинским и вологодским говорам: *солодуха* ‘мошка’ Чуд. Новг., Ленинград., *солодушка*, собир. ‘мошкара’ Хар. Волог., *солоду́га* ‘мошкара’. Мотивация названия, по Ю. А. Кривошаповой, основывается на свойстве насекомых «лететь на сладкое» [3; 158].

5. Преимущественно русским говорам Карелии и севернее, мурманским говорам известны названия с корнем *кигач-*//*тигач-*//*цигач-*: *кигáч*, *кигáчи*, *кигáча* ‘мошкара’ Медв., Пуд. Карел. *ти́гач*, *ти́гача*, *тигáчи* ‘мошкара’ Прион., Медв., Пуд., Сегеж. Карел., Выт. Ленингр., *тягáч* ‘мелкое насекомое наподобие комара с остро жалящим хоботком’ Кем., Белом., Прион., Сегеж. Карел., Терск. Мурман., *чигáч* ‘очень мелкая мошка’ Кем., Белом., Лоух. Карел., Терск. Мурман., *чигалá* ‘мошка’ Пуд. Карел., Карг. Арх., *цигалá* Пуд. Карел., Карг. Арх., *цигáчи* ‘комары’ Лоух. Карел. Ср. также *кижй́* ‘моль’ Волог., *кижма́р*, собир. ‘мошка, мошкара’ Пуд. Карел.

С. А. Мызников, вслед за М. Фасмером, отмечает прибалтийско-финское происхождение лексем с корнем *кигач-*//*тигач-*//*цигач-*. Вариант *кигач* «связан с ливвиковским диалектом карельского языка, где имеет место употребление *tihí* и *kíhi*, а вариант *тигачи* восходит к карельско-вепским этимонам. <...> Звуки [ч], [ц] в начале слова восходят к мягкому [т’]» [4; 203–204], [6; 127], (Фасмер; 229).

6. Представляют интерес с этимологической точки зрения энтомосемизмы с корнем *седох-*//*ситох-*//*содох-*//*сидал-*, зафиксированные в архангельских говорах: *седо́ха* ‘мелкая мошка’ Плес. Арх., *си́дала* ‘мошка’ Олон., *сидо́ла* ‘мошкара’ Плес. Арх., *сито́ха* ‘мошкара’ Плес. Арх., *седо́ха* ‘мелкие, кусающиеся мошки, наподобие комаров’ Карг. Арх., *сетнё́ха* ‘мошка, гнус’ Онеж. Арх., *содо́ха* Олон.

Словоформы с *сит-*//*сид-* обнаруживают этимологическую связь с прибалтийско-финской лексикой. В финском языке встречаем *syöda* ‘есть, поедать’, ‘кусаться’, ‘искусать’ (БФРС; 611), в карельском *süöjät* ‘глисты’, ‘мошкара’, *süvvä* ‘есть, кушать’, ‘кусать (о насекомых)’ (СКЯМ; 358), *šyöpäläin’i* ‘мошкара’ Калев., Вокнав., Кестен., *šyöbäläin’e* Тунгуда Белом., *суувá* ‘есть’ Мендус. Медв., Поросоз. Суоярв., ‘вредить, портить’ *čakat yn’ n’ ää šyodii* ‘комары совсем закусили’ (ССКГК; 280).

С. А. Мызников предполагает наличие связи между названиями *сидо́ла* и *чигалá* [6; 127].

7. В ярославских и псковских говорах отмечены названия с корнем *бекас-* ‘мелкие насекомые, мошки’: *бекáсик* Рост., Яросл. Яросл., *бекáс*

‘насекомое’ (*Бикас – пративна мошка, кусуча*) Вл. Пск. Слова с корнем *бекас-* бытуют и в другом значении: *бекáсик*, шутол. ‘вошь’ Рост. Яросл., см. также *бекéска* ‘клоп’ Онеж. Арх.

С лексемой *бекáс* связано название *тикáс* ‘комар’ Чуд. Новг. Мена *б//п* (звонкий // глухой) в данном случае не является регулярным явлением.

8. Наименование *жигáлица* ‘мелкая мошка’ Пуд. Карел. входит в круг лексем с корнем *жиг-* ‘кровососущее насекомое’: *жигáлка* ‘оса’ Арх., *жигáчка* ‘слепень’ Тихв. Ленингр., *жигу́ль* ‘комар’ Пуд. Карел., *жигу́н* ‘насекомое, которое жалит, кусает’ Шадр. Перм., ‘слепень’ Гд. Пск., *жигуно́к* ‘слепень’ Вл. Пск., *жигáлка* ‘небольшое кровососущее насекомое’ Осташк., Пенов. Твер.

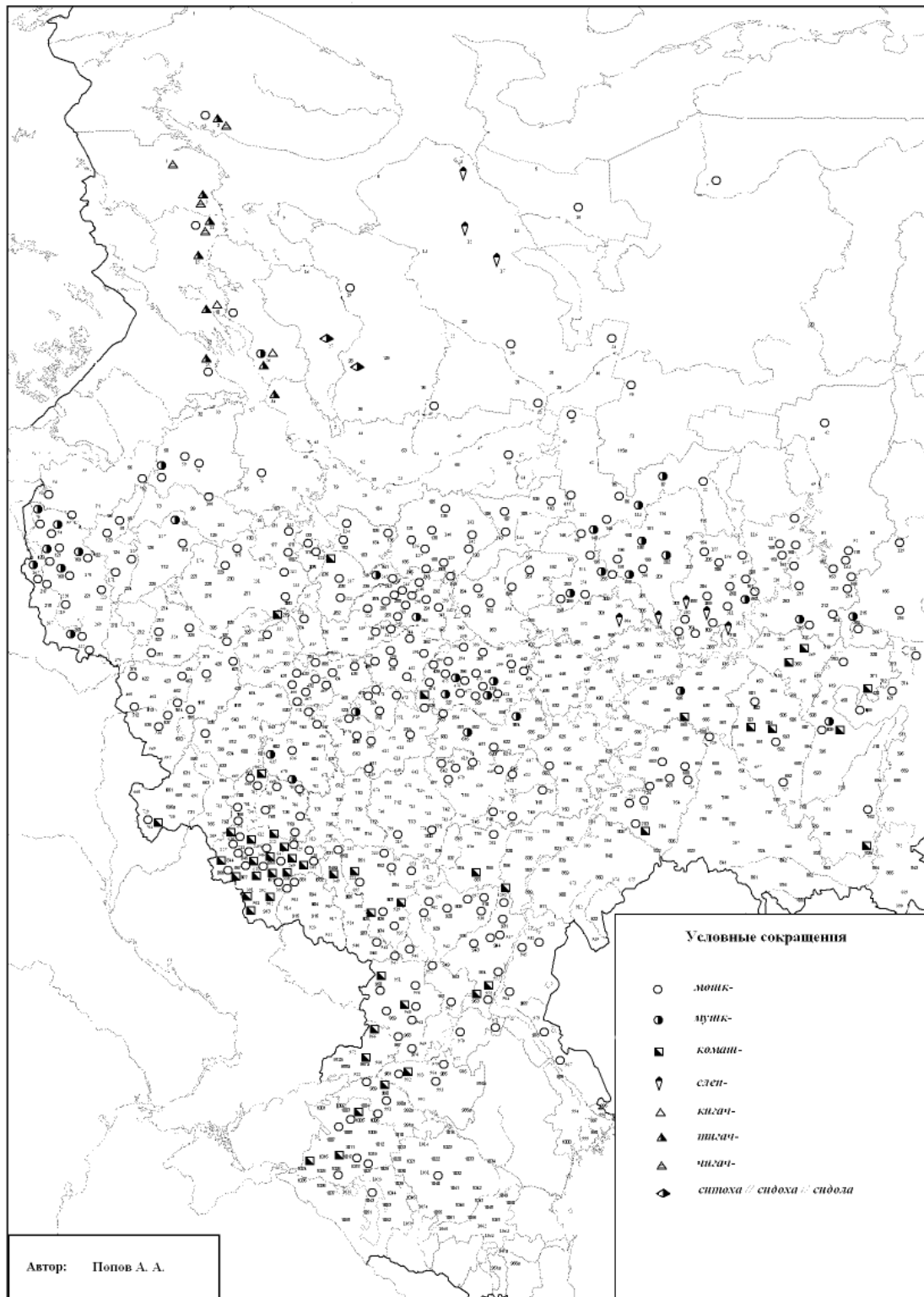
9. Энтомосемизм *жй́вчик*, собир. ‘мошкара’ Межд. Волог. связан с названиями с корнем *жив-*, имеющими чаще более общее значение: *жй́вчик* ‘мелкое насекомое, чаще водяное’ Мез., Кон., Онеж. Арх., *живу́ля* ‘кровососущее насекомое (блоха, вошь, клоп)’ Волог., *живо́т*, собир. ‘слепни, комары, оводы и т. п.’ Новорж. Пск., *живу́лька* ‘водяной жук’ Пинеж. Арх., ‘вошь’ Онеж. Арх., ‘таракан’ Кадн. Волог., *живы́я*, собир. ‘живые существа, в том числе очень мелкие (земноводные, насекомые, черви)’ Дн. Пск.

10. Зафиксированы и единичные названия: *белокры́лка* ‘мелкое насекомое, мошка’ Пуд. Карел., *му́гега*, собир. Сямж. Волог., *му́лега*, собир. Баб. Волог. (ср. *мольгá*, собир. ‘мелкие насекомые’ Ярц. Смол.), *со́ймы*, мн. ‘мошкара’ Медв. Карел., *ту́шка* ‘рой комаров, мошкара’ Терск. Мурман., *ти́бушка* Выт. Волог., *чéсла* Пуд. Карел.

Подводя итоги, необходимо отметить, что лексический состав семантической группы ‘мошкара’ в русских народных говорах насчитывает около 60 единиц (включая словообразовательные варианты). Большая часть этих слов относится к 5 корневым группам. На карте (см. рисунок), составленной на основе имеющихся материалов, наглядно представлено противопоставление ареалов основных дериватов. Доминирующее положение занимают лексемы с корнем *мошк-*, отмеченные практически повсеместно. Родственные им названия с *мушк-* преобладают в псковских, кировских и нижегородских говорах.

Лексемы с корнем *комаши-* в русских народных говорах встречаются преимущественно на территории юго-восточной диалектной зоны. В архангельских, кировских и уральских говорах отмечены слова с корнем *слеп-*.

Для говоров Обонежья и Поморья характерно бытование слов, так или иначе связанных с прибалтийско-финскими языками, – это энтомосемизмы *кигáчи*, *тигáчи*, *чигáч*, *седо́ха*, *си́дала* и их лексико-словообразовательные варианты.

Названия мошканы в русских народных говорах

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БФРС – Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь. 7-е изд., стереотип. М.: Живой язык, 2007. 816 с.
 МАС – Малый академический словарь: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988.

- РБС – Русско-белорусский словарь: В 3 т. Т. 3. Минск: БелЭн, 2002. 800 с.
 СКЯМ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 495 с.
 СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–46. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2013.
 ССКГК – В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Словарь собственно карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009. 350 с.
 СУМ – Словник української мови: В 11 т. Київ: Наукова думка, 1970–1980.
 УРС – Украинско-русский словарь: В 4 т. Т. 2. Киев: Изд-во АН УРСР, 1958. 768 с.
 Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. 4-е изд., стереотип. М.: АСТ, 2004. 671 с.
 ЧРС – Чешско-русский словарь: В 2 т. М.; Прага, 1976.
 ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–11. Минск: АН БССР, Беларуская навука, 1978–2006.
 ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–38. М.: Наука, 1972–2012.
 ЭСУМ – Етимологічний словник української мови: В 7 т. Т. 2. Київ: Наукова думка, 1985. 571 с.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее географические пометы даются в соответствии с обозначениями, принятыми в словарях-источниках. Материал из картотеки ЛАРНГ оснащается пометами, используемыми в СРНГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части России. Вып. III. Ч. I. Лексика. Карты. М.: Наука, 1997. 374 с.
2. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Изд. 2-е, исправ. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
3. Кривошчапова Ю. А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении: Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 252 с.
4. Мызников С. А. Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003. 540 с.
5. Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. 492 с.
6. Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики Северо-Запада. СПб.: Наука, 2007. 395 с.
7. ОЛА – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. I. Животный мир. М.: Наука, 1988. 188 с.

Popov A. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

NAMES OF MIDGES IN RUSSIAN FOLK DIALECTS

Entomological vocabulary refers to the oldest parts of the linguistic world-image and reflects both archaic and modern linguistic processes. The purpose of this paper is to describe the names of midges in the Russian folk dialects from areal-etymological approach. The objectives of the study include: identification of lexical structure, etymological analysis, determination of geographical origin of the words and mapping. The matter is selected from the card-index of "Lexical Atlas of Russian folk dialects", as well as main regional dictionaries of the Russian language. The lexical and derivational map of the names of midges is made up on the basis of the following matter. The lexical structure of the 'midges' semantic group in Russian folk dialects has about 60 units (including derivational variants). Most of these words refer to five root groups. The lexical units with the root *мошк-* dominate among them and are marked almost everywhere. The names with *мушк-* related to them prevail in Pskov, Kirov, and Nizhniy Novgorod dialects. The lexical units with the root *комаш-* in Russian folk dialects can be found mainly in the south-eastern dialect area. Words with the root *слеп-* are marked in Arkhangelsk, Kirov, and Ural dialects. It is significant for dialects of Obonezhje and Pomorje to possess words that are somehow connected with the Baltic-Finnish languages – these are so-called entomosemizmy (the names of insects) *кигачи*, *тигачи*, *чигач*, *седоха*, *сидала* and their lexical-derivational variants.

Key words: dialectal vocabulary, the names of insects, linguistic geography

REFERENCES

1. *Dialektologicheskiy atlas russkogo yazyka: Tsentr Evropeyskoy chasti Rossii. Vyp. III. Ch. I. Leksika. Karty* [Dialectological atlas of Russian language. The Center of the European part of Russia Vol. III. Part I. Vocabulary. Maps]. Moscow, Nauka Publ., 1997. 374 p.
2. Kornilov O. A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Language world models as derivatives of national mentalities]. Moscow, CheRo Publ., 2003. 349 p.
3. Krivoshchepova Yu. A. *Russkaya entomologicheskaya leksika v etnolingvisticheskom osveshchenii: Diss. ... kand. filol. nauk* [The Russian entomological lexis in ethnolinguistic representation. PhD. filolog. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2007. 252 p.
4. Myznikov S. A. *Russkie govory Obonezh'ya. Areal'no-etimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltiysko-finskogo proiskhozhdeniya* [Russian dialects of Obonezhie. Area etymological vocabulary study of Finno-Ugric origin]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 540 p.
5. Myznikov S. A. *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Severo-Zapada* [Lexis of Finno-Ugric origin in Russian dialects of the North-West]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 492 p.
6. Myznikov S. A. *Atlas substratnoy i zaимstovannoy leksiki Severo-Zapada* [Atlas of the substrate and unoriginal lexis of the North-West]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 395 p.
7. *Obshcheshlavianskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatel'naya. Zhyvotnyy mir* [The Slavic linguistic atlas. Lexical-derivational series. Animal world]. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1988. 188 p.

Поступила в редакцию 21.08.2014

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА
доктор филологических наук, профессор, и. о. заведующе-
го кафедрой скандинавской филологии филологического
факультета, Петрозаводский государственный универси-
тет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natshar@mail.ru

КОНЦЕПТ «ХУДОЖНИК» В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Т. МАННА*

Предпринята попытка провести одну, ключевую тему художника в двойном, соотносимом – модальном – звучании (человек как художник и художник как человек), реализованную применительно к Т. Манну в емком определении Х. Курцке «das Leben als Kunstwerk» («жизнь как художественное произведение»). В современной науке творчество Т. Манна (1875–1955) относят к «неклассическому» типу поэтики – к поэтике художественной модальности. Новая концепция образа человека как становящегося и неготового сформировала на этом этапе развития художественного сознания и иное восприятие художника. Концепт «художник» подвергся в начале XX века радикальному пересмотру: в данной статье речь идет не о художнике-литераторе, беллетристе, а о художнике жизни. Он теперь не только творец новых образов, призванных возбудить то или иное чувство, навеять то или иное настроение, но художник-демиург, создающий миры. У Т. Манна очень рано формируется ключевое для понимания данной темы понятие «Lebensform» («жизненная форма», «форма жизни») или «Daseinsform» («форма существования», «форма бытия»). Роман «Королевское высочество» (1909) интерпретируется в статье не в сугубо лингвостилистическом или литературоведческом планах, а через расшифровку новой концепции человека, зашифрованной в концепте «художник». «Королевское высочество», как это проанализировано в статье, это произведение с определенным уклоном в иносказание, роман о искусстве и художниках, которые не творят тексты, а практикуют жизнь («Lebenskunst»).

Ключевые слова: роман о художнике, концепт, поэтика художественной модальности

Видные современные ученые А. В. Михайлов, С. С. Аверинцев, С. Н. Бройтман в труде «Историческая поэтика», развивая идеи А. Н. Веселовского, обосновали представление о мировом литературном процессе как смене трех стадий развития поэтики (эпоха синкретизма, или мифопоэтическая; эйдетическая, или риторическая; поэтика художественной модальности, или индивидуально-творческая) [1; 335]. Последняя стадия – поэтика художественной модальности – формируется в эпоху романтизма, в которой происходит «культурный перелом» в художественном сознании. Романтизм реализует новое понимание мира и человека как «неготового», «становящегося» и «непрерывно творимого». Мир на этом этапе литературного процесса предстал в своем единстве не как явление и не как идея, а как модальное соотношение этих двух начал. Следующий этап развития поэтики художественной модальности – эпоха рубежа XIX–XX веков, которую в филологической науке традиционно определяют через ключевые понятия «декадентство», «символизм», «импрессионизм», «Jugendstil», «литературный модернизм» (literarische Moderne). В «неклассических текстах» традиционный подход к героям через категории характера не исчерпывает всех возможностей понимания этих образов. По словам С. Н. Бройтмана, человек в таких произведениях предстает «как изменяющаяся внутренняя

мера “Я” и “другого”, как подвижное, модальное, “двухполюсное” их взаимоотношение» [1; 258].

Крупнейший художник слова Т. Манн предвосхитил и во многом определил неторные пути развития мировой литературы XX века, прежде всего в области обновления повествовательных форм с интеллектуальным романом во главе. Именно «интеллектуальный роман», у истоков которого стоял Т. Манн, автор самого наименования, стал «жанром, впервые реализовавшим одну из характерных <...> особенностей реализма XX в. – обостренную потребность в интерпретации жизни, ее осмыслении, истолковании, превышавшую потребность в “рассказывании”, воплощении жизни в художественных образах» [8; 195].

Роман «Королевское высочество» вышел в свет в 1909 году, в эпоху мировых катаклизмов и потрясений, в ситуации «канунов» – «конца Любека» (Томас Манн). К этому роману, словно бы оправдывая самооценку автора – «золушка среди моих романов», исследователи как на Западе, так и в России проявляли снисходительно-прикладной интерес: «школярский (schulmäßiger) роман, а не значительное явление» (Х.-Р. Важе), «лишь вежа» на пути к поздним творениям (И. Дирзен), «идиллически-сказочный» (В. Адмони и Т. Сильман), «едва ли не самый слабый роман писателя» (Н. Н. Вильмонт), «далеко не лучшее произведение Т. Манна» (И. Эбаноидзе). В последнее время появились попытки но-

вого прочтения символического плана романа. Так, в недавнем исследовании Х. Курцке «Томас Манн» (2000) глава о «Королевском высочестве» открывает важнейший раздел монографии «Geschichten und Theorien über "Kunst" und "Künstler"» [10].

В творчестве Т. Манна «художник» используется именно как концепт, а также «на языке» поэтики художественной модальности – неузально, модально: герой раннего Т. Манна *как бы* художник, «художник» (в кавычках). Используя как термин понятие «художник», мы следуем и формально словупотреблению автора. Т. Манн (в полемике с братом Генрихом в письме от 18.02.1905) пишет: «Признаться, я думаю, ты ударился в другую крайность, перестав малопомалу быть чем-либо, кроме как художником, – а ведь писатель должен быть, да поможет мне бог, больше, чем просто художником» [7; 79–80].

В русской германистике продуктивный подход к особенностям постановки этой темы намечался в суждении А. В. Русаковой, оставшемся, к сожалению, неразвернутым: «Жизнь была тогда парадигмой искусства, знаком для его выражения, а не искусство – парадигмой жизни» [9; 98]. Применительно к концепту *художник* это фокусируется в понимании миссии творца в модально-двойственном соотношении: человек как художник и художник как человек. Именно по поводу «Королевского высочества» Т. Манн сформулирует одно из центральных положений своей эстетики: «Кто такой писатель? Тот, чья жизнь – символ. Я свято верю в то, что мне достаточно рассказать о себе, чтобы заговорила эпоха, заговорило человечество, и без этой веры я отказался бы от всякого творчества» [3; 35–36].

Т. Манн безапелляционно и резко отвел в своем манифесте «Бильзе и я» (1906) досужие разговоры о сходстве «Будденброков» с бытописательским романом офицера-дилетанта «Маленький гарнизон» [9]. Появление «Королевского высочества» (1909) также не обошлось без публичного выяснения отношений автора с властью имущими в Германской империи: «Я не питал ни малейшего желания дать объективную критику современной придворной среды <...> я и на этот раз говорил о своей собственной жизни...» [9; 34, 36].

«Человек» и «художник» – эти два полюса «неслиянно и нераздельно» присутствуют в творческом поведении личности в культуре начала века. Иначе говоря, в литературе того времени на первом месте не стиль слова, а стиль жизни – *форма жизни* («Lebensform» у Т. Манна). Как для ученика Ницше, для немецкого писателя здесь встает вопрос о средствах эстетизации этой жизни, чтобы сделать ее искусством. У Т. Манна в аспекте человек/художник, помимо стиля, резко выдвинута категория *формы*. Кате-

гория «Lebensformen» у Т. Манна имеет прямое отношение к практике символического, то есть эстетического пересоздания потока жизни в некое подобие произведения. Подлинная «форма» выковывается в противодействии обстоятельствам. Тонио Крёгер, герой одноименной новеллы, понимал, что «хорошее произведение создается лишь в борьбе с чрезвычайными трудностями, что тот, кто живет, не работает, и что надо стать по ту сторону жизни, чтобы творить великое искусство» [6; 214]. Художественное культивирование «формы» в построении собственной биографии и обусловит цельность творческого пути Т. Манна. По его собственным словам – «самоосознание судьбы, развертывающееся в едином творческом пространстве» [4; 182].

Т. Манн противопоставляет «живую форму» «формальности», то есть пустой форме. В романе «Королевское высочество» юный отпрыск, наследник престола попадает в положение, подобное андерсеновскому Каю: «...в Серебряном зале со множеством свечей было холодно, как в зале снежной королевы, где замерзали сердца детей» [5; 56]. Именно здесь он переживает «момент истины» – предчувствие своего предназначения как «высокого призвания» (Hoheit), обернувшегося для него холодом формальных предписаний: «...ему приоткрылся внутренний смысл явлений <...> он смутно понял, зачем это пустое, обветшалое великолепие покоев, бесполезных и безрадостных в своей гордыне, это самоотверженное умение владеть собой, высокое и напряженное служение, которое, казалось, олицетворяла строгая симметрия белых свечей...» [5; 61]. Удел героя «Королевского высочества» – наполнить эти обветшавшие формы теплокровной жизнью. Весь путь принца Клауса-Генриха в романе и представляет собою разворачивание и наполнение его «высокого призвания» (величие, призвание, изысканность, меланхолия, жизненная форма).

Удел творчества, как это предстает в романе и новелле «Тонио Крёгер», – не для всех. Т. Манн наделяет этим даром личности нестандартного поведения, отмеченные, как клеймом, талантом, – «проклятые».

Тема писательства у Т. Манна устойчиво связана с проблемой творческой личности, данной в синонимическом ряду: художник, писатель, литератор, наконец, родовое – поэт («Dichter»), а в откровенно-оценочном плане: пророк, шарлатан, святой, критик.

В основе задуманного в 1908 году эссе «Дух и искусство», восходящего к «Тонио Крёгеру» и пьесе «Фьоренца», лежит антитеза («чистый») художник/литератор (или «поэзия»/«проза» («Dichtung»/«Literatur»). Она связана со спором братьев Манн, примерявших в начале XX века разные творческие маски. «Литератор» понят

ими как носитель духа, отторженный от жизни. «Художник» же – как непосредственный, но и сомнительный рупор жизни. «Честолюбие, наивность, бессовестность» – таков набор качеств художника, по Т. Манну [7; 64]. Автор «Тонио Крёгера» не прочь и сам предстать в такой ипостаси: «...я слишком патологичен и инфантилен, слишком “художник”» [6; 69]. Т. Манн отдает брату Генриху Манну роль «святого литератора»: «...ты, в сущности, слишком добр, слишком благороден, чист, стыдлив, щепетилен и порядочен» [6; 69].

Л. И. Мальчуков отмечает, что уже в «Будденброках» «до удивления много места отведено искусству – как теме и как проблеме» [2; 273]. Более того, приведем наблюдения ученого о том, что повествование в этой *эпической саге о купцах* в финале приводит к неожиданной («детской») антитезе: гений-музыкант (Künstler) Ганно и писатель-сказочник (Schriftsteller) Кай.

Роман о принце «Королевское высочество» оборачивается как бы «романом о художнике». Х. Курцке отмечает: «...речь идет о романе, посвященном художнику (Künstlerroman). Принц – аллегорическое воплощение проблематики художника <...> Есть много общего, что связывает властителя и художника: их чувство исключительности, их одиночество, их отторженность от людских страстей, их ставкалишь на формальные моменты существования, их обоюдное влечение к лицедейству» [11; 83]. В методологическом отношении нам близка точка зрения У. Картхауса, который допускает терпимую множественность подходов в анализе содержания «Королевского высочества» (от социологического до сказочно-мифологического) при доминировании подлинной темы романа – темы искусства.

Истоки темы «человек как художник», ее «литературные корни» [12; 559] П. Мендельсон обнаружил в «Тонио Крёгере». В дискуссии с Ли-

заветой Ивановной героиней утверждает: «Es ist aus mit dem Künstler, sobald er Mensch wird und zu empfinden beginnt» («Там, где начинается художник, кончается живой человек»). Т. Манн со всей решимостью поднимает в новелле вопрос о несовместимости мира художника и мира человека: «Нет на свете более мучительной проблемы, чем проблема художественного творчества и его воздействия на человека» [6; 221].

У Т. Манна выявление антиномий, главного принципа его мировидения, нацелено не на устройство «противоречий», а на поиск «путей их пересечения». Этот принцип играет роль своеобразного инструмента познания мира и человека. Искания немецкого писателя ведут к *живой* личности, моделью которой предстал у него «художник» – своего рода «фокус» преодоления противоречий (жизнь – дух, здоровое – больное, бюргер – художник).

Творчество Т. Манна представляет собой тот «особый тип вопрошания человека о своей сущности», который современная наука относит к «философской антропологии». Далеко не случайно, что в поисках ответа на эти «вопрошания» Т. Манн с его практикой парностей пытался разгадать «тайну» человека – драму его двуприродности – по формуле «соединение без смешения» (Spannung, но не Spaltung). Решение проблемы «художник» в ее двойственном преломлении у Т. Манна заключено, по сути, в искусстве, взятом в аспекте его верховных целей – духовного воздействия (Wirkung). Национальным вариантом ответа на этот вопрос, затрагивающий миссию художника в обществе, будет *представительство* (Repraesentation) как «совершенный образ множества» у Т. Манна. В свете вышесказанного представляется обоснованным вывод о том, что «Королевское высочество» Т. Манна – важная веха на пути выработки собственного типа творческого поведения.

* Работа выполнена в рамках реализации комплекса мероприятий подпроекта «Scandica: конвергенции в культуре стран Северной Европы» Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бройтман С. Н. Историческая поэтика. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 405 с.
2. Мальчуков Л. И. На грани двух сознаний. Диалогизм как принцип поэтики братьев Манн (1890–1910 гг.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1996. 525 с.
3. Манн Т. По поводу «Королевского высочества» // Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 9. С. 31–36.
4. Манн Т. Из дневников / Пред. И. Эбаноидзе «Тот, чья жизнь – символ» // Новый мир. 1996. № 1. С. 181–202.
5. Манн Т. Королевское высочество // Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. С. 7–358.
6. Манн Т. Тонио Крёгер // Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 7. С. 194–259.
7. Манн Г., Манн Т. Эпоха; Жизнь; Творчество. Переписка. М., 1988. 413 с.
8. Павлова Н. С. «Интеллектуальный роман» // Зарубежная литература XX века / Л. Г. Андреев, А. В. Карельский, Н. С. Павлова. М.: Высш. шк., 2000. С. 194–251.
9. Русакова А. В. Томас Манн в поисках «нового гуманизма». Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. 158 с.
10. Kurzke H. Thomas Mann. Das Leben als Kunstwerk. Wuerzburg, 2000. 683 s.
11. Kurzke H. Thomas Mann. Epoche-Werk-Wirkung. Muenchen, 1991. 213 s.
12. De Mendelssohn P. Der Zauberer. Das Leben des deutschen Schriftstellers Th. Mann. Erster Teil. 1875–1918. Fr/M, 1975. 754 s.

Sharapenkova N. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CONCEPT OF “ARTIST” IN EARLY WORKS OF TH. MANN

The article deals with the study of one of the main topics – the “Artist” expressed in the double – modal presentation (a human being as an artist and an artist as a human being) of Th. Mann. His work and life were characterized by X. Kurzke statement: *das Leben als Kunstwerk* (life as an artwork). In contemporary studies, the work of Th. Mann is identified as a non-classical type of poetics, as poetics of an art modality. A new concept of a human being as a becoming but not yet an accomplished being led to a totally new perception of the artist at this stage of the new art consciousness development. The concept of an “Artist” was revised at the beginning of the XXth century. This article is not concerned with the issue of an artist as a writer, but – with an artist of life. He is viewed now not only as a creator of new images facilitative in setting moods and feelings, but as an artist-demiurge who creates new worlds. The key meaning to understanding the issue of “Lebensform” (form of life) or “Daseinsform” (form of being) appears in Th. Mann’s works rather early. Due to its peculiar linguistic style the novel “King’s Highness” (1909) is traditionally interpreted as a literature artwork. In this article thought is also interpreted by means of decoding a new concept of a human being encrypted in the concept of an “Artist”. “King’s Highness”, as this research shows, is a work of allegory, a novel about the art and the artist, who does not only create texts but practices life (“Lebenskunst”).

Key words: novel about an artist, concept, poetics of art modality

REFERENCES

1. Brojtmán S. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow, Izd-vo RGGU, 2001. 405 p.
2. Mal’chukov L. I. *Na grani dvukh soznaniy. Dialogizm kak printsip poetiki brat’ev Mann (1890–1910 gg.)* [On the edge of two consciousnesses. Dialogism as a principle of brothers’ Manns poetics (1890–1910)]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU Publ., 1996. 525 p.
3. Mann T. “King’s Highness” [Po povodu “Korolevskogo vysochestva”]. *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Works collection in 10 b.]. Moscow, GIKhL Publ., 1960. Vol. 9. P. 371–378.
4. Mann T. From the diaries / Intr. I. Ebanoidze “Whose life is a symbol” [Iz dnevnikov / Pred. I. Ebanoidze “Tot, ch’ya zhizn’ – simvol”]. *Novyy mir*. 1996. № 1. P. 181–202.
5. Mann T. King’s Highness [Korolevskoe vysochestvo]. *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Collection of works in 10 b.]. Moscow, GIKhL Publ., 1959. Vol. 2. P. 7–358.
6. Mann T. Tonio Krjoger [Tonio Kryeger]. *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Collection of works in 10 b.]. Moscow, GIKhL Publ., 1959. Vol. 7. P. 194–259.
7. Mann G., Mann T. *Epokha; Zhizn’; Tvorchestvo. Peregiska* [Époque. Life. Works. Correspondence]. Moscow, 1988. 413 p.
8. Pavlova N. S. “Intellectual novel” [“Intellektual’nyy roman”]. *Zarubezhnaya literatura XX veka* [Foreign Literature of the XXth century] / L. G. Andreev, A. V. Karel’skiy, N. S. Pavlova. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2000. P. 194–251.
9. Ruskova A. V. *Tomas Mann v poiskakh “novogo gumanizma”* [Thomas Mann in search of new humanism]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1969. 158 p.
10. Kurzke H. *Thomas Mann. Das Leben als Kunstwerk*. Wuerzburg, 2000. 683 s.
11. Kurzke H. *Thomas Mann. Epoche-Werk-Wirkung*. Muenchen, 1991. 213 s.
12. De Mendelssohn P. *Der Zauberer. Das Leben des deutschen Schriftstellers Th. Mann. Erster Teil. 1875–1918*. Fr/M, 1975. 754 s.

Поступила в редакцию 02.10.2014

МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА БАБАЛЫК

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
 mg-babalyk@ya.ru

К ИЗУЧЕНИЮ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ «СЛОВА О МАТЕРНОЙ БРАНИ»*

«Слово о матерной брани» предположительно появилось на рубеже XVI–XVII веков, самые ранние списки его датируются XVII веком. Дается общая характеристика памятника, затрагивается вопрос о его происхождении, анализируются некоторые редакции и варианты текста, устанавливаются отдельные сюжетные параллели (с апокрифом «Беседа трех святителей», духовными стихами и другими сочинениями). Материалом для исследования стали более 70 рукописных списков этого памятника XVII–XX веков.

Ключевые слова: «Слово о матерной брани», рукописная книжность, духовные стихи, старообрядчество, апокриф «Беседа трех святителей»

В поздней русской письменности большой популярностью пользовались тексты нравоучительного содержания, среди которых выделяются сочинения о вреде чая, кофе, картофеля, сахара, табакокурения, винопития, матерной брани и т. д. В данной статье речь пойдет о текстах, в которых осуждается сквернословие. Центральное место в этом цикле рукописных памятников занимает «Слово о матерной брани» (далее – «Слово...»). Еще исследователи XIX века отмечали, что это сочинение входило в круг чтения старообрядцев¹. О «Слове...» писали А. В. Марков, Б. А. Успенский, Д. М. Буланин, А. Л. Топорков и другие ученые. Списки «Слова...» не раз публиковались.

А. В. Марков опубликовал несколько списков «Слова...», а также тематически близкие к нему памятники. Как предполагает исследователь, поучение о матерной брани могло появиться не ранее начала XVI века². Д. М. Буланин относит возникновение «Слова...» к XVII веку, поскольку более ранних списков пока не обнаружено [2; 537].

В письменных источниках осуждение матерной брани встречается с XV века. Так, А. В. Марков упоминает грамоту митрополита Фотия, где говорится: «Учите детей духовных, чтобы престали от скверных словес неподобных, что лаяти именем отцевым и материнным, – чтобы не привыкали говорити лихих словес»³.

В исповедных вопросниках уже с середины XV века встречается вопрос «Лаял ли кому?». Особенно строго осуждалось оскорбление родителей. Например, в сборнике XV века (1450–1470 годов) книгописца Ефросина (РНБ, Кирилло-Белозерское собрание № 22/1099) в вопроснике для мужчин 36-й вопрос сформулирован так: «Аще ли отцю или матери лаял или бил...» [3; 416]. Как пишет М. В. Корогодина, в епитимийнике из этой рукописи наказание за брань – 40 дней поста. В XVI веке появляется выражение «заочно ругать»: «Не лаяла ли еси кого за очи без

вины?» [3; 378]. В Требнике середины XVI века в поновлении вельможам присутствует такой вопрос: «Согреших, злословив отцю или матери, даждь до злаго слова проклятого, и похулив отца и мать» [3; 515]. Матерная брань воспринималась как язык иноверцев, нехристиан – «жидовский» язык; ср.: в Требнике последней четверти XVI века (РНБ, Софийское собрание, № 1065) в вопроснике для женщин 32-й вопрос «Отца и мать не лаяла ли, братью и сестр и всякого человека не лаивала ли по-жидовски матерны?» [3; 473]. Отождествление матерной брани с «жидовским словом» характерно и для древнерусской учительной литературы; при этом, как отмечает Б. А. Успенский, «необходимо иметь в виду, что “жидовское”, как и “еллинское”, может отождествляться с язычеством» [5; 61].

Особенно строго матерная брань порицалась в иноческой среде. Так, между 1515 и 1554 годами старец Фотий Волоколамский в своем поучении против сквернословия отмечал, что Иосиф Волоколамский строго запрещал браниться матерно, но после его смерти в монастыре матерная брань распространилась⁴. В иноческих исповедальных текстах также встречаются вопросы о сквернословии: ср. в печатном Требнике 1623 года вопрос инокиням № 25 «Или срамнословила?» [3; 505]. Согласно иноческому Требнику первой половины XVII века, матерщинник подпадает под родительское проклятие: «Согреших, злословив отцю и матери, и досаждая им даже и до злаго того слова проклятого, и того ради от них в клятву впадох» [3; 518].

Б. А. Успенский отмечает, что «матерщина» обличается в царских указах 1648 года, разосланных по разным городам, причем в одном из них подчеркивается недопустимость ритуального сквернословия в свадебных обрядах, а именно предписывается, чтобы «на браках песней бесовских не пели, и никаких срамных слов

не говорили», чтобы «на свадьбах безчинства и сквернословия не делали» (царская грамота в Белгород от 5.12.1648)» [5; 58].

Сколько бы ни боролись ревнители чистоты с матерной бранью, искоренить сие зло не удавалось. Вопиющим фактом была матерная брань среди женщин. Об этом свидетельствуют многочисленные полевые записи. Как отмечает А. Л. Топорков, женская брань несет более серьезные последствия, а потому и осуждается особенно тяжело. Исследователь приводит записанную им легенду, согласно которой Бог разрешил мужчине ругаться, но женщине запретил [4; 226].

Таким образом, тема матерной брани была очень актуальна для русского религиозного сознания с древних времен, нашла отражение и в канонических текстах, и в проповедях, и в фольклоре. Это обстоятельство объясняет широкое распространение «Слова...» как в новообрядческой, так и особенно к старообрядческой рукописной традиции.

Нам удалось изучить более 70 списков «Слова...» из рукописных хранилищ Петрозаводска, Великого Новгорода, Сыктывкара, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга, Москвы, Хельсинки, а также 6 опубликованных ранее списков. Заглавия их вариативны: «Поучение светых отец, яко не подобает бранити друг друга матерны» (НГМ, 30056-226/КР-81, XVII век); «Книга Измарагд, глава 2. Поучение святого Иоанна Златоустаго о злой матерной лаи» (ИРЛИ, Карельское собрание, № 15, рубеж XVII–XVIII веков); «Книга Потребник Болшей. Слово святых отец о ползе душевней ко всем православным христианом об матернее слове» (ИРЛИ, Пинежское собрание, № 621, середина XVIII века); «От Старчества наказание о неподобной и скверной брани, яко не подобает христианом матерно брани(тися)» (НБ СыктГУ, собрание Гагарина, № 11, XIX век) и другие. Ссылки на Потребник, Измарагд, Цветник, Маргарит, Старчество, Златоустрой и другие книги, откуда якобы выписано «Слова...», очень характерны для его заглавий. Большинство списков имеют старообрядческое происхождение, входят в сборники из севернорусских собраний (Карельское, Пинежское, Усть-Цилемское, Мезенское, Латгальское собрания ИРЛИ, рукописи музея «Кижи», Национального архива Республики Карелия, Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета и т. д.).

Структура и содержание, общие для этих текстов, таковы: зачин-запрет («Не подобает, братие, православным христианам матерны браниться...» и подобные ему), перечисление причин, почему нельзя сквернословить (оскорбление трех матерей – Богородицы, родной матери, матери сырой земли), далее говорится о духовном облике сквернословца, невидимом глазу человека (уста у сквернословца в тот момент запекаются кровью, наполняются смра-

дом, горят пеной и паром), затем дается запрет на соприкосновение со святыней (нельзя ходить в церковь, целовать икон и креста, причащаться), после всем верным предлагается не браниться и удалиться от сквернословца, чтобы не заразиться нечистотой, далее может следовать сравнение сквернословия с лаем пса, рассказ об отнятии от сквернословца покрова Богородицы, предрекаются разные беды и напасти за сквернословие, в заключении предлагается отказ от матерной брани, чтобы не лишиться Царствия Небесного.

Вопрос о происхождении этого текста на данном этапе работы не решен. С большой долей вероятности можно предполагать, что он появился на рубеже XVI–XVII веков, но пока наши археологические разыскания и наблюдения наших предшественников свидетельствуют лишь о том, что ранее начала XVII века списков не найдено.

Вернемся к упомянутому выше памятнику волоколамской письменности XVI века, опубликованному А. В. Марковым: «Старца Фатая, ученика великого старца Касияна Босово» об осуждении сквернословия в иноческой среде⁵. Старец Фотий – автор этого сочинения, родом из Киева, в 1509 году принял постриг в Иосифо-Волоколамском монастыре. Предположительно памятник создан между 1515 и 1554 годами⁶. А. В. Марков считал, что этот текст не имеет отношения к «Слову...», сближает памятники лишь общность тематики. Как нам кажется, связь между памятниками все же существует. Текст Фотия, как и текст одной из ранних редакций «Слова...», обращен к инокам. Фотий обильно цитирует Священное писание, святых отцов в доказательство, почему не нужно ругаться матерно. Ряд чтений в сочинении Фотия находит близкие параллели в «Слове...» (какие именно слова являются матерными, почему инокам нельзя их использовать в речи, о дьявольской природе мата, цитаты из сочинений апостола Павла и Иоанна Златоуста и др.). Таким образом, не исключено, что поучение Фотия входило в кругозор автора «Слова...» и явилось одним из его источников.

Единственный исследователь рукописной традиции «Слова...» А. В. Марков выделял три его редакции. Собранный нами материал показал, что редакций памятника гораздо больше. В данной статье мы отметим лишь некоторые из них.

Уже в XVII веке выделились две основные редакции, сохранившиеся вплоть до XX века: редакция, в которой сообщается о связи матерной брани с лаем пса (РГБ, собрание Большакова, № 422: «сия брань псом дана есть, а не православным христьяном»), и редакция, где упоминание «песьей брани» отсутствует, а акцент делается на всевозможных наказаниях за срамословие (РГБ, Вологодское собрание, № 57: «и за то спущает казни, мор и кровопролитие, и в воде утопление, и в многия беды, и напасти,

и скорби»). И в той и в другой редакции (назовем первую редакцией «с лаем пса», вторую – редакцией «с наказанием») есть свои варианты. Так, в редакции «с лаем пса» может быть выделен «иноческий» вариант – по сугубому запрету брани среди иноков («Не подобает православному христианину матерны лается и блядиным сыном, *ношпаче же иноком и преимуществим старцем*»). Среди списков редакции «с наказанием» встречаются такие, в которых матерной брани по сути противопоставлена «Иисусова молитва» («но молитву Иисусову восприимем и добре проживем, и от вечныя муки избавимся»). Вопрос о взаимоотношении этих вариантов текста пока остается открытым, хотя к сочинению старца Фотия наиболее близок «иноческий» вариант первой редакции.

В некоторых списках «Слова...» усилен риторический и поучительный элемент, в других, наоборот, текст сильно сокращен.

Большой интерес для изучения представляет еще одна редакция «Слова...», которую условно назовем редакцией «с беседой». Этот вариант текста известен нам по двум спискам XVIII века: один из них был опубликован А. В. Марковым (третья редакция, по его классификации), другой обнаружен нами в ИРЛИ (Оп. 24. № 54). Оба списка озаглавлены «Слово иже во святых отец наших Василия Великаго, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго, вельми душеполезно, всем православным христианом матерны бранитися». В данной редакции наблюдается связь «Слова...» и популярного на Руси апокрifa «Беседа трех святителей» (далее – «Беседа...»).

Стоит отметить, что на связь «Слова...» с «Беседой...» указывал Б. А. Успенский [5; 66]. Исследователь обратил внимание на вопрос из «Беседы...», опубликованной В. Н. Мочульским по списку рубежа XVIII–XIX веков из РНБ, О. I. 200. «Что есть не подобает православным христианом бранитися? О. Понеже пресвятая Богородица мать Христу Богу, вторая наша мать родная, от нея же мы родихомся и свет познахом, теретя мать земля, от нея же взяты и питаемся и в нея же паки возвратимся»⁷. Д. М. Буланин справедливо отметил вторичность приведенных Б. А. Успенским параллелей по отношению к «Слову...» [2; 536–537]. Действительно, процитированный вопрос из «Беседы...» имеет отношение к «Слову...», но он входит в состав поздней редакции этого апокрifa. На позднем этапе своей рукописной истории (XVII–XIX века) «Беседа...» активно впитывала в себя все новые и новые источники [1], поэтому в данном случае можно предположить влияние «Слова...» на текст «Беседы...».

Но связь двух памятников проявляется не только в том, что «Слово...» – в его «конспективном» изложении – входит в состав некоторых списков «Беседы...» в качестве одной вопросно-ответной пары. В выделенной нами редакции «с беседой» произошла своеобразная контаминация двух памятников, на которую ранее не обратили внимание исследователи. Отчетливую ассоциацию с «Беседой...» вызывает заглавие «Слова...» в этой редакции, где названы имена вселенских святителей Иоанна Златоуста, Василия Великого и Григория Богослова (ср. с заглавиями ранних редакций «Беседы...», известных в списках XV–XVII веков: «Слово Василия Великаго, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго» [1; 49]). Обращает на себя внимание и сходство в композиционном построении текстов. Как и «Беседа...», «Слово...» в анализируемой редакции разделено на реплики участников диалога: «Василей Велики рече...», «Григорий Богослов рече...», «Иоанн Златоуст рече...». Очевидно, что такая композиционная форма является результатом влияния на «Слово...» древнерусской апокрifической «Беседы...».

Важно отметить в этой связи, что «Слово...» и «Беседа...» встречаются порой в одних рукописях (например, ИРЛИ, коллекция Амосова – Богдановой, № 91; РГБ, собрание Большакова, № 88 и др.). Русские книжники, таким образом, прекрасно осознавали тематическую связь двух памятников.

Однако, в отличие от «Беседы...», в анализируемой редакции «Слова...» имеется четвертый участник диалога – Богородица. Разговор начинает Василий Великий, он излагает практически все содержание «Слова...». Затем ему отвечает Богородица, смысл ее речи заключается в том, что она смогла бы испросить у Бога прощение грехов того человека, который не бранится. Здесь усматривается связь с духовным стихом о Василии Пьянице⁸, где подобным образом Богородица увещевает Василия.

Далее в диалог вступает Григорий Богослов, утверждающий, что матерщинник подобен «Арию злочестивому». Матерная брань, таким образом, отождествляется в древнерусской письменности не только с «жидовской» речью, но и с ересью. Завершает беседу Иоанн Златоуст. Матерщинник предается анафеме: «Аще человек не престанет от такового злаго слова, будет анафема, сиречь проклят в сем веце и в будущем» (ИРЛИ. Оп. 24. № 54)⁹.

«Слово о матерной брани» не утратило популярности вплоть до XX века, на его основе создавались новые сочинения¹⁰. Мы представили лишь некоторые предварительные результаты нашей текстологической работы.

* Работа выполнена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2014 годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Аристов Н. Я. Раскол в Симбирской губернии (исторический очерк) // Православный собеседник. 1877. Февраль – март. С. 222–223; Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1. С. 402–403.
- ² Марков А. В. Памятники старой русской литературы, издаваемые под редакцией и с примечаниями А. В. Маркова // Известия Тифлиских высших женских курсов. Тифлис, 1914. Кн. 1. Вып. 1. С. 142.
- ³ Марков А. В. О подлинности церковных грамот, входящих в состав новгородских летописей // Богословский вестник. 1911. № 9. Т. 2. С. 145.
- ⁴ Марков А. В. Памятники старой русской литературы... С. 180–181.
- ⁵ Там же. С. 131–137.
- ⁶ См.: Там же. С. 136.
- ⁷ Мочульский В. Н. Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности. Одесса, 1893. С. 166.
- ⁸ На связь «Слова...» и духовных стихов указывал еще А. В. Марков.
- ⁹ В данном списке из ИРЛИ святитель Иоанн осуждает не только матерную брань, но и брадобритие, что является характерной приметой старообрядческих текстов.
- ¹⁰ См., например, записанный В. Ф. Ржигой духовный стих «О матерном слове» (Ржига В. Ф. 4 духовных стиха, записанных от калик в Нижегородской и Костромской губерниях // Этнографическое обозрение. М., 1907. № 1–2. С. 66) или текст, записанный П. Н. Шереметевым: «Слово скверное, слово матерное» (Шереметев П. Н. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902. С. 58–59).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИРЛИ – Институт русской литературы («Пушкинский Дом») РАН
 НБ СыктГУ – Научная библиотека Сыктывкарского государственного университета
 НГМ – Новгородский государственный музей
 РГБ – Российская государственная библиотека
 РНБ – Российская национальная библиотека

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабалык М. Г. Апокриф «Беседа трех святителей» в русской рукописной книжности: исследование и тексты. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 256 с.
2. Буланин Д. М. Поучение о матерной брани // Словарь книжников и книжности Древней Руси. «Т–Я». Дополнения. Вып. 3. Ч. 4. СПб., 2004. С. 535–539.
3. Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX вв. СПб., 2006. 584 с.
4. Топорков А. Л. Материалы по славянскому язычеству (культ матери-сырой земли в дер. Присно) // Древнерусская литература: источниковедение: Сб. науч. тр. Л., 1984. С. 222–233.
5. Успенский Б. А. Избранные труды, том 2. Язык и культура. М., 1994. 688 с.

Babalyk M. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ON STUDY OF MANUSCRIPT TRADITION “WORD ABOUT OBSCENE LANGUAGE”

The “Word about obscene language” presumably appeared at the turn of the XVI–XVII centuries. The earliest reference to the work dates back to the XVII century. The article provides an overview of the written monument, considers its origin, analyzes some of the wordings and text options, restores some plots and parallels (with apocryphal “Conversation of the Three Hierarchs”; religious poems etc.). More than 70 hand-written works of the XVII–XX centuries monuments served as a study material.

Key words: “Word about obscene language”, handwritten book-learning, spiritual poems, apocryphal “Conversation of the Three Hierarchs”

REFERENCES

1. Babalyk M. G. *Apokrif “Beseda trekh svyatyteley” v russkoy rukopisnoy knizhnosti: issledovanie i teksty* [Apocrypha “Conversation of the Three Hierarchs” in Russian manuscript book-learning: research and texts]. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 256 p.
2. Bulanin D. M. Homily of obscene abuse [Pouchenie o maternoy brani]. *Slovar’ knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. “T–Ya”. Dopolneniya* [Dictionary scribes and literature of ancient Russia. “T–I”. Additions]. Issue 3. Part 4. St. Petersburg, 2004. P. 535–539.
3. Korogodina M. V. *Ispoved’ v Rossii v XIV–XIX vv.* [Confession in Russia in XIV–XIX centuries]. St. Petersburg, 2006. 584 p.
4. Toporkov A. L. Materials on Slavic paganism (the cult of the mother-of damp earth in der. Prisno) [Materialy po slavyanskomu yazychestvu (kul’t materi-syroy zemli v der. Prisno)]. *Drevnerusskaya literatura: istochnikovedenie: Sb. nauch. tr.* [Old Russian literature: a source. Collection of scientific papers]. Leningrad, 1984. P. 222–233.
5. Uspenskiy B. A. *Izbrannye trudy, tom 2. Yazyk i kul’tura* [Selected Works, vol. 2 Language and culture]. Moscow, 1994. 688 p.

Поступила в редакцию 27.08.2014

ИННА НИКОЛАЕВНА МИНЕЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ruslitemig@mail.ru

ЭФФЕКТ ЛЕВИЗНЫ, ИЛИ ОТНОШЕНИЯ Н. С. ЛЕСКОВА С АНГЛИЕЙ*

Представлены наблюдения над причинами обращения Н. С. Лескова к английской культуре, искусству, науке. Писатель обладал специфическим конфессиональным сознанием «религиозного вольнодумца», близкого к протестантскому толку. Исключительное место в его жизни и творчестве занимали английская история, богословие, философия, литература. Практически во всех приобретенных книгах писатель делал пометы. Некоторые работы он использовал в качестве источника различных историко-культурных сведений, практических советов, находил в них созвучные идеи и размышления о вере, природе Христа, человеческих добродетелях и пороках. Иные грани в осмыслении русско-британских культурных взаимоотношений обнаруживаются в повести «Левша». В исследованиях она традиционно трактуется как символ русского национального характера, а главный ее герой Левша – как праведник, олицетворяющий собой лучшие качества русского народа. В данной статье предложена новая интерпретация повести «Левша». Сказ о тульском косом Левше – это историко-философская притча о смысле истории, закономерностях ее постижения и праве человека на персональную и национальную историю. Автор завуалировал свою позицию, используя прием иронии, «перевертыша», следуя логике «зазеркалья» / «левизны». В исследовании впервые вводятся неопубликованные архивные материалы.

Ключевые слова: русская литература XIX века, русско-английские литературные связи XIX века, Н. С. Лесков, повесть «Левша»

В XIX веке в России и Англии наблюдается значительный рост интереса друг к другу в области литературы. Благодаря взаимному литературному обмену формировался образ страны и нации, который отразился в понятиях «русский национальный характер» и «английский национальный характер» [15; 109]. Писатели обоих государств, которые посещали Россию / Англию или знакомились с ней исключительно по периодике, книгам, переводам, рассказам путешественников, высказывали самые разнообразные мнения о стране познания, ее природе, климате, нраве людей, социальной и культурной жизни, состоянии литературы.

В отечественной и зарубежной компаративистике русско-английские контакты XIX века активно изучаются. Проблема формирования культурных связей между Россией и Англией основательно рассмотрена на материале творчества Д. Давыдова, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, А. С. Хомякова, А. И. Тургенева, А. И. Герцена, В. Г. Белинского, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, У. Шекспира, Дж. Бауринга, Дж. Г. Байрона, Дж. Борро, Т. Мура, К. Клермонта, В. Скотта, Ч. Диккенса, Л. Стерна и др.

В рамках данного историко-культурного контекста одной из малоизученных страниц является наследие русского европейца Н. С. Лескова. В отечественной, американской и европейской славистике основное внимание исследователей

сосредоточено главным образом на проблемах влияния протестантизма на мировоззрение писателя, восприятия и трактовки англичанами отдельных его произведений, специфики их переводов [16]. Между тем открытым остается вопрос, почему именно Англия столь сильно занимала авторское воображение. Имеющиеся в этой области работы сводятся лишь к отдельным указаниям на интертекстуальные связи произведений Лескова с английской литературой [14].

Цель статьи – представить наблюдения над своеобразием англофильства Лескова, мотивами его обращения к английской литературе и науке, прокомментировать сделанные им пометы в книгах исторического и религиозно-философского содержания, раскрыть историософский подтекст повести «Левша».

Лесков никогда не был в Англии и свободно не владел английским языком. Однако при этом он был англофилом и проявлял глубокий интерес к английской исторической, богословской, философской и эстетической мысли. Что конкретно могло заинтересовать писателя на берегах туманного Альбиона? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо сделать краткий историко-литературный экскурс.

Обладая специфическим конфессиональным сознанием «религиозного вольнодумца», отразившимся в образе литературной маски «ересарха Николая» [3; 4–5], Лесков «умудрился совместить несовместимое: быть одновременно

моралистом и эстетом», но «не русского интеллигентского или православного образца, а протестантского или толстовского» [1; 209]. Он проявлял глубокий интерес к генезису, истории и социологии мировых религий, европейской и восточной философии, многообразию вероисповеданий и историческим связям между ними, образам пророков и мессий (Христа, Будды), вопросам индивидуального духовного опыта. Писатель всматривался в особенности психологического склада людей разной социальной, этнической и религиозной среды. Размышляя о вере, религии, церкви, естестве человека, Лесков впервые в русской культуре поставил такую важную проблему, как феномен праведничества, указал на «парадоксальность положения верующего в секуляризованном обществе», предложил новый путь изображения «труда веры» как нарушения «светских приличий» [6; 5–6].

Какие источники питали творческое воображение писателя? Самый главный источник – жизнь. Индивидуальность авторского видения определялась прежде всего исключительной судьбой Лескова, рано столкнувшей его с действительностью. Он знал Русь «от Черного моря до Белого и от Брод до Красного Яру» [7; 118] и любил заявлять «”я сам народ” и вместо проблемных романов писал случаи из жизни» [1; 209]. В то же время нельзя игнорировать и специфику уникального мышления Лескова. Писатель проявлял себя необыкновенно разнообразно. В одном лице он совмещал историка, фольклориста, археолога, специалиста в области иконописи, коллекционера рукописных и старопечатных памятников, их издателя и комментатора. К выработке собственной позиции по тому или иному вопросу писатель подходил основательно. Путь к формированию индивидуальной точки зрения шел через освоение им большого количества специальных исследований и архивных материалов.

Исключительное место в выборе книжных источников занимала у Лескова английская литература. Анализ сохранившейся в отечественных архивах и музеях мемориальной библиотеки писателя, насчитывающей при его жизни более трех тысяч томов, показал, что значительную ее часть составляли сочинения английских историков, богословов, философов, художников, писателей в переводах на русский язык. Практически во всех приобретенных книгах он делал многочисленные подчеркивания, записи на полях, выписывал из них различные сведения в записные книжки. Наиболее значимыми для Лескова были следующие раритеты: лондонское издание «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Псалтирь или Книга Хвалений на русском языке» (1864); Полное собрание сочинений У. Шекспира (СПб., 1865); романы писателей XVIII века: Л. Стерна «Сентимен-

тальное путешествие по Франции и Италии» / *A Sentimental Journey Through France and Italy* (СПб., 1892) и О. Гольдсмита «Вексфильдский священник» / *The Vicar of Wakefield* (СПб., 1846.); сочинения философа и социолога Г. Спенсера; труды английского богослова, экзегета Ф. Фаррара «Жизнь Иисуса Христа» / *The Life of Christ* (СПб., 1887), «Жизнь и труды св. апостола Павла» / *The Life and Works of St. Paul* (СПб., 1887), «Первые дни христианства» / *The Early Days of Christianity* (СПб., 1887), «Жизнь и труды св. Отцов и Учителей Церкви. Очерки церковной истории в биографиях» / *Lives of the Fathers* (СПб., 1891); книга С. Смайла «Долг» / *The Duty* (СПб., 1882); перевод книги Д. У. Дрэпера «История отношений между католицизмом и наукой» / *History of the Conflict between Religion and Science* (СПб., 1876); проповеди выдающегося представителя гомилетической экзегезы в протестантизме Ч. Г. Спурджона (Сперджена) «Сети ловца: Мысли из сочинений» (СПб., 1876); работа Г. Боуля «История цивилизации в Англии» / *History of Civilization in England* (СПб., 1863); поэма поклонника и знатока Востока сэра Э. Арнольда «Светило Азии, или Великое отречение» / *The Light of Asia* (СПб., 1891), книга врача, теософа А. Кингсфорд «Научные основания вегетарианства или безубойного питания доктора медицины Анны Кингсфорд» / *The Perfect Way in Diet, A Treatise advocating a return to the natural ancient food of our race* (СПб., 1893) и др. В кабинете писателя находились английские гравюры, на которых были запечатлены ключевые образы и события христианской истории, а именно «Пастырь добрый», «Путешествие в Эммаус» и «Ессе homo» [12].

В сочинениях англичан Лесков ценил высокий содержательный уровень, отсутствие в них национальной, конфессиональной и научной узости. Многие работы он популяризировал в своих отзывах, часто использовал в качестве источника различных историко-культурных сведений и практических советов, находил в них созвучные идеи о вере, природе Христа, человеческих добродетелях и пороках. Так, в рецензиях Лесков высоко отзывался о трудах Фаррара, открывавших читателю неизвестные русской науке факты раннехристианской истории и разъяснявших текст Нового Завета, часто выписывал из них сведения о раннехристианском Востоке, религиозной ситуации в египетской Александрии III–IV веков, быте и нравах александрийцев [8]. Многие эмпирические данные из работ Фаррара Лесков творчески трансформировал в созданном по мотивам древнерусского Пролога цикле «византийских легенд» [10]. Многочисленными пометами писателя отмечен текст поэмы сэра Э. Арнольда «Светило Азии, или Великое отречение». В своих сочинениях английский поэт много внимания уделял индийской

мифологии и философии, взаимодействию христианства и буддизма, поиску аналогий между образами Христа и Будды. Судя по характеру сделанных карандашом подчеркиваний, Лескову были близки размышления Э. Арнольда о милосердии, сострадании, любви ко всему живому, мечте о всеобщем мире, грехе себялюбия. Особенно тщательно писатель отмечает те фрагменты, в которых говорится об антропологическом феномене – себялюбии. В это время Лесков вел предварительную работу по изучению природы «корневого» греха, его происхождения, трактовок в разных религиях, культурах, традициях. В тексте поэмы им подчеркнуты слова: *«Грех самолюбия явился первым»* (ОГЛМТ ОФ-610/197 РК. Ф. 2. Оп. 2. 273). Впоследствии природу порока себялюбия писатель раскроет в повести «Скоморох Памфалон» [10]. Из сочинения другого англичанина социолога и теоретика истории Г. Бокля «История цивилизации в Англии» Лесков кратко фиксирует в записную книжку данные о происхождении праздника Благовещенье: «25 марта, наз(ывается) теперь Госпожий день. В Честь Д(евы) Марии наз(ывало)сь в языческие времена Гиллария и было посвящено – Цибелле – матери богов» (РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 12). Книгу С. Смайльса «Долг» (СПб., 1876), в основе которой лежит протестантская этика, Лесков ценит за изложение тех нравственных идеалов, к которым, согласно его мнению, следует стремиться каждому человеку. Писатель настоятельно рекомендовал читать ее своему сыну А. Лескову. На титульном листе книги он написал: «Сыну моему Андрею Лескову, с просьбою книгу эту чаще читать, помня, что и я ее читаю, и при желании возражать мне для моего усовершенствования, – ограничивать себя указанием мне на подлежащие страницы этого превосходного сочинения Смайльса. Пасха 1888 года. Николай Лесков.» (ОГЛМТ ОФ-610/71 РК. Ф. 2. Оп. 2. 164).

Иные грани в осмыслении русско-британских культурных взаимоотношений обнаруживаются в художественном творчестве Лескова, прежде всего в повестях «Левша» и «Загадочный человек». В рамках статьи рассмотрим повесть «Левша».

Повесть «Левша» – одна из самых известных и читаемых в России и за рубежом, о чем свидетельствуют ее многочисленные переводы на европейские языки на протяжении уже двух столетий [4], [11], [16]. Между тем, несмотря на популярность произведения, наблюдается некая тенденциозность в трактовке его проблемно-тематического поля. В исследованиях славистов повесть традиционно рассматривается как символ русского национального характера, а главный ее герой Левша – как праведник, олицетворяющий собой лучшие качества русского народа: мастерство, трудолюбие, смекалку, отзывчивость, степенность, юмор. В споре с англи-

чанами именно он одерживает победу. Однако, в отличие от англичан, проявляющих заботу о своих людях, русские равнодушны к собственным талантам [13].

Данный проблемно-тематический комплекс лежит на поверхности повести. Между тем в произведении просматривается и иной «скрытый» смысловой пласт. Писатель в свойственной ему манере любителя литературной игры, «перевертышей» и мистификатора зашифровал его.

На наш взгляд, повесть Лескова «Левша» – это оригинальная историософская притча о смысле истории, закономерностях и границах ее постижения и праве каждого человека на персональную и национальную историю независимо от идеологии и социального статуса. Писатель завуалировал свою позицию, системно используя прием «перевертыша» и следуя логике «зазеркалья» (отражение асимметричных ситуаций, предметов, контраст, инверсия) и «левизны» («новое зрение», неформальный поиск, распространяющийся на план «содержания» и «выражения»), «выворачивания наизнанку» асимметрично, по терминологии Г. Вейля, выстроенных культурных миров, каждый из которых обладает свойственными ему «движением», «жизнью», «свободой» [2; 46–47]. Ключевые ситуации, образы, предметы наделяются Лесковым поливалентной семантикой. Они неожиданно могут проявляться и функционировать либо в «правом» (русском), либо в «левом» (английском) культурных пространствах¹, а в определенных эпизодах – пересекаться и взаимодействовать друг с другом, искажать, изменять, дополнять друг друга, порождая новые смыслы. Выказанный тезис проиллюстрируем наблюдениями над структурными особенностями повести (сцены культурных состязаний между англичанами и русскими), семантикой имени Левши и образом подкованной блохи.

1) *Какой потаенный смысл содержится в сценах культурных состязаний между англичанами и русскими?* Текст состоит из 12 небольших глав. Если формализовать сюжет, то видно, что в его основе лежит архетипическая ситуация состязания / испытания инородцев. В повести Лесков иронически обыгрывает эту ситуацию трижды. Первое состязание / испытание происходит в Англии, когда подданные этой страны пытаются хитростью «плениить» «государя Александра Павловича» «чужестранностью», показывая ему «разные удивления» и «природы совершенства» (26–27)². Оно оканчивается победой англичан. Им удалось удивить государя искусной работой, подарив ему миниатюрную механическую «нимфозорию» из «англицкой стали в изображении блохи» (30). Государь называет англичан «первыми мастерами на всем свете» и признает, что им «нет равных в искусстве» (32). Второе состязание / испытание снова

происходит в Англии, когда Левша привозит на «удивление» (47) подкованную на подковы блоху (46). На этот раз англичане признают победу русских мастеров. Между тем в дальнейшем Лесков не развивает ни одну из этих сюжетных линий и не дает возможности почувствовать себя победителями ни русским, ни англичанам. С целью нейтрализовать культурный конфликт писатель вводит третье состязание / испытание. Оно происходит между Левшой и английским «полшкипером» в бражничестве на корабле во время возвращения в Россию. В третьем состязании они шли на равных, и никто из них не выиграл пари. Культурный спор, кто лучше, кто хитрее, кто сильнее, трансформируется у Лескова в «дружеские», «братские» взаимоотношения. Русский и англичанин во многом не схожи, но в то же время и не чужие. Грань между «своим» и «чужим» временно стирается в ситуации «беды», «беспомощности», когда большому Левше все, за исключением «полшкипера», отказываются поможь. Англичанин – единственный, кто пытается позаботиться о нем. Он называет Левшу «мой русский камрад» (анг. *comrade* – товарищ, друг по отношению к иностранцу, собрат) и с горечью говорит графу Клейнмихелю, когда тот пытается его прогнать: «У него хоть и шуба овечкина, так душа человечкина» (57).

Изначально показывая разницу между русским и английским менталитетами и утверждая самобытность каждого из них, Лесков обнаруживает объединяющие их экзистенциальные и этические начала. Всё и все в мире связаны невидимыми нитями, обнаруживающими себя в драматических ситуациях и проявляющимися с неожиданной стороны. В этом состоит смысл человеческой истории, ее логика и пути постижения.

2) *Что символизирует образ блохи и почему тульские оружейники решили ее подковать?* Русские мастера не стали создавать какую-либо диковинную вещь, аналогичную заморской. Они замыслили нечто более курьезное – подковали блоху. В их решении подковать блоху, «подвергнуть ее русским пересмотрам» (34) сработала логика народной сказки. В буквальном смысле – тульские оружейники сломали английскую «диковину» (блоха перестала «дансе» танцевать и «верояции, как прежде, не выкидывает» (43–44)), в символическом – изменили ее экзистенцию, придав объекту английской культуры русские черты. В образе подкованной блохи Лесков «скрестил» разные семиотические знаки: английская сталь + русское железо; насекомое + подкова для копыта лошади. Что стоит за этим полигенетичным образом? На наш взгляд, ответ на этот вопрос содержится в тех эпизодах, где речь идет о восприятии подкованной блохи англичанами и русскими. Судя по тексту, в «левом» (английском) мире англичане восприняли привезенную им блоху в новом качестве просто,

недвусмысленно и положительно. Она стала для них свидетельством и признанием мастерства и таланта тульских оружейников. «Вы очень в руках искусны», – говорят они Левше в Лондоне (50). В «правом» же (русском) мире подкованная блоха, напротив, трансформировалась в объект неоднозначный. Неслучайно государь Николай Павлович, разглядывая работу тульских оружейников и акцентируя внимание на тонкости и изящности их работы, произносит многозначительно слова «лихо» (43), «удивление» (47). С одной стороны, подкованная на подковы блоха – символ высокого призвания русского «художного мужа», «искусного мужика» как духовного типа, «докапиталистического идеала целостного человека, мастера» [13]. «Протестантская мораль – это мораль мастера-умельца», в отличие от него «фабричный мастеровой – придаток машины, ни в коем случае не целостный, частичный, отчужденный человек» [13]. В связи с этим знаменательны финальные слова автора: «Таких мастеров, как баснословный Левша, теперь, разумеется, уже нет в Туле: машины сравнивали неравенство талантов и дарований, и гений не рвется в борьбе против прилежания и аккуратности. Благоприятствуя возвышению заработка, машины не благоприятствуют артистической удали, которая иногда превосходила меру, вдохновляя народную фантазию» (59). С другой стороны, Лесков показывает, как символ «художного мужа» принижается в России. Его образ низводится до «нелепого», крайне «экзотичного» существа – «щипаная голова» (38), «босой» (42), «ихний дурак» (44), «в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается» (45), «озямчик старенький» (45), «шиворот разорван» (45), «неубранный и в пыли, неумытый» (46). Писатель в духе разрушительной иронии активизировал, вывернул наизнанку и продемонстрировал несостоятельность искусственно созданного в XIX веке государственным «мужами» культурного мифа об отношении к простому русскому человеку как к некоему «Другому», «чужеземцу» (т. н. «идеологическая насмешка») [5]. Чинам и вицмундирам он видится иррациональным, нерелексичным, загадочным [5]. С подобным восприятием в России «искусного мужика» как «туземца» контрастируют английские сцены, в которых Левша, напротив, показан деловитым, целеустремленным, твердым и знающим, чего он хочет. История пребывания тульского мастера-умельца в «левом» (английском) мире – это альтернативная версия «официально» созданного в России мифа, лишившего простого русского человека персональной и национальной истории.

3) *Почему Лесков называл своего героя Левшой?* Это не столько имя, сколько концептуализация и усиление «историсофского» подтекста повести. Называя главного героя Левшой, Ле-

сков обыграл комплекс разных семиотических знаков. Левша – это и тип «художного мужа», и житель зазеркалья. Его образ маркирован как реальными чертами, так и признаками потусторонности. Находясь в «правом» (русском) мире, Левша чувствует себя «Другим». Данное качество героя подчеркивается с помощью патологических описаний его телесности. В русском мире он «косой» (42), «на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученьи выдраны» (36). Между тем когда Левша прибывает в Англию, то там с ним происходят метаморфозы. В Англии описания телесности героя лишены каких-либо дефектных характеристик. «Там» срабатывает принцип «перевертыша» и логика «зазеркалья» / «левизны». Находясь в ином ментальном пространстве, Левша раскрывает свою потаенную природу. В Англии, как и в России, он демонстрирует свою преданность отечеству. Между тем если в России никто этого не замечал, то англичане оценили эти качества прежде всего.

Итак, англофильство русского европейца Лескова заключается в создании в отечественной словесности положительного образа Англии и англичан через освоение английской богослов-

ской, исторической, философской, художественной литературы. Писатель особо ценил ее высокий научный уровень и близкую ему широту и непрямую линию взгляда на мир. В трудах английских ученых и писателей он обнаруживает созвучные ему размышления об аксиологических, антропологических, онтологических проблемах. Английский мир стал для него и источником творческого эксперимента. Совершив символический выход за пределы собственной культуры, Лесков в повести «Левша» выразил собственные историософские взгляды на смысл истории, закономерности ее развития, процессы мифологизации истории в России, превращение простого русского человека в «чужого» в собственной стране. Асимметрично воссозданный писателем английский мир стал неким «зеркалом» мира русского, и наоборот. Используя принцип «перевертыша», иронии, семантический потенциал образов Левши и подкованной блохи, Лесков показал специфику взаимодействия двух культурных пространств, их отталкивания и сближения. В этом состоит эффект «левизны» как нового по мысли и форме «неклассического» взгляда на XIX век.

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 годы по подпроекту «Центр новых филологических исследований».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поясним использование концептов «правый» и «левый» для маркировки соответственно «русского» и «английского» культурных пространств. Концепты «правый» и «левый» являются ключевыми в различных тезаурусах с устоявшейся семантикой: мифологическом («правый» – добро, правота, везение, прибыль, смех; «левый» – зло, неправота, неудача, убыток, слезы); политическом (общественно-политические взгляды, идеологии – «правые» – консерваторы, реакционеры; «левые» – радикалы, прогрессисты); культурологическом («правый» – рациональный, европейский, западный; «левый» – иррациональный, русский, восточный). В ходе анализа повести «Левша» мы намеренно избегаем традиционных оценочных дефиниций, которые 1) не имеют никакого отношения к жизни и творчеству Лескова (политический тезаурус) и 2) препятствуют выявлению не всегда очевидных, но важных дополнительных смыслов текста, т. н. «смыслового осадка», «нервного узла» (мифологический и культурологический тезаурус). Устойчивый закон художественного метода Лескова – двуплановость произведения, создание двух и более смысловых комплексов. Один лежит на поверхности, второй – составляет подтекст. Автор пытается его завуалировать путем многократной зашифрованности. На наш взгляд, при выявлении «скрытого» смысла повести «Левша» целесообразно использовать потенциал философского осмысления внутренней структуры пространства, которая не позволяет отличить «правое» от «левого», так как для этого требуется произвольный акт выбора. Идентифицируя вопреки научной традиции русский мир как «правый», а английский как «левый», мы исходили из топографических реалий двух стран. Отличительными характеристиками «правого» (русского) мира являются правостороннее движение; «левого» (английского) – левостороннее движение. Используемый «нейтральный» подход позволяет увидеть собственно авторское, индивидуальное, без оглядки на общепринятую культурологическую, мифологическую метафорику.

² Далее цитируется по [9] с указанием в круглых скобках страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ваш М. Г.: Из писем М. Л. Гаспарова. М.: Новое издательство, 2008. 452 с.
2. Вейль Г. Симметрия. М.: Наука, 1968. 192 с.
3. Ильинская Т. Б. Феномен «разноверия» в творчестве Н. С. Лескова: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2010. 48 с.
4. Кавайон Д. Лесков в Италии // Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. С. 505–524.
5. Кобрин К. От патерналистского проекта власти к шизофрении: «ориентализм» как российская проблема (на полях Э. Саида) // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59). С. 49–57 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/kk5.html>
6. Кукулин И. Новые Странствования по душам // Круглов С. Натан: Цикл стихотворений. Херсонский Б. В духе и истине: Цикл стихотворений. Нью-Йорк: Ailuros Publishing, 2012. С. 5–17.
7. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам: В 2 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1984. 607 с.
8. Лесков Н. С. Сочинения Фаррара о христианстве // Новое Время. 1888. № 4334. С. 2.
9. Лесков Н. С. Левша (Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе) // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Худ. лит. 1956–1958. 570 с.

10. Минеева И. Н. Древнерусский Пролог в творчестве Н. С. Лескова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 22 с.
11. Мюллер де Морог И. Лесков во Франции и романской Швейцарии // Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. С. 524–534.
12. Парамонов Б. Русский европеец Николай Лесков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/article/393388.html>
13. Мемориальная библиотека Н. С. Лескова: Краткий алфавитный каталог [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://фонды.музей-тургенева.рф/news.html?id=16>
14. Першина М. А. Англоязычная литература как текст-прецедент в произведениях Н. С. Лескова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киров, 2013. 24 с.
15. Шестаков В. П. Англия глазами русских (Восприятие английской культуры в России) // Россия и Запад. Диалог культур. М.: Изд-ВО МГУ, 2000. С. 109–137.
16. Эджертон В. Лесков в Англии и Америке // Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. С. 458–505.

Mineeva I. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

LEFTISM EFFECT OR N. S. LESKOV'S RELATIONSHIP WITH BRITAIN

The paper presents observations on the causes of N. S. Leskov's appeal to English culture, history, and science. The writer possessed a specific confessional consciousness of a "religious dissident" who was close to Protestantism. English history, theology, philosophy and literature occupied a special place in his life and work. In all purchased books the writer made notes. Some works Leskov used as a source of various historical and cultural information, practical advice. In the books, he found consonant ideas and reflections on faith, the nature of Christ, human virtues and vices. The other side in the understanding of Russian-British cultural relations is found in Leskov's novel *The Tale of Cross-eyed Lefty from Tula*. The studies traditionally interpret it as a symbol of Russian national character, and its main character Lefty, as a righteous man, personified the best qualities of the Russian people. This article proposes a new interpretation of the story. The tale of Tula oblique Lefty is a historiosophical parable about the sense of history, objective laws of its comprehension, and human right to personal and national history. The writer veiled his position by using the technique of irony, "spoonerism", following the logic of "leftness" and mirror world effect. The study introduces previously unpublished archival materials.

Key words: Russian-English literary relationship, Russian literature of the XIX century, N. S. Leskov, the novel "The Tale of Cross-eyed Lefty from Tula"

REFERENCES

1. Vash M. G.: *Iz pisem M. L. Gasparova* [Yours M. G.: From the M. G. Gasparov's letters]. Moscow, New Publ., 2008. 452 p.
2. Weyl' G. *Simmetriya* [Symmetry]. Moscow, Science Publ., 1968. P. 54–55.
3. Il'inskaya T. B. *Fenomen "raznoveriya" v tvorchestve N. S. Leskova: Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk* [The phenomenon of "raznoveriya" in the N. S. Leskov's creation: Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2010. 48 p.
4. Kavayon D. Leskov in Italy [Leskov v Italii]. *Neizdannyy Leskov* [Unpublished Leskov]. Moscow, IWLI RAS: "Heritage" Publ., 2000. Vol. 2. P. 505–524.
5. Kobrin K. From paternalistic power project to schizophrenia: "Orientalism" as a Russian problem [Ot paternalistskogo proekta vlasti k shizofrenii: "orientalizm" kak rossiyskaya problema]. *Neprikosnovenny zapas* [Emergency ration]. 2008. Vol. 3 (59). P. 49–57.
6. Kukul'in I. New wanderings through souls [Novye stranstvovaniya po dusham]. *Kruglov S. Natan: Tsikl stikhotvoreniy. Hersonsky B. V dukhe i istine. Tsikl stikhotvoreniy* [Kruglov S. Natan. The cycle of poems. Hersonsky B. In Spirit and in Truth]. New York, Ailuros Publ., 2012. P. 5–17.
7. Leskov A. N. *Zhizn' Nikolaya Leskova po ego lichnym, semeynym i nesemeinym zapisyam i pamyatyam* [The Nikolay Leskov's life in his personal, family, and non-family notes and memories]. Moscow, FL Publ., 1984. Vol. 2.
8. Leskov N. S. Farrar's writings on Christianity [Sochineniya Farrara o khristiyanstve]. *Novoe Vremya* [New Time]. 1888. Vol. 4334. P. 2.
9. Leskov N. S. The Tale of Cross-eyed Lefty from Tula [Levsha. Skaz o tul'skom kosom Levshе i o stal'noy blokhe]. *Leskov N. S. Sobr. soch.* [Leskov N. S. Collected edition]. Moscow, FL Publ., 1956–1958. Vol. 7.
10. Mineeva I. N. *Drevnerusskiy Prolog v tvorchestve N. S. Leskova: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The Old Russian Prologue in N. S. Leskov's Art. Dr. philol. sci. Diss.]. St. Petersburg, 2003. 22 p.
11. Muller de Morogue I. Leskov in France and Romanesque Switzerland [Leskov vo Frantsii i romanskoj Shveysarii]. *Neizdannyy Leskov* [Unpublished Leskov]. Moscow, IWLI RAS: "Heritage" Publ., 2000. Vol. 2. P. 524–534.
12. Paramonov B. *Russkiy evropeets Nikolay Leskov* [Russian European Nikolay Leskov]. Available at: <http://www.svoboda.org/content/article/393388.htm>
13. *Memorial'naya biblioteka N. S. Leskova: Kratkiy alfavitnyy katalog* [The N. S. Leskov's Memorial Library: A Brief alphabetical catalog]. Available at: <http://фонды.музей-тургенева.рф/news.html?id=16>
14. Pershina M. A. *Angloyazychnaya literatura kak tekst-pretседent v proizvedeniyakh N. S. Leskova: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [English literature as a precedent text in the N. S. Leskov's creative works: PhD. philol. sci. diss.]. Kirov, 2013. 24 p.
15. Shestakov V. P. England through Russian's views (The perception of English culture in Russia) [Angliya glazami russkikh (Vospriyatie angliyskoy kul'tury v Rossii)]. *Rossiya i Zapad. Dialog kul'tur* [Russia and the West. Dialogue of Cultures]. Moscow, MSU Publ., 2000. P. 109–137.
16. Edgerton W. Leskov in England and America [Leskov v Anglii i Amerike]. *Neizdannyy Leskov* [Unpublished Leskov]. Moscow, IWLI RAS: "Heritage" Publ., 2000. Vol. 2. P. 458–505.

Поступила в редакцию 07.07.2014

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук факультета международного образования, Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт» (Харьков, Украина)
pf-35@mail.ru

МАТРИЦА «ПОДПОЛЬЯ» В КОНЦЕПЦИИ ГЕРОЕВ ПОЗДНЕГО ДОСТОЕВСКОГО

Исследуются архетипические свойства образа человека из «подполья» в образной системе Достоевского: рассмотрены теория архетипов К. Г. Юнга, попытки построения типологии образов Достоевского в русском литературоведении, представлены модель «подпольного» сознания и поведения в главном герое повести Достоевского «Записки из подполья» и ее воплощение в героях «великого пятикнижия» писателя, проанализированы такие составляющие «подпольной» матрицы, как отрицание Божьего мира, человекобожеское мессианство, эстетическая самоказнь, стремление к «подпольному» покою. Сделаны выводы о влиянии архетипического образа человека из «подполья» на последующее творчество не только русских, но и зарубежных классиков.

Ключевые слова: архетип, К. Г. Юнг, модель, матрица, «подполье», «Записки из подполья», «великое пятикнижие»

В заметке «Для предисловия» («Подросток». Рукописные редакции) Достоевский написал замечательные слова, определяющие значимость феномена «подполья» в его художественном мире: «Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека *русского большинства* и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону. Трагизм состоит в сознании уродливости. <...> Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться! <...> Подполье, подполье, *поэт подполья* – фельетонисты повторяли это как нечто унижительное для меня. Дурачки. Это моя слава, ибо тут правда!»¹.

Видные критики, философы, литературоведы XIX–XX веков высоко оценивали повесть «Записки из подполья»: «чрезвычайно ценным и многозначительным произведением» называл ее В. Розанов [12; 487]; «пролегоменами ко всему художественному творчеству Достоевского послекаторжного периода» – А. Долинин [6; 323]; по мнению Л. Гроссмана, «Записки из подполья» стали не только «непосредственным этюдом» к «Преступлению и наказанию», но и «прологом» к его «большим романам» [5; 304].

Цель нашего исследования – на материале произведений Достоевского представить отражение качеств человека из «подполья» (имеющих, по общему признанию, архетипическую природу) в образной системе писателя, обозначить влияние, оказанное «подпольным» героем, на творчество классиков мировой литературы.

Исследователи творчества писателя отмечают в его поэтике следующую особенность: Достоевский от произведения к произведению неизменно возвращался к одним и тем же характеристикам и как бы «пробовал» их с разных сторон, форми-

руя систему возвращающихся образов. Данный феномен ставил перед литературоведами вопрос о едином принципе соотношения героев у Достоевского, чрезвычайно важный для построения их типологии. В зависимости от этого принципа (а в качестве ведущего определялись – психологический, исторический, социальный, этический и другие) в его творчестве выделяли следующие типы: «кроткий», «ожесточенный» (Н. Добролюбов); «страстный», «смирный» (Ап. Григорьев); «двойник» (В. Переверзев); «мыслители», «мечтатели», «поруганные девушки», «подпольные» (Л. Гроссман); «мечтатели», «подпольные» (В. Одинок) [11; 4–5]; «стихийно нравственные», «стихийно безнравственные» – на стадии патриархальности и «теоретики – раздвоенные натуры», «теоретики-дельцы» – на стадии цивилизации (Г. Щенников) [14; 41]; «книгилисты-апокалиптики»: «соблазнитель от революции» и «те, кто революцией соблазнен» (Г. Зябрева) [9; 55] и др.

На наш взгляд, данные попытки построения типологии образов Достоевского свидетельствуют о возможности вычленения архетипических свойств в его героях. Термин «архетип» (от греческого *archetipos* – первообраз) восходит к античной философии (Филон Александрийский, Ириней, Дионисий Ареопагит и др.), в центре внимания которой стояла проблема первоначала. В «аналитической психологии» К. Г. Юнга, который впервые разработал теорию архетипов, они определяются как изначальные, врожденные психические структуры, образы (мотивы), составляющие содержание так называемого «коллективного бессознательного» и лежащие в основе общечеловеческой символики сновидений, мифов и других порождений фантазии, в том числе – художественной (см., например, такие работы Юнга, как «Понятие коллективного бессознательного», «Психологические аспек-

ты архетипа матери» и др. [15]). Определяя понятие архетипа, Юнг неоднократно подчеркивал его надперсональную природу и исключительно формальный, а не содержательный характер. Архетипы – это не сами образы, а лишь схемы образов, их психологические предпосылки, их возможность. Содержательную характеристику первообраз мог получить лишь тогда, когда, актуализируясь в сознании, наполнялся материалом сознательного опыта. Так, выделяя архетип матери, Юнг отмечал, что данный архетип, подобно всякому другому, «имеет воистину невообразимое множество аспектов», и перечислял только некоторые типичные формы: «мать или бабушка конкретного человека, крестная мать или свекровь и теща», «кормилица и нянька», «в высшем, переносном смысле – богиня, особенно мать Бога», «в более широком смысле – церковь, университет, город, страна», «в более узком смысле – место рождения или происхождения – пашня, сады, утес, пещера, дерево» и проч. [15; 128–129]. Другие архетипы Юнга – Тень (репрезентация негативной стороны Эго или тех свойств личности, которые сознание предпочитает не замечать), Трикстер (Плут, Обманщик), Анима/Анимус (женское начало в мужчине и мужское – в женщине), Ребенок (нечто вырастающее в самостоятельность), Дух (репрезентируется как в образах мудрого старца, так и злого колдуна, и др.).

Как отмечает С. Аверинцев, хотя Юнг и «попытался наметить систематику архетипов», он все же «недостаточно последовательно раскрывал взаимозависимость мифологических образов как продуктов первобытного сознания и архетипов как элементов психических структур, понимая эту взаимозависимость то как аналогию, то как тождество, то как порождение одних другими» [1; 110–111]. Поэтому в позднейшей литературе данный термин используется «просто для обозначения наиболее общих, фундаментальных и общечеловеческих мифологических мотивов, изначальных схем представлений, лежащих в основе любых художественных, и в том числе мифологических, структур уже без обязательной связи с юнгианством как таковым» [1; 111].

В современном литературоведении отмечается важность архетипного подхода для понимания русской литературы как части мировой культуры и для литературоведческого исследования в целом. Так, была выдвинута гипотеза о «наличии особого *пасхального архетипа* и его особой значимости для русской культуры» и рассмотрено его «проявление» в романе «Преступление и наказание» [7; 357]; отмечается, что такие категории, как «*соборность*», «*закон*» и «*благодать*», хотя и «не новы в тезаурусе русской духовной мысли, но впервые стали категориями филологического анализа» [8; 5].

По нашему убеждению, архетипические качества человека из «подполья», составляющие «подпольный» мотив в повести «Записки из подполья» и отраженные в художественном мире Достоевского, выражены следующим образом:

– человека из «подполья» отличает трагическое восприятие жизни, обостренное внимание к негативным ее сторонам, что ставит его вне общества, обида на жизнь делает его ранимым аутсайдером, трагическим одиночкой;

– противостоит трагедии бытия в сознании «подпольного» героя «„прекрасное и высокое“» (5; 132), в духовное бегство к которому и устремляется герой повести. С высоты «„прекрасного и высокого“» «непосредственные люди и деятели» (5; 101) оказываются презренно низки; в человеке из «подполья» рождается стремление изменить их жизнь в соответствии с собственным эстетическим идеалом, подчиняя всех своей воле («подпольный» герой мнит себя «Наполеоном», «деспотом в душе») (5; 140);

– в жизни действительной человек из «подполья» осознает собственное несоответствие идеалу и потому предает себя жестокой самоказни, которая носит эстетический характер: в собственном унижении для героя заключается «сок <...> странного наслаждения» (5; 105) «от слишком яркого сознания своего унижения» (5; 102);

– подверженный страсти добровольного самоуничтожения, герой оказывается выброшенным из общества и испытывает нравственное отчуждение от Божьего мира; происходит глубинное неприятие и провозглашается проклятие его, что приводит к разложению всех человеческих качеств и постепенной гибели героя в духовной изоляции – «подполье» [13; 44–48].

Как предположил А. Бем, название повести Достоевского восходит к пушкинским строкам из «Скупого рыцаря»: «... может быть слова Альбера: “... пускай отца заставят меня держать, как сына, не как мышь, рожденную в подполье...” нашли свое неожиданное отражение в заглавии “Записок из подполья”» [2; 213].

Слово «подполье» употребляется в повести впервые в связи с неизбывным сравнением «подпольного» героя себя с «мышью» и противопоставлением своему «антитезу» – «непосредственному человеку и деятелю», не обладающему «усиленным сознанием» и опирающемуся на чувство «живой жизни»: «...если, например, взять антитезу нормального человека, то есть человека усиленно сознающего, вышедшего, конечно, не из лоно природы, а из реторты <...> то этот ретортный человек до того иногда пасует перед своим антитезом, что сам себя <...> добросовестно считает за мышь, а не за человека. <...> Положим, например, она (мышь. – Ю. Р.) тоже обижена (а она почти всегда бывает обижена) и тоже желает отомстить. <...> Доходит наконец до самого дела, до самого акта отмщения. Не-

счастливая мышь кроме одной первоначальной гадости успела уж нагородить кругом себя, в виде вопросов и сомнений, столько других гадостей; к одному вопросу подвела столько неразрешенных вопросов, что поневоле кругом нее набирается какая-то роковая бурда <...> состоящая из ее сомнений, волнений и, наконец, из плевков, сыплющихся на нее от непосредственных деятелей <...> хохочущих над нею во всю здоровую глотку. Разумеется, ей остается махнуть на все своей лапкой <...> постыдно проскользнуть в свою щелочку. Там, в своем мерзком, вонючем подполье, наша обиженная, прибитая и осмеянная мышь немедленно погружается в холодную, ядовитую и, главное, вековечную злость» (5; 104). При этом «мышь» персонифицирует яркие «подпольные» черты: обиду на мир, злобу, мстительность, упоение сознанием собственного унижения. «Мышь» в художественном мире Достоевского возникает там, где речь идет о каком-либо антихристианском поступке. Так, одержимый «бестиальными наклонностями» Свидригайлов, накануне совершения самоубийства оказавшийся в «отдаленном номере» гостиницы, «душном и тесном», под лестницей в «углу», переживает «скверное» ощущение, когда во сне-забытьи у него за пазухой, под рубашкой «шоркает по телу» «мышь» (6; 390). Петр Верховенский – «политический честолюбец», щедро наделенный «хлестаковскими чертами» (12; 204), чье «уродство», по мнению Достоевского, не достойно «литературы» (29. 1; 141) – являет собой карикатурное отражение практики ставрогинского, оторвавшегося от Бога ума, совершил чудовищное святотатство – «пустил мышь» в икону Богородицы (10; 428).

Отправной точкой алгоритма «подпольной» мысли служит отрицание. Не принимая основ Божьего мироздания, поднимая бунт против него, «подпольное» сознание жаждет насильственного изменения мира и отводит себе при этом мессианскую роль. В «подпольных» мечтаниях о «прекрасном и высоком» герой «Записок...», словно представитель высшего разряда людей, идет «проповедовать новые идеи», буквально в роли Наполеона разбивает «ретроградов под Аустерлицем» (5; 133); «деспот в душе», он желает «неограниченно властвовать» (5; 140). С большой силой «подпольный» деспотизм выражен в образе Раскольникова, чью исходную ситуацию в романе часто называют «подпольной». Он вынашивает идею Наполеона, чтобы «взять во власть» презираемое им общество, властвовать над ним, не зная «никаких средств» (7; 155). То, как «подпольное» мессианство неизбежно приводит к сатанизму – высшей форме антихристианского состояния, гениально изображено Достоевским в романе «Бесы»: ведь «благо, несовместимое с бытием Бога и любовью к Нему», предпочитаемое Сатаной, – это «быть самому

Богом, быть выше Бога – вот притязание гордыни сатанинской» [10; 68], и многие герои романа по-своему одержимы этой гордыней.

Отводя для себя мессианскую роль, герой «Записок из подполья» в то же время ясно осознает свое несоответствие идеалу и подвергает себя самоказни, которая «обращалась» в «решительное, серьезное наслаждение» от «сознания своего унижения» (5; 102). «Подпольная» самоказнь – еще одна яркая черта архетипической модели «подпольного» сознания. Самоказни в художественном мире Достоевского предаются многие – Раскольников, Мармеладовы, Ганя Иволгин, Лебедев, Ипполит Терентьев, Аркадий Долгорукий. Природа самоказни с особой силой раскрыта в образе Настасьи Филипповны, чье «болезненное наслаждение от сознания своего позора» (14; 62) приводит к невозможности духовного возрождения. «Бесперывное» сознание своего позора, таящее «ужасное неестественное наслаждение, точно отмщение кому-то» (8; 362), делает невозможным для нее нравственное восхождение стезею Сони Мармеладовой. Испытывая духовную усталость от самоказни, от ношения масок ради того, чтобы скрыть свое истинное «я», герой «Записок...» впадает в крайнее духовное отчуждение – «подполье», обрекая себя на «нравственное раствление в углу» (5; 178).

Мотив отрицания Божьего мира достигает наивысшего накала в характере самого сильного из выведенных Достоевским «отрицателей» – Ивана Карамазова. «Я не Бога не принимаю <...> я мира, им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять», – настойчиво повторяет Иван в исповедальном разговоре с Алешей (14; 214). Проецируя «подпольную» матрицу на образ Ивана, нетрудно заметить совпадения, позволяющие говорить о выраженности в нем «подпольных» черт:

– как и «подпольного» героя, Ивана отличает критическое отношение к Божьему миру, основывающееся на обостренном внимании к проявлению морального уродства окружающих, о чем свидетельствует собранная им «коллекция» «некоторых фактиков»: о турках, со сладострастием мучивших и убивавших детей; о мужике, с остервенением бьющем клячку по плачущим «кротким глазам»; о том, как «образованный господин и его дама» секли «собственную дочку»; о «девчоночке маленькой, пятилетней», запертой «в холод, в мороз» возненавидевшими ее родителями «в подлом месте»; о мальчике, «всего восьми лет», затравленном стаей генеральских борзых на глазах у матери (14; 217–221);

– если «подпольный» человек противопоставляет уродливому миру свой морально-нравственный идеал «прекрасного и высокого» в образе «героя», над всеми торжествуя и всех прощая (5; 132–133), то Иван Карамазов прямо осуществляет притязание «гордыни сата-

нинской», обращаясь к Богу на равных, обвиняя Бога в страдании невинных детей, не принимает Божий мир;

– причиной самоказни Ивана, как и у человека из «подполья», выступает несоответствие героя своему идеалу (в частности, примером этому могут служить отношения Ивана со Смердяковым, напоминающие нравственные турниры «подпольного» героя со своим слугой Аполлоном). Заклячая в себе непомерное тщеславие, гордыню, человекобожество, Иван в то же время признает, что он – «клоп» – в состоянии мыслить только «земным», «эвклидовским» умом и что «правда <...> не от мира сего» ему «непонятна» (14; 222). В осознании этого – доходящая до наслаждения самоказнь и эстетизация ее. Иван понимает, что существующий порядок вещей, в его же собственной трактовке, лишь только «эвклидовская дичь» и жить по ней он не сможет «согласиться» (14; 222), точно так же, как не мог согласиться герой «Записок из подполья» с непрерывно обижавшими его «законами природы» – «каменной стеной» (5; 105). Потому-то в поэме «Великий инквизитор» Иван нравственно и приравнивает себя к инквизитору, который, оставаясь «со страданиями неотомщенными» (14; 223), смог побороть свободу и «сделал так для того, чтобы сделать людей счастливыми» (14; 229). (На связь инквизитора с «подпольем» указывает его собственное признание о том, что люди, «промучившись тысячу лет со своей башней (Вавилонской. – Ю. Р.)», «принесут свою свободу к ногам нашим» (14; 230–231) и «отыщут нас» «под землей, в катакомбах (курсив наш. – Ю. Р.)» (14; 230).) Эстетизация самоказни достигает наивысшего накала, когда инквизитор открыто объявляет о том, что, взяв в руки меч кесаря и отвергнув Христа, они пошли за Антихристом (14; 235) и «все будут счастливы», но только «управляющие ими» и «хранящие тайну» будут «несчастливы» (14; 236). Алеша камня на камне не оставляет от Ивановой эстетики, говоря, что за нею стоит «самое простое желание» власти и благ «безо всяких тайн и возвышенной грусти...», а также о том, что инквизитор «не верует в Бога», в чем и «весь его секрет» (14; 237–238);

– говоря о том, что «спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла» (14; 232), и о том, что «надо идти по указанию умного духа, страшного духа смерти и разрушения», «вести людей уже созна-

тельно к смерти и разрушению» (14; 238), Иван фактически констатирует «подпольность» своей духовной жизни. Алеша, безмерно сожалел об Ивановом неверии, «с чрезвычайно скорбью» горюет об «аде» («подполье») в его «груди и в голове» (14; 239).

Таким образом, в характере Ивана отображен полный спектр составляющих «подпольного» духовного движения: трагическое восприятие Божьего мира, бунт против него; противопоставление ему идеалов «прекрасного и высокого», то есть человекобожество; острое осознание собственного несоответствия возвышенному идеалу и потому – жестокая самоказнь; наконец, глубокое духовное отчуждение и следование «уже сознательно к смерти и разрушению».

Отметим также функциональную близость «Записок из подполья» и поэмы «Великий инквизитор»: обе задуманы как высказывание «богохульства» (15; 481). И если ответ на это в «Записках из подполья» уничтожили, по выражению Достоевского, «свиньи цензора» (5; 375), то ответом на поэму Ивана послужила следующая – шестая книга «Братьев Карамазовых» – «Русский инок» (15; 482). При этом сам Достоевский поочередно называл каждую из этих книг – «Про и contra», вмещающую поэму «Великий инквизитор», и «Русский инок» – «кульминационной» (30. 1; 66, 102) и относил к несомненным творческим удачам, по праву гордилась ими. Таким образом, была изображена не только одна, по выражению Достоевского, «подпольная нигилятина», но и «опровержение богохульства» (30. 1; 68, 66).

Отражение модели «подпольного» сознания и поведения в художественном мире Достоевского позволяет говорить о нем как о важнейшем факторе, оказавшем значительное влияние не только на формирование образной системы писателя в целом, но и на выражение центральной проблемы его творчества, состоящей, по мысли А. Бема, в «преодолении замкнутости личности через приобщение к живому потоку жизни» [3; 190].

Художественное воплощение Достоевским феномена «подполья» оказало большое влияние на дальнейшее развитие не только русской, но и мировой литературы. Повесть «Записки из подполья», как «пролог к литературе XX века» [4; 112], стала предтечей появления «подпольных» людей, нашедших свое отражение в творческом наследии Л. Андреева, А. Белого, А. Ремизова, Ж.-К. Гюисманса, А. Жида, У. Фолкнера, Р. Эллисона [4; 370] и многих других.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 16. Л.: Наука, 1976. С. 329–330. Далее тексты Ф. М. Достоевского цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Архетипы // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 1: А–К. М., 1980. С. 110–111.
2. Бем А. Л. Достоевский – гениальный читатель // Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сб. статей под ред. А. Л. Бема / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М.: Русский путь, 2007. С. 206–218.

3. Бем А. Л. Достоевский: Психоаналитические этюды. Берлин, 1938. 192 с.
4. Гарин И. И. Многоликий Достоевский. М.: ТЕРРА, 1997. 396 с.
5. Гроссман Л. П. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1963. 544 с.
6. Долинин А. С. Достоевский и Герцен (К изучению общественно-политических воззрений Достоевского) // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Пб.: Мысль, 1922. С. 275–324.
7. Есаулов И. А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Вып. 2. Петрозаводск, 1998. С. 349–362.
8. Захаров В. Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Вып. 2. Петрозаводск, 1998. С. 5–30.
9. Зябрева Г. А. Русский характер и русская революция. Логика взаимодействия // Русистика Украины. 2001. № 2. С. 43–57.
10. Лосский Н. О. О природе сатанинской (по Достоевскому) // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Пб.: Мысль, 1922. С. 67–92.
11. Одинокое В. Г. Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского. Новосибирск: Наука, 1981. 145 с.
12. Розанов В. В. Одна из замечательных идей Достоевского // Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 487–494.
13. Романов Ю. А. Комментарии к повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья»: Учебно-метод. пособие для студентов гуманитарного профиля. Харьков: НТУ «ХПИ», 2002. 56 с.
14. Шченников Г. К. Художественное мышление Ф. М. Достоевского. Свердловск, 1978. 176 с.
15. Юнг К. Г. Бог и бессознательное. М.: Олимп: ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998. 480 с.

Romanov Yu. A., National Technical University “Kharkov Polytechnic Institute” (Kharkov, Ukraine)

MATRIX OF “UNDERGROUND” IN CONCEPT OF LATE DOSTOEVSKY’S HEROES

This article focuses on the study of the archetypal character of “underground” man in Dostoevsky’s character system. The theory of archetypes by C. G. Jung and the attempts to construct Dostoevsky’s character typology in the Russian literary criticism are concerned. The model of “underground” consciousness and behavior, reflected in the protagonist of Dostoevsky’s “Notes from Underground”, together with its embodiment in the heroes of the writer’s “five great novels” are presented. Such components of the “underground” matrix as the God’s world denial, Man-god’s messianism, aesthetic self-torture, pursuit of “underground” peace are analyzed. Conclusions about the influence of the archetypal character of the “underground” man on the subsequent works not only of the Russian but also of the foreign classics are made.

Key words: Dostoevsky, archetype, C. G. Jung, model, matrix, “underground”, “Notes from Underground”, “five great novels”

REFERENCES

1. Averintsev S. S. Archetypes [Arkhetipy]. *Mify narodov mira: Entsiklopediya: V 2 t.* [Myths of Nations of the World. Encyclopedia: In 2 Vol.], Vol. 1: A–K. Moscow, 1980. P. 110–111.
2. Bem A. L. Dostoevsky – an ingenious reader [Dostoevskiy – genial’nyy chitatel’]. *Vokrug Dostoevskogo: V 2 t. T. 1: O Dostoevskom: Sb. statey pod red. A. L. Bema / Sost., vstup. st. i komment. M. Magidovoy* [Around Dostoevsky: In 2 Volumes. Vol. 1: About Dostoevsky: Collection of articles ed. by A. L. Bem. Compil., introd. and comment. by M. Magidova]. Moscow, 2007. P. 206–218.
3. Bem A. L. *Dostoevskiy: Psikoanaliticheskie etyudy* [Dostoevsky: Psychoanalytical Studies]. Berlin, 1938. 192 p.
4. Garin I. I. *Mnogolikiy Dostoevskiy* [The Many Faces of Dostoevsky]. Moscow, TERRA Publ., 1997. 396 p.
5. Grossman L. P. *Dostoevskiy* [Dostoevsky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1963. 544 p.
6. Dolinin A. S. Dostoevsky and Herzen (The study of the socio-political views of Dostoevsky) [Dostoevskiy i Gertsen (K izucheniyu obshchestvenno-politicheskikh vozzreniy Dostoevskogo)]. *F. M. Dostoevskiy. Stat’i i materialy / Pod red. A. S. Dolinina* [F. M. Dostoyevsky. Articles and materials. Ed. by A. S. Dolinin]. Petersburg, Mysl’ Publ., 1922. P. 275–324.
7. Esaulov I. A. Easter Archetype in Dostoevsky’s Poetics [Paskhal’nyy arkhetip v poetike Dostoevskogo]. *Evangel’skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr: Sb. nauch. trudov. Vyp. 2* [Gospel Text in the Russian Literature of XVIII–XX Centuries: Quote, Reminiscence Motif, Plot, Genre. Collection of scientific works. Issue 2]. Petrozavodsk, 1998. P. 349–362.
8. Zakharov V. N. Orthodox Aspects of Ethnopoetics of the Russian Literature [Pravoslavnye aspekty etnopoetiki russkoy literatury]. *Evangel’skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr: Sb. nauch. trudov. Vyp. 2* [Gospel Text in the Russian Literature of XVIII–XX Centuries: Quote, Reminiscence Motif, Plot, Genre. Collection of scientific works. Issue 2]. Petrozavodsk, 1998. P. 5–30.
9. Zya breva G. A. The Russian Character and the Russian Revolution. The Logic of Interaction [Russkiy kharakter i russkaya revolyutsiya. Logika vzaimodeystviya]. *Rusistika Ukrainy* [Russistics of Ukraine]. 2001. № 2. P. 43–57.
10. Losskiy N. O. On the Nature of Satan (According to Dostoevsky) [O prirode sataninskoy (po Dostoevskomu)]. *F. M. Dostoevskiy. Stat’i i materialy / Pod red. A. S. Dolinina* [F. M. Dostoyevsky. Articles and materials. Ed. by A. S. Dolinin]. Petersburg, Mysl’ Publ., 1922. P. 67–92.
11. Odinokov V. G. *Tipologiya obrazov v khudozhestvennoy sisteme F. M. Dostoevskogo* [The Typology of Characters in the Artistic System of F. M. Dostoyevsky]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981. 145 p.
12. Rozanov V. V. One of the Great Ideas of Dostoevsky [Oдна iz zamechatel’nykh idey Dostoevskogo]. *Rozanov V. V. Sbranie sochineniy. O pisatel’stve i pisatelyakh / Pod obshch. red. A. N. Nikol’yukina* [Rozanov V. V. Collected Works. About Writing and Writers. Gen. ed. by A. N. Nikol’yukin]. Moscow, Respublika Publ., 1995. P. 487–494.
13. Romanov Yu. A. *Kommentarii k povesti F. M. Dostoevskogo “Zapiski iz podpol’ya”: Uchebno-metod. posobie dlya studentov gumanitarnogo profilya* [The Comments on F.M. Dostoyevsky’s Novella “Notes From Underground”: Teaching Aid for the Humanities Students]. Kharkov, NTU “KhPI” Publ., 2002. 56 p.
14. Shchennikov G. K. *Khudozhestvennoe myshlenie F. M. Dostoevskogo* [F. M. Dostoyevsky’s Artistic Thinking]. Sverdlovsk, 1978. 176 p.
15. Yung K. G. *Bog i bessoznatel’noe* [God and the Unconscious]. Moscow, Olimp: “ООО АСТ-ЛТД” Publ., 1998. 480 p.

Поступила в редакцию 24.07.2014

АЛЛА ПЕРСИЕВНА СКЛИЗКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Педагогического института, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (Владимир, Российская Федерация)
burelomy@list.ru

АНТИЧНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ГЕРМАНСКОМ СКАЗАНИИ Г. ГАУПТМАНА «БЕДНЫЙ ГЕНРИХ»

«Бедный Генрих» Г. Гауптмана прочитывается как произведение времени модерна, одной из характерных особенностей которого является всплеск мировоззренческих концепций античности. Гауптмана в греческой культуре привлекает идея становления и связанная с нею природная солнечная религия. Внешняя сюжетная линия творения Гауптмана (девушка Оттегебе готова принести себя в жертву ради излечения рыцаря Генриха от проказы) сопрягается с внутренней. Она определяется процессом обновления души, поэтически представленного драматургом через образ огня. Огонь как природный атрибут солнечной религии знаменует движение души к свету, способствует внутреннему прозрению героя – тот, кто способен на самоотречение, достоин дальнейшей жизни. Душевное световое обновление приводит к физическому исцелению рыцаря Генриха.

Ключевые слова: модернистское сознание, взаимовлияние, модернистская мистика, метаморфоза, энтелехия, душевная монада

Понятие реминисценции, вероятно, воспринятое в своем расширенном значении как дериват понятия анамнезиса и связанных с ним определений перцепции и апперцепции, может быть осознано как одно из важнейших категорий макроэпохи модерна. Будучи тесно связанной на глубинном уровне с категорией «Kontingenz», в современных литературоведческих трактовках прочувствованное как некий темпоральный «Transfer», позволяющий вести речь о сопряжении и нескончаемом соприкосновении с традицией прошлого [21; 27, 28], категория реминисценции фокусирует внимание на главном в модернистском процессе – непрерывном движении, обновлении. Подобный процесс приводит, говоря словами Г. Маркузе, к возвращению вытесненного – дух движется в глубь себя («sein Insichgehen») и вверяет себя воспоминаниям [4]. Благодаря осознанию категории реминисценции оказывается возможным более глубоко и полно постигнуть модернистский «праведный путь», его философию, согласно которой наблюдается «неполное тождество... истины в начале и истины осознанной, обогащенной... в конце» [2; 50]. Действительно, реминисцентное воспроизведение некой данности по прошествии некоторого времени дает «обогащенные» результаты, иное, по сравнению с предыдущим этапом, переживание материала приводит не только к их перцепциальному, отчасти бессознательному, представлению, но и к апперцепциальному – глубинному – узнаванию на основе прежнего опыта.

В связи с этим следует говорить о специфике античных реминисценций, касающихся как общекультурной сферы макроэпохи модерна, так

и исторически вписанной в свое время «эсклюзивной индивидуальности» [3; 190] – Г. Гауптмана. Относительно первого аспекта кратко можно сказать следующее. Благодаря античным реминисценциям создается единый литературный текст модерна. Используя терминологию современного немецкого литературоведа С. Вьетта, возможно представить античность как культурную парадигму сознания, совершающуюся по принципу цепной реакции (Kettenreaktion). С. Вьетта говорит об обязательном расцеплении прошлых связей, непременно их вступлении в другую реакцию на основании внутренней логики, присущей такому процессу: «...картина из физики импортируется в общество, в историю, в культуру, во всем доминирует цепной принцип, приводящий к изменениям» [21; 49]. Интенсивная античная рефлексия, берущая начало на первом этапе модерна – в XVIII веке, приводит, как известно, к идеальному взгляду на Грецию – простоте и спокойному величию. Это так называемое первое перцепционное представление – начало той реакции, которая в силу внутренней необходимости ломает звенья доселе крепкой цепи. Несмотря на то что античность в это время предстает в качестве культурной реальности, как пишет А. В. Михайлов, «момент близости к античности есть момент наибольшей удаленности от нее... расставание с ней» [5]. Столь важные для модернистского сознания пары близости и чуждости, утраты и обретения позволяют в дальнейшем достичь относительно содержательного согласия. «Расставание», вероятно, можно объяснить – по Ницше – тем, что «дело не пошло дальше тоскующего взгляда...

даже таким героям, как Шиллер и Гёте, не удалось взломать заколдованные ворота, ведущие в волшебную гору эллинизма» [6; 138]. Между тем именно этот «тоскующий взгляд» – жажда обретения идеала – и приводит на рубеже XIX–XX веков к его реминисцентной рефлексии. Она связана с концептом античности, представления о которой восходили к одному смысловому центру – к идее Всеединства. Однако эта идея и приводит к неминуемому «разрыву цепей», определяет смысловой водораздел между рубежными временами. Создается новая «цепная реакция», явленная в форме античных реминисценций. Возникающий при этом «анамнезис анамнезиса» (познание на основе прежних представлений) приводит к двойному пласту воспоминаний на рубеже XIX–XX веков. Мыслителям и художникам слова необходимо реминисцентно перенестись не только в античную древность как таковую, но и в свое близлежащее «греческое» прошлое – рубеж XVIII–XIX веков. Итогом таких модернистских взаимных наложений явилась прежняя мысль об идеале, о необходимости внутреннего проникновения в гармоническую сущность Первоединого. Однако столь национальная, по утверждению Ф. Шлегеля, мысль вернулась в иной, преобразованной форме. В самом модернистском процессе преемственности заложено единство, поскольку Целое (античность) понимается исходя из его частей (субъективным осознанием двух рубежных, типологически соотносимых эпох).

Новый концепт античности базируется прежде всего на утверждении того, что казалось прежде невозможным, – ее воскресения в современности. Ф. Ницше призывает всех уверовать в возрождение эллинского духа [6; 138]. Э. Роде заканчивает свое исследование «Душа» латинской фразой: «Desinunt ista, non pereunt» – «Греция исчезла, чтобы вновь возвратиться, скрылась, чтобы явиться вновь» [18; 670]. Я. Буркхардт сопоставляет современность с древностью по принципу всеобщей великой метаморфозы, где «все едино, единое есть все, всеобщее одушевление во всем» [8; 38]. Прежний распад целого, с болью осознанный прошлым столетием, приводит в следующую микроэпоху модерна (XIX–XX века) к созданию «величественной гармонии целого, проникнут его общим смыслом», где «восстанавливается единство... принципиальное тождество всего сущего» [2; 67]. Антропологический принцип конца XVIII – начала XIX века обретает новую жизнь в следующую рубежную эпоху. Общая модернистская установка на деятельную силу субъекта, на человека в парадигме действующей логики истории актуализируется на поздних этапах модерна. Саморепрезентация субъективизма позволяет почувствовать Единство в самой личности, в ее реминисцентном духе, в восприятии древней культуры как своей, близкой и знакомой. Познания античности – по-

знание себя самого, своих культурных истоков, глубокое проникновение в которые и позволяет восстановить распавшееся Я.

Г. Гауптман – один из тех, кто на рубеже XIX–XX веков вновь «открывает» Грецию. Подобное открытие совершается благодаря силе переживаний, в которых, по утверждению Х. Г. Гадамера, «проявляется смысловое целое жизни... переживающему указывается связь со всей целокупностью бытия... переживание всегда содержит познание бесконечного целого... поскольку переживание – это всегда пережитое самостоятельно» [1; 114]. Посредством переживания преодолеваются временные границы, «новый» эллинизм оказывается тесно связан со «старым», удаление от прошлого означает приближение к нему. Соответственно Гауптман сохраняет верность классическому веку, но, находясь в изменившейся ситуации, он, как и его современники, твердо уверен в возрождении и воскрешении античности. Для Гауптмана прошлое оживает, он исповедует веру в то, что Греция хотя и похоронена, но не умерла, называет Элладу «вечной стариной вечной юности», «греческие боги не исчезли, а живут в камнях, как ласточки в скалах» [15; 132]. Подобная рефлексия является манифестацией греческого способа переживания бытия, главным в котором для Гауптмана становится интуиция Всеединства. Именно подобное мироощущение позволяет увидеть в античной эпохе не столько ее идеальную и, как мыслилось прежде, невозвратимую суть, сколько саму жизнь, обретающую новое бытие посредством познания себя самой. Немецкий драматург во всем и везде наблюдает «медиум соединения», постигает многообразие в единстве, что составляет его чувство греческого [14; 10, 63, 109], в его приватном видении мироздания доминирует ощущение космической первоосновы, метафизической изначальности [15; 133].

Античные реминисценции Гауптмана в некоторой степени сопрягаются с новым взглядом, представленным в конце XIX века, на понятие энтелехии Аристотеля. Х. Дрещ говорил об энтелехии как об индивидуальном принципе: «это само бытие, само становление, принцип соединения в самом высоком смысле» [13; 145]. Гауптман воспринимает Грецию как трансцендентную энтелехию, живую жизнь, душевную монаду («Seelenmonade»). Кроющийся в античной энтелехии принцип становления и позволяет ей непрестанно воскресать из пепла. Поэтому и греческие боги в восприятии Гауптмана лишь заснули в скалах – для драматурга это не метафора реальности, а метафора души, переживания той глубокой энтелехийной устроенности, которая «дает отклик на события прошлого, в вечном повторении обретает вечную новизну, в постоянном изменении способствует столь же постоянному становлению» [16; 170].

С идеей Единства, всеобщего одушевления связаны и религиозные взгляды Гауптмана. Он неоднократно подчеркивал свое желание «часть античной Греции перенести в христианский мир» [13; 281], что повлечет смену хаоса гармонией [14; 392]. Это решающий момент в мироощущении Гауптмана: гармония для немецкого драматурга означает страстное взаимовлечение и сопряжение контрастных чувств и дуальных состояний души: ужаса и красоты, страха и наслаждения, радости и отчаяния, ненависти и любви. Такова, с точки зрения Гауптмана, внутренняя антропологическая составляющая великой Гармонии. Дочь воинственного Ареса и прекрасной, нежной Афродиты, обретая свою новую поэтическую жизнь, антропоморфно представляет сама себя посредством мыслящего, творящего и воспринимающего Я, созидающей экзистенции личности. Для Гауптмана, таким образом, гармония знаменует множественность, зашифрованную в противоречиях, приводящих в итоге к единству. Поэтому в отношении религии драматурга следует вести речь не о соединении античности и христианства, как полагают большинство исследователей, а об их гармоническом взаимодействии, их содержательном динамическом согласии, об их «цепной реакции» в коммуникации противоположностей, существующих внутри мыслительной системы.

Следует особо отметить, что для Гауптмана «христианство» и «Христос» – разной природы понятия, почти диаметрально противоположные. Христианство отталкивает немецкого драматурга. Гауптман, мечтая о возрождении в современности естественной религии греков, считает, что «надо встать, как греки, на путь естественного религиозного служения» [15; 180]. Он по-гетевски размещает их в своем кругозоре: «Христианство – тьма, язычество – свет, христианство – болезнь, язычество – здоровье» [16; 17, 19]. Религия для Гауптмана – это «сама жизнь» [17; 228], «свергнутые с престола античные боги – это свергнутая жизнь» [14; 524]. Гауптман уверен, что «античные языческие элементы призваны обновить христианство» [14; 346]. Отсюда и его страстный призыв, обращенный в первую очередь к себе самому: «с Иисусом к античности» [17; 137].

Интерес вызывает в этой связи мнение Р. Шведе (1987). Он определяет религиозное переживание Гауптмана как разновидность эскапизма, как своего рода эзотерическую провиденциальность [20; 89]. Между тем термин «эскапизм» применительно к религиозным воззрениям Гауптмана не может сопоставляться с его традиционным значением как «уход», «бегство». Религиозная саморефлексия Гауптмана, напротив, приводит драматурга к новому религиозному видению, в котором центральным моментом предстает сама жизнь, ее религиозно-мистическое

переживание. Эскапизм Гауптмана творческий, деятельный, благодаря ему драматург наиболее полно проникает в жизнь, создает произведения, в которых представляет образ античного Христа во всей полноте его мессианского призвания, сотворяет мистерию страдания и радости.

Таковой и представляется драма «Бедный Генрих», называемая самим Гауптманом мистерией [17; 58]. Драматург намеренно полностью сохраняет внешний сюжет средневекового источника – поэмы Гартмана фон Ауэ. Генрих поражен проказой, девушка Оттегебе готова пожертвовать жизнью ради его исцеления: Генрих, омыв свои раны в ее крови, излечится от болезни. Однако Генрих не дает ей умереть, почти в последний момент отказывается от жертвы. Он в итоге получает воздаяние – выздоравливает и женится на той, для которой был изначально дороже жизни.

«Бедный Генрих» – произведение многоплановое. Литературоведы при текстовом анализе обращали внимание на разные смысловые уровни: интересные сравнения проводились с произведением Г. фон Ауэ [11; 142–191]; важные параллели с библейской историей Иова [19; 142]; ведется речь о трансцендентной проблематике, связанной со страданиями главного героя [12; 100]. В самом конце прошлого столетия драма Гауптмана была воспринята в свете монистических воззрений художника, где доминантой признается солнечная религия писателя [10; 228–240]. На наш взгляд, если воспринимать произведение Гауптмана как мистерию человеческого сознания и всего космического бытия, то полнее и динамичнее целостнее раскрывается сам исповедуемый им принцип Всеединства. Таковой в данном случае предстает в ракурсе великого бытийного закона, воплощенный поэтически в тексте: индивид должен постичь себя прежнего, скрытого доселе под сетью эмпирической действительности. Обратившись к подсознательным недрам своей души, осознав свою экзистенциальную обреченность, герой узнает себя иного, внутренняя разорванность преодолевается, утраченная связь с собой и миром восстанавливается. Сокровенная динамика души согласуется с мистериальной динамикой мира.

Как видно, античность постигается Гауптманом в ее мистериальном смысле – как вечная тайна человека и мира, та тайна, которая подвергается самоистолкованию и при этом «обращается к современности так, как будто говорит специально для нее» [1; 340]. Мистерия для Гауптмана творится вечно, в великом космическом творении нет ничего немистериального, благодаря мистериальному всечувствованию открывается доступ в иррациональную сферу. Драматург ощущает мистерию комнаты, старых тикающих часов, мерцающих свечей, рождественской елки, леса, всей природы, мистерию зачатия, материн-

ства – во всем и везде вершится вечная мистерия [16; 59]. Она непостижима в своей сути, отчасти метафизична, воспринимается тогда, когда все явления приобретают сверхчувственный смысл [16; 95].

Гауптман ставит перед собой сверхсложную драматургическую задачу – «старый росток пересадить в новую почву» [17; 71]. «Старый росток» – средневековый текст Гартмана и истории ветхозаветного Иова, которая бытовала в сознании драматурга на протяжении всей долгой работы над «Бедным Генрихом» [17; 54]. Они являются для Гауптмана праформой, текстами предмодерна, требующими постоянной переработки, мистериально-смыслового и языкового обновления. «Бедный Генрих», таким образом, может быть истолкован как произведение времени модерна, когда на основании переосмысленных традиционных формул (в данном случае такими «формулами» можно считать ветхозаветную историю и текст Г. фон Ауэ) создается новое творение – с прежним сюжетом, но принципиально иным миропониманием.

В «Бедном Генрихе» весьма ощутимо прохождение героя через особые мистериальные этапы. В рамках статьи возможно кратко остановиться на ключевых монологах Генриха, в которых проявляется тенденция к субъективации форм сознания, явленная в начале через пласт глубоких воспоминаний, в дальнейшем приводящая к их переработке, познанию и узнаванию своего истинного Я.

С. Вьетта в своей трансцендентной типологии текстов считает главным в текстах-воспоминаниях приобретение личного опыта: «...воспоминания должны быть осмыслены, подвержены реконструкции и исправлению... поскольку функция сознания сама по себе действительна» [21; 233]. В отношении воспоминаний рыцаря Генриха можно говорить о глубоком погружении в духовные пласты своего прежнего опыта, о самовоспроизведении себя прежнего. Внутреннее мистериальное переживание приводит к первоначальному анамнезическому припоминанию, основанному на перцепционных формах сознания. Так, вначале в памяти героя всплывает «золотое время» – оно связано с Оттегебе, с бессознательным чувством к ней. Однако Генрих недоверчиво относится к прошлому, в нем нет еще силы Эроса, угадывается лишь намек на нее. Герой как бы намеренно отрекается от своих «золотых дней весны», определяя их как «damals». Данное слово подчеркивает глубинный смысл его размышлений, оно неоднократно повторяется, благодаря чему текст начинает звучать актуально, монолог не столько произносится, сколько поется. Это прекрасная музыка прошлого, которое, как считает герой, безвозвратно потеряно:

Ja, damals! damals! Wohl erinn' ich mich.....
Ja, damals, damals! Wie das Herz mir schwoll,...
entrückt aus jener goldenen Frühzeit
das Ottegebe mir, mein klein Gem.

Экзистенциальный бунт лежит в основе следующего этапа на пути мистериального самопознания Генриха. Ключевое слово данного этапа «Irrtum». Рыцарь Генрих заблуждается во всем, трагически осмысливает и суть человека, и суть мира. Гауптман неоднократно подчеркивает особый характер действий своего героя на этом этапе – он роет себе могилу. Подобный акт призван демонстрировать крайнюю степень его страданий, отречение от мира, от себя самого. В речах Генриха возникает образ безжалостного глумящегося над человеком бога, который губит глаза, на него вззирающие, разрывает сердце, желающее его любить, сокрушает даже простертые к нему руки детей. Бог смеется над людскими страданиями:

Doch dieser Gott
zerstört das Auge, das ihn sieht, zerreisst
das Herz, das ihn will lieben, und zerknickt
die Kindesarme, die sich nach ihm strecken...
<.....> Gott lacht! Gott lacht!

Между тем на мистериальной стадии «блужданий» («Irrtum») Генрих близок к постижению сути естественной религии, что заложено в самой основе экзистенциального бунта. Самовосприятие актуализируется, самоузнавание постепенно приобретает формы внятно распознаваемых знаков обновления души, герой Гауптмана начинает внутренне выстраивать себя, создавать и относительно четко представлять личное, подлинное бытие. Генрих заверяет патера Бенедикта, что бог был с ним до того момента, пока патер не пришел: своим приходом служитель церкви прогнал его:

Ich weiß, weiß, das er lebt!
Und wahrlich, er war bei mir, eh' ein Mönch
kam und ihn hier vertrieb. Ja, ja, so ist's.

Генрих бунтует против бога патера Бенедикта, того бога, кровавую жертву которому готова принести Оттегебе. Генрих предчувствует своего личного бога, ибо он бог жизни, а не смерти, бог Эроса. «Бог во мне, а я в боге... в божество верят, чтобы божеством быть», – писал Гауптман, мечтая об обновлении современной религии посредством внесения в нее значительной доли языческих умонастроений [15; 224]. Античный Христос связан с религией солнца, зримо проявляется в ее культовых обрядах [8; 413]. О подобной религии пытается рассказать Генрих патеру, он изъясняется на языке экстатически путанном, ему самому пока далеко не все ясно. Доминирует противопоставление: «тот» (официальный) бог и «этот» (личный), что оборачивается бунтом против «того», чуждого ему бога.

Генрих отрекся от прошлого, от «золотого времени» «damals», он приходит к постижению

настоящего как «заблуждения» («Irrtum»), и мистериальная задача героя на новом этапе – обрести в будущем духовный приют, кров, убежище – «Obdach». Он постоянно его ищет: сначала в шварцвальдских горах, потом в лесу, наконец, решается пойти с Оттегебе в Солерно, не догадываясь, что дорога наружного, топографического спасения в прибежище («Obdach») – мнимая, чуждая самой жизни, законам природы и самого божества. Душевное успокоение наступает только в связи с обретением благодати в спасении внутреннем, нравственно подкрепленном и жертвенном.

К понятию внутреннего прибежища («Obdach») как ключевому Гауптман вернется в автобиографическом романе «Книга страсти». Устремление к нему – это влечение к дому, теплу и уюту, это, считает Гауптман, «слова, служащие речевыми знаками для определения особых свойств душевной жизни, трансцендентальной сути вещей» [13; 78]. Такую основу и необходимо было распознать рыцарю уже Генриху. Подобное познание начинается в тот момент, когда он готов принять жертву Оттегебе, подчиниться ее решению, которому столь долго сопротивлялся, – избавиться от проказы ценою ее гибели. Между тем можно говорить о весьма осязаемом внутреннем (световом) повороте, который свершится в душе Генриха. Он определяем как эманация души, огненное самопожертвование, огненное единение с собой и миром, как внутреннее мистериальное деяние – «innerliches Weihen».

Столь сложный внутренний процесс Гауптман представляет через образ огня, который является центральным в четвертом действии. В груди Генриха полыхает ядовитое пламя, он жаждет напиться студеной воды, чтобы потушить его («*gieb mir Wasser, das ich die giftig stehenden Flammenzungen... auslöschen kann*»), но спасения от него нет, оно проникает в него изнутри. В уста Генриха Гауптман вкладывает своеобразную молитву – он просит неведомого ему пока бога потушить все муки света в дремучей темноте («*lösche alle Qual des Lichts im schwarzen Schotz*»), солнце бушует в голове, подобно клубку змей, света он боится, свет ужасает его. Огонь и свет являются важными составляющими поэтической картины Гауптмана, выявляя сложную образную символику, объяснение которой может быть дано в контексте размышлений Гауптмана об античности.

Гауптман подчеркивает, что в философии Платона его более всего привлекает идея сотворения высших богов из огня. Немецкий драматург имеет в виду диалог Платона «Тимей»,

в котором «божественный род являл взору высшую блистательность и красоту, безупречность и округлость» [7; 65]. Огонь, следовательно, являет для Гауптмана нечто совершенное, связан с солнечной религией, основу которой составляет вечное движение к свету. Так сотворяется феномен «вы-свечивания», по Гадамеру: «свет проявляет свою рефлексивную природу... происходит вы-явление... освещение себя самого... везде и во всем световые метафоры» [1; 557, 565]. Генрих и боится света, и стремится к его пламени, огненные стрелы, исходящие от Солнца, приводят к страданиям, к желанию вновь погрузиться в душевную темноту, но и пробуждают радость жизни. По Гауптману, подобное разнородное смещение, приводящее в итоге к мистериальному единению с Первоединым, и составляет сущность природной религии солнца. Огонь, ядовито жгущий, смертельно обжигает, но и внутренне очищает.

Постижение глубокого смысла солнечной религии объясняется силой любовных переживаний героя, приводящих к духовному «световому» озарению: отречение от себя есть одновременно обретение себя, восстановление распавшегося Я, световая апперцепция «вы-свечивания», «вы-явления» способствуют радостному признанию великой силы Эроса. Генрих отказывается от жертвы Оттегебе, готов погибнуть сам, но не отнять у нее жизнь. Диалектика чувств героя представлена в тексте символическими образами трех лучей. Они воспринимаются Генрихом как лучи благодати, лучи божественного милосердия («*Strahl der Gnade streite*»). Первый луч согревает душу, из нее уходит ненависть, страх, безумие. Второй луч благодати вносит в мир и в душу светлый элемент, от него звучат холмы для радости, моря для блаженства, небесный свод для счастья. К Генриху возвращаются силы, он напрягает всю свою волю, направляя ее к жизни, счастью, любви, радости, чувствует, что должен или стать здоровым, или умереть вместе с любимой. Третий луч благодати проникает в душу Генриха в тот момент, когда он понимает, что он не вправе принять жертву своей возлюбленной Оттегебе, не отдаст ее на заклятие ради собственного спасения. Третий луч милосердия позволяет Генриху ощутить всю мощь мистериальной солнечной эманации: пройдя очищение светом, ощутив возвышенный животворящий огонь солнца («*Sonnenfeuer*»), он исцелился, обрел новое бытие благодаря животворящей силе великого Эроса. Таков итог мистериального пути героя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гадамер Х. Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 699 с.
2. Жеребин А. От Виланда до Кафки. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2012. 480 с.
3. Кемпер Д. Гёте и проблема индивидуальности в культуре модерна. М.: Языки славянской культуры, 2009. 386 с.
4. Маркузе Г. Эрос и цивилизация [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://socialistica.lenin.ru/txt/m/marcuse_2.htm

5. Михайлов А. В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.xliby.ru/kulturologija/jazyki_kultury/p3.php
6. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. М.: Пушкинская библиотека, 2006. 759 с.
7. Платон. Диалоги. М.: Мысль, 2001. 654 с.
8. Burckhardt J. Griechische Kulturgeschichte. Berlin; Stuttgart: Verlag von W. Spemann, 1923. 670 s.
9. Driesch H. Philosophie des Organischen. Leipzig, 1909.
10. Fick M. Sinnenwelt und Weltseele. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1993. 395 s.
11. Gieserberg M. Gestaltende Kräfte des Dramas bei G. Hauptmann. Diss. Bonn, 1955. 450 s.
12. Guthke K. G. Hauptmann. München, 1980. 437 s.
13. Hauptmann G. Buch der Leidenschaft. Berlin: Fischer Verlag, 1962. 370 s.
14. Hauptmann G. Das Abenteuer meiner Jugend. Berlin: Fischer Verlag, 1980. 901 s.
15. Hauptmann G. Die Kunst des Dramas. Frankfurt am Main, 1963. 400 s.
16. Hauptmann G. Griechischer Frühling. Berlin: Fischer Verlag, 1962. 390 s.
17. Hauptmann G. Tagebücher 1897–1905. Berlin: Propyläen, 1987. 792 s.
18. Rohde E. Psyche. Tübingen: In zwei Bänden, 1907. 780 s.
19. Spörl U. Gottlose Mystik in der deutschen Literatur um die Jahrhundertwende. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1997. 420 s.
20. Schwede R. Wilhelminische Neuromantik. Flucht oder Zuflucht? Ästhetizistischer, exotistischer und provinzialistischer Eskapismus im Werk Hauptmanns, Hesses und der Brüder Mann um 1900. Frankfurt am Main, 1987. 345 s.
21. Vietta S. Ästhetik der Moderne. Wilhelm Fink Verlag. München, 2001. 31 s.

Sklyzkova A. P., Vladimir State University by A. G. and N. G. Stoletovy (Vladimir, Russian Federation)

ANTIQUÉ REMINISCENCES IN GERMAN LEGEND “POOR HENRICH” WRITTEN BY H. HAUPTMAN

H. Hauptmann's work “Poor Henrich” is the work of the modern time. One of the characteristic features of the modernist style is a splash of the antique worldview reflected in the play. Hauptmann is attracted by the antique idea of formation and “Sunny religion” connected with that idea. In his play, the outside line of the work is closely connected with the inside line. The girl Ottecheb is ready to sacrifice herself, to die in order to save Henrich who is dying of leprosy in great sufferings. Henrich is engulfed by inner flames when he hears the girl's moans and cries. He realizes at this time that the girl should not die or sacrifice herself. The outside and inside lines are closely connected. This connection is determined by the process of his soul's renovation and by the poetically presented image of “Fire”. The “Fire” is a symbol (natural attribute) of “Sunny religion”. It determines the movement of the soul to the “Light”. It helps Henrich's insight. Those, who are ready to sacrifice themselves for the sake of the others, deserve life, recovery, and happiness.

Key words: modern consciousness, modern mystic, metamorphosis, entelechy, soul monad, mutual correlation

REFERENCES

1. Gadamer K. H. G. *Istina i metod* [The truth and method]. Moscow, Progress Publ., 1988. 699 p.
2. Zherebin A. *Ot Vilanda do Kafki* [From Viland to Kafka]. St. Petersburg, Publishing house by N. I. Novikov, 2012. 480 p.
3. Kemper D. *Geie i problemy individual'nosti v kul'ture moderna* [Goethe and the problem of individuality in modern culture]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2009. 386 p.
4. Markuze G. *Eros i tsivilizatsiya* [Eros and civilization]. Available at: http://socialistica.lenin.ru/txt/m/marcuse_2.htm
5. Mikhaylov A. V. *Antichnost' kak ideal i kul'turnaya real'nost' XVIII–XIX veka* [The antiquity as the ideal and the cultural reality XVIII–IX]. Available at: http://www.xliby.ru/kulturologija/jazyki_kultury/p3.php
6. Nitsshe F. *Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki* [The birth of the tragedy from the spirit of music]. Moscow, The Pushkin's library Publ., 2006. 759 p.
7. Platon. *Dialogi* [Dialogues]. Moscow, The Thought Publ., 2001. 654 p.
8. Burckhardt J. Griechische Kulturgeschichte. Berlin; Stuttgart: Verlag von W. Spemann, 1923. 540 p.
9. Driesch H. Philosophie des Organischen. Leipzig, 1909.
10. Fick M. Sinnenwelt und Weltseele. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1993. 395 s.
11. Gieserberg M. Gestaltende Kräfte des Dramas bei G. Hauptmann. Diss. Bonn, 1955. 450 s.
12. Guthke K. G. Hauptmann. München, 1980. 437 s.
13. Hauptmann G. Buch der Leidenschaft. Berlin: Fischer Verlag, 1962. 370 s.
14. Hauptmann G. Das Abenteuer meiner Jugend. Berlin: Fischer Verlag, 1980. 901 s.
15. Hauptmann G. Die Kunst des Dramas. Frankfurt am Main, 1963. 400 s.
16. Hauptmann G. Griechischer Frühling. Berlin: Fischer Verlag, 1962. 390 s.
17. Hauptmann G. Tagebücher 1897–1905. Berlin: Propyläen, 1987. 792 s.
18. Rohde E. Psyche. Tübingen: In zwei Bänden, 1907. 780 s.
19. Spörl U. Gottlose Mystik in der deutschen Literatur um die Jahrhundertwende. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1997. 420 s.
20. Schwede R. Wilhelminische Neuromantik. Flucht oder Zuflucht? Ästhetizistischer, exotistischer und provinzialistischer Eskapismus im Werk Hauptmanns, Hesses und der Brüder Mann um 1900. Frankfurt am Main, 1987. 345 s.
21. Vietta S. Ästhetik der Moderne. Wilhelm Fink Verlag. München, 2001. 31 s.

Поступила в редакцию 23.11.2013

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ СОБОЛЕВкандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
*sobnick@yandex.ru***К ПРОБЛЕМЕ ПОЭТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. С. ШМЕЛЕВА***

В статье рассматривается летописное время и его формы. В тексте, стилизованном под эпистолярную прозу, летописная временная структура позволяет автору воспроизвести внутренний монолог героя. В текстах, носящих репортажный характер, художественное время уподобляется реальному: писатель встраивает образы в поток реалистично воспроизведенной жизни, благодаря этому в тексте произведения создается бытовая коллизия. В произведении, стилизованном под исторический источник, который перерабатывается творческим устремлением большого количества читателей, каждый из которых оставил в конечном тексте свой след, летописное время становится фактором соборного сотворчества. Автор посредством сложно организованной временной структуры художественного нарратива формирует восприятие и понимание художественного произведения читателем. Тексты произведений И. С. Шмелева принципиально монологичны, где автор – ведущий, а читатель – ведомый. И эта художественная особенность роднит произведения Шмелева со средневековыми учительными произведениями.

Ключевые слова: летопись, эпистолярное произведение, репортаж, записки, воспоминания, соборность, жанр, нарратив

Активно обращаться к античным и средневековым, в том числе древнерусским, литературным элементам поэтики в произведениях писателей Нового времени критики стали начиная с 20-х годов XX века. В современном литературоведении это направление является весьма продуктивным в связи с изучением многоплановой жанровой структуры литературных произведений, прежде всего второй половины XIX века – рубежа веков.

Древнерусские традиции в творчестве Шмелева стали предметом серьезного изучения О. А. Комкова [1], Н. Г. Морозова [2], Н. И. Пак [3], [4], О. В. Селянской [5], Н. И. Соболева [6] и др. Упоминание о связях поэтики Шмелева и древнерусской литературы стало в современной критике о творчестве Шмелева общим местом. В то же время практически неизученными остаются аспекты поэтики художественного времени, восходящие к древнерусской литературной традиции.

Для Шмелева художественное время было важнейшей составляющей поэтики. На протяжении всего творчества он постоянно экспериментировал с художественной формой воспроизведения пространства-времени, длительности действия, повторяемости события.

В «Записках не писателя» (1948–1949), одном из последних своих текстов, Шмелев формулирует позицию повествователя-летописца: «Я и не мыслитель. Но ободряет: сколько было мыслителей, а... что вышло! А мне-то, неммыслителю, вдруг и удастся?.. Что загадывать... просто перескажу все, а там, кому попадет эта серая

тетрадь, пусть!» (255)¹. Повествователь в художественном мире Шмелева фиксирует события, не стремясь их осмыслить, он превращается в хроникера, летописца, который рассказывает лишь о том, что видел. Действительно, во многих своих произведениях Шмелев воссоздает время, которое является длящимся, привязанным к определенному событию, случаю, где есть, так сказать, перфектная составляющая. Часто оно выражается в форме записок, пересказов. Повествователь пересказывает слышанное от приятеля или прочтенное где-то. Многие произведения имеют подзаголовки: «Добрые встрѣчи. Изъ воспоминаній о Дмитріи Ивановичѣ Тихомировѣ»; «Пряникъ. Разсказъ доктора»; «Солдаты-Кузьма. Изъ дѣтскихъ воспоминаній пріятеля», «Какъ мы летали. (Изъ воспоминаній пріятеля)», «На пенкахъ. Разсказъ бывшаго человѣка». Автор, таким образом, превращает свои произведения в цепочку летописных свидетельств. Эта художественная особенность, безусловно, сближает произведения Шмелева с древнерусскими. Впрочем, летописная временная структура имеет свои вариации.

Интересную форму летописного времени находим в романе «История любовная». Основная коллизия романа разворачивается в письмах главных героев. Тоня, подросток пятнадцати лет, под влиянием недавно прочитанных романов влюбляется в молодую женщину Серафиму. Он решает объяснить Серафиме в любви в письме, она отвечает. Так между героями завязывается переписка. Переписка Тони и Серафимы – это эпистолярная форма общения-беседы, в которой состоят оба действующие лица. Письма Серафи-

мы серы, бесцветны, даже в чем-то примитивны. Каждое письмо Тони – это обращение к «прекрасной незнакомке». В каждом новом письме герой делает для себя художественные открытия, письма Серафимы – это лишь повод, чтобы поиграть в любовь, письма Тони перерастают во внутренний монолог о творчестве, о прекрасном. В своих посланиях Тоня пишет больше, чем мог бы сказать при личной встрече, – это душевный порыв, который в эпистолярной форме преодолевает преграды бытовой зажатости, косноязычия, преодолевает быт. Таким образом, читатель становится свидетелем становления в романе духовной реальности главного героя, которая определяет художественную доминанту произведения.

В повестях и рассказах «Человѣкъ изъ ресторана», «Солдаты-Кузьма», «Какъ мы летали», «На пенькахъ», «Гасанъ и его Джеджи» образ хроникера-повествователя до предела упрощает нарратив произведения, превращая его в репортаж: вот пример из рассказа «Гасанъ и его Джеджи»:

– Ге, Ге! – одобрительно произнесъ онъ. – Хорошій ты, барина... добрый барина... Гассанъ тебѣ будетъ сказалъ... все сказалъ... Ты давалъ руку Гассанъ... Никто не давалъ руку Гассанъ. Полицей ругаль Гассанъ... Хозяинъ ругаль... всѣ ругаль, ты одинъ не ругаль...» (8)².

Пример из «Гражданина Уклейкина»:

– Уклейкину почетъ-уваженіе! Отошель!... Клади имъ!...

– Предались!... Шпана!... Дар-рмоѣды!

– Сыпь! Жарь! Качай ихъ! Во-отъ!...

Толпа подвигается вмѣстѣ съ Уклейкинымъ къ “посту”.

– Достигну!... Сыщу!... Што?... Душ-ши!... Бюшники!... Манжетники, черти!... Што-о? Пропущай!

Полицейскій стоитъ, разставивъ руки, и слѣдитъ за Уклейкинымъ, точно играетъ въ коршуны.

– Ты лучше не шкандалъ. Гуляй себѣ и не шкандалъ!

– Пропущай!.. Слово хочу! (110)³.

Такая манера изложения позволяет детализировать повествование, придать героям художественную достоверность. Лексическое своеобразие нарратива поддержано и на синтаксическом уровне, избыточном парцеллированными конструкциями. Эмфазы в парцелляциях придают речи героев спонтанность, естественность звучания, создают ощущение здесь и сейчас становящейся действительности, и, как следствие, повествование в целом становится более образительным и выразительным. В грамматике эта идея также нашла отражение, в частности в использовании аллеотета «настоящее повествование»: для изображения давно прошедших со-

бытий автор использует грамматические формы настоящего времени.

Близкое следование или точное воспроизведение времени действия создает драматическую бытовую коллизию, позволяет Шмелеву вписывать образы в поток реалистично – до мельчайших деталей в быте и идиостиле героев – воспроизведенной жизни, давая возможность идее самой раскрыться в образе (что характерно для поэтики нового реализма).

Иную художественную перспективу имеет летописное время в повести «Неупиваемая Чаша». Сюжет повести представляет собой жизнеописание главных героев – Ильи Шаронова и Анастасии Вышатовой. О сокровенных моментах жизни героев читатель узнает из «Выписи изъ меморіи рода Вышатовыхъ, листъ 24» (91)⁴ и дневника Ильи, которые благочестиво, с уклоном в житийный жанр, пересказывает повествователь [5]. Благочестивый пересказ – это, в общем-то, один из способов создания художественной условности, где главенствующую роль выполняет образ повествователя. Итак, канва произведения складывается из последовательности эпизодов, рассказанных Ильей в дневнике, о которых повествователь узнал от читавших и воспроизвел их, осмыслив еще раз.

Таким образом, в тексте произведения создается художественная условность особого рода, когда конечный текст произведения становится плодом осмыслений, редактирований, переработок исторического источника, созданного творческим устремлением большого количества читателей, каждый из которых оставил в конечном тексте свой след. Это своего рода соборное сотворчество, придающее произведению летописный и в то же время легендарный характер. Этим автор достигает особого художественного воздействия: он сосредотачивает читательское внимание на смысловых доминантах текста, в частности на этапах духовного становления главного героя повести, Ильи Шаронова. В начале повести автор изображает героя носителем традиционно христианских православных ценностей – героем жития; затем житийный план повествования сменяется социально-романным: герой представлен подвижником идеи святости русского народа; в последней части повести автор воссоздает жанр церковного предания, в котором органично переплетены художественно правдивый рассказ о духовных метаниях главного героя с событиями из церковной истории.

Итак, автор посредством сложно организованной временной структуры художественного нарратива влияет на читателя, старается сформировать его восприятие и понимание художественного произведения. В этом смысле произведение И. С. Шмелева принципиально монологично. Автор создает художественную среду, которая не благодатна для идейного эксперимента, среду, где автор – ведущий, а чи-

татель – ведомый. И эта художественная особенность роднит произведения Шмелева со средневековыми учительными текстами.

Выводы о структуре художественного времени согласуются с представлением о жанровом

своеобразии произведений Шмелева, которые характеризуются жанровым синтетизмом, объединяющим самые разнообразные литературные традиции, среди которых доминирующую роль выполняет древнерусский литературный канон.

* Издается в рамках реализации Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шмелев И. С. Свет вечный. Париж: Klincksieck, 1968. 348 с.

² Шмелев И. С. Гасан и его Джеджи. М.: Юная Россия, 1917. 50 с.

³ Шмелев И. С. Гражданин Уклейкин // Рассказы. СПб.: Знание, 1910. Т. 1. С. 109–224.

⁴ Шмелев И. С. Неупиваемая Чаша // Литературный сборник Отчизна. Симферополь: Рус. книгоиздательство в Крыму, 1919. С. 89–147.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комков О. А. Образ иконописца в русской художественной традиции: («Запечатленный ангел» Н. С. Лескова и «Неупиваемая Чаша» И. С. Шмелева) // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2001. № 1. С. 118–134.
2. Морозов Н. Г. Традиции святоотеческой духовности в повести И. С. Шмелева «Лето Господне» // Литература в школе. 2000. № 3. С. 26–31.
3. Пак Н. И. Образы святых в романе И. С. Шмелева «Пути небесные» // Макариевские чтения. Можайск, 2002. Вып. 10. С. 355–359.
4. Пак Н. И. Пути обретения России в произведениях Б. К. Зайцева и И. С. Шмелева // Литература в школе. 2000. № 2. С. 34–39.
5. Селянская О. В. Художественный мир русского православия в повести И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша» // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2001. С. 109–111.
6. Соболев Н. И. Из творческой истории повести И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 7. Петрозаводск; М.: Изд-во ПетрГУ, 2012. С. 328–342. (Серия «Проблемы исторической поэтики». Вып. 10.)

Sobolev N. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

POETICS OF TIME IN IVAN SHMELEV'S WORKS

The article discusses various forms of time in the works written by Ivan Shmelev. A particular attention is given to the perfect time, which is revealed in the writer's narrative in the form of notes and reminiscences; the epistolary time, which allows the author to reproduce the inner monologue of the protagonist; the sequential time, which is reflected in the exact likeness with the real time. The writer embeds images into the thread of a realistically reproduced life, thanks to which a phenomenon of consumer confusion is created. The time of synodic narrative appears in the author's works styled on the order of a historical source. The works were processed by the creative aspiration of a large number of readers whose personal vision can be traced in the final text. The author through a complex organization of temporal patterns of artistic narrative helps the reader to shape the perception and understanding of his art work. For this particular reason the texts written by I. S. Shmelev are predominantly based on monologues in which the author is a leader, and a reader acts as a follower. These artistic features of the text make his works congenial with medieval didactic works.

Key words: poetic of time, narrative, chronicle, sobornost, genre

REFERENCES

1. Komkov O. A. The image of the icon painter in Russian artistic traditions: ("Zapechatlennyy angel" H. S. Leskov and "Inexhaustible Cup" I. S. Shmelev) [Obraz ikonopitsa v russkoy khudozhestvennoy traditsii: ("Zapechatlennyy angel" N. S. Leskova i "Neupivaemaya Chasha" I. S. Shmeleva)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19, Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistic and cross-cultural communication]. Moscow, 2001. № 1. P. 118–134.
2. Morozov N. G. Tradition of patristic spirituality in Ivan Shmelev's novel "Leto Gospodne" [Traditsii svyatootecheskoy dukhovnosti v povesti I. S. Shmeleva "Leto Gospodne"]. *Literatura v shkole* [Literature in the school]. 2000. № 3. P. 26–31.
3. Pak N. I. The images of the saints in Ivan Shmelev's novel "Way of Heaven" [Obrazy svyatykh v romane I. S. Shmeleva "Puti nebesnye"]. *Makarievskie chteniya* [Makariievskiy chteniy]. Mozhaysk, 2002. Issue 10. P. 355–359.
4. Pak N. I. The ways of attainment of Russia in the works of B. K. Zaitsev and I. S. Shmelev [Puti obreteniya Rossii v proizvedeniyakh B. K. Zaitseva i I. S. Shmeleva]. *Literatura v shkole* [Literature in the school]. 2000. № 2. P. 34–39.
5. Selyanskaya O. V. The artistic world of Russian Orthodoxy in I. S. Shmelev's tale "Inexhaustible Cup" [Khudozhestvennyy mir russkogo pravoslaviya v povesti I. S. Shmeleva "Neupivaemaya Chasha"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Scientific journal of Tambov State University. Ser.: Humanities]. Tambov, 2001. P. 109–111.
6. Sobolev N. I. From the history of creation of I. S. Shmelev's tale Inexhaustible cup [Iz tvorcheskoy istorii povesti I. S. Shmeleva "Neupivaemaya Chasha"]. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The problems of historical poetics. Vol. 10: The gospel text in Russian literature of 18th–19th centuries: quote, reminiscence, motive, plot, genre. Vol. 7]. Petrozavodsk; Moscow, PetrSU Publ., 2012. P. 328–342.

Поступила в редакцию 07.11.2014

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА ПЕКШИЕВА
старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской
филологии филологического факультета, Петрозаводский
государственный университет (Петрозаводск, Российская
Федерация)
marpek@sampo.ru

МУЗЫКА В ЖИЗНИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО И ЕЕ МЕСТО В ПОВЕСТИ «САЛАМАНДРА»

В период романтизма одной из отличительных черт была «музыкальность» прозы, прежде всего наличие в ней стихотворений или песен, это характерно и для повести В. Ф. Одоевского «Саламандра» (1844). Песни в произведении поются под кантеле, взятого писателем из эпоса «Калевала». Эльса, главная героиня, представительница финской нации, приближена к идеальному типу, постигающему истину. Она дитя природы, дикарка, которая наделена творческим началом – играет и поет. Героиня, ее песни и инструмент так гармоничны, что их трудно отделить друг от друга. На кантеле у Одоевского играет также старик Руси и ветер, все это создает настроение произведения. Обращаясь к финской культуре, писатель расширяет и углубляет мнение о том, что поэтическое начало полнее и глубже всего проявляется именно в музыке. Музыка больше, чем другие виды искусства, способна передать внутренний мир человека.

Ключевые слова: романтизм, Одоевский, «Саламандра», музыка, кантеле, финны, «Калевала»

Представитель русского романтизма князь В. Ф. Одоевский на протяжении всей жизни увлекался музыкой, ее он считал «высшей сферой человеческого искусства» [15; 121]. Н. Котляревский описывает жизнь Одоевского в музыкальном ключе: «Всякая житейская мелодия слышалась ему всегда сыгранной октавой выше» [9; 137]. Одоевский, созерцая жизнь и раздумывая над ней, предпочитал обходить стороной обыденное, которое существует в нашей жизни и от которого надо уметь «отрешиться и спешить уловить то, что за ним кроется» [9; 137]. Музыку Одоевский любил с детства. Он был «прекрасным исполнителем, композитором, музыковедом», – отмечает О. Д. Голубева. Он сочинял мелодии к произведениям И. А. Крылова, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова. Он писал вальсы и колыбельные. Музыка для Одоевского – это «язык невыразимых словами чувств» [2; 41]. Многие зарубежные дирижеры и композиторы, посещавшие в то время Петербург, встречались с писателем. Среди них Р. и К. Шуманы, Ф. Лист, Г. Берлиоз и Р. Вагнер. Благодаря музыке Одоевский становится другом М. И. Глинки. Он поддерживает и защищает его творчество, а также других русских музыкантов – А. С. Даргомыжского, А. Г. Рубинштейна, М. А. Балакирева. Он внимательно изучает музыкальные произведения, пишет отзывы [2; 42–47]. А. П. Пятковский констатировал, что Одоевский ушел из жизни, рассуждая в бреду о музыке [16].

Музыка – это искусство, которое, по мнению А. Ф. Лосева, не называя сами предметы, повествует «именно об их возникновении, их расцвете и их гибели», это «сама процессуальность жизни», что в других искусствах представлено лишь «неподвижными формами» [10; 325]. Самое главное в музыке – изображение не «устой-

чивой образности», а самой «стихии становления жизни» [10; 325]. Е. А. Маймин указывает на свойственные Одоевскому убеждения, что поэтическое начало проявляется именно в музыке полнее и глубже всего. Человеку присуще стремление выразить себя, и музыка больше, чем другие виды искусств – литература, живопись, скульптура, способна передать «самое глубокое в человеке» [11; 273]. Исследуя философский роман Одоевского «Русские ночи», Е. А. Маймин пишет, что в самых значимых местах повествования писатель «стремится придать слову возможно более музыкальный характер и форму». Новеллы «Последний квартет Бетховена» и «Себастьян Бах» посвящены великим музыкантам. Именно «в них заключена идейная кульминация романа». Бетховен и Бах «являются героями, в наибольшей степени отвечающими идеалу В. Одоевского» [11; 273].

Цель нашей работы – изучить «музыкальное» в повести В. Ф. Одоевского «Саламандра», которую финский поэт и фольклорист К. А. Готлунд считал «наиболее значительной из всех переведенных в его газетах произведений русских авторов» [7; 292]. Я. К. Грот писал о финнах, что песня – это «главный и почти единственный памятник» их «древней самобытной образованности» [3; 109]. Главная героиня «Саламандры» Эльса, представляющая финскую нацию, очень музыкальна, и ее можно приблизить к идеальному типу, так как она, по мнению М. Турьян, способна «проникать духовным взором в тайны мироздания» [17; 319]. Пение Эльсы и упоминание о финском народном инструменте являются одним из главных элементов характеристики героини. Финка, ее песни и инструмент так гармоничны, что их трудно отделить

друг от друга. Все вкупе и составляет финский характер, передает колорит северного народа. Н. А. Янчук пишет, что Одоевский считал важным заниматься «записыванием древних напевов с голосов народа», которые должны сохраниться «в глухих, захолустных местах в слухе народном в их исконном, самобытном виде» [19; 12]. А. Ф. Кони также отмечал, что для Одоевского музыка – это не только удовольствие или отрасль серьезных знаний, это также «средство для сохранения ярких признаков народности», когда человек становится способен перейти от «ощущений повседневной житейской прозы, вызываемых видимым и осязательным, в область невидимого, возвышенного и вечного» [8; 94].

Истории героинь Одоевского – Эльсы в «Саламандре» и Магдалины в «Себастьяне Бахе» – связаны с музыкой. У жены Баха Магдалины через сорок лет «пробудилась при родных звуках» [15; 128] ее итальянская кровь, она вспомнила песни своей матери. Эльса, находясь в Петербурге, не может забыть своей родины. Она «скована во всех движениях, не смеет поднять головы, не смеет пошевелиться, едва смеет курнычать свои печальные финские напевы»:

Плачет девушка в долине,
Плачет – только вполонину,
Вполонину веселится,
Пеньем вечер сокращает
До заката, в ожиданье,
Что найдет она супруга,
Что жених ее обнимет [14; 282].

В доме Зверева у Эльсы не было с собой музыкального инструмента, она вспоминала, как Вайнемейнен «из щучьих ребер сделал себе кантеле, как не знал, откуда взять колки и волос на струны, и в забыты напевала»:

Подари мне дар, девица!
С головы один дай локон,
Пять волос мне поднеси ты,
Дай шестой еще вдобавок,
Чтоб у арфы были струны,
Чтобы звуки получило
Вечно юное веселье [14; 282].

Кантеле и сампо – два удивительных предмета, которые присутствуют в «Калевале», сампо одно, кантеле два. По мнению Лённрота, сампо должно было обеспечить материальное благосостояние, кантеле – символ духовного умиротворения. Они как будто являются двумя половинками одного целого [20; 65]. У Одоевского «Сампо ушло в землю и заплыло камнем, а на земле осталась только кантеле» [14; 248]. Финские исследователи повествуют, что в звучании кантеле есть уникальная, таинственная мощь, внутренняя сила, которая заставляет скалы рушиться, вселенную дрожать, природу слушать, а слушателей плакать от радости – большего прославления искусства на финском языке не создано [20; 12].

В начале повести при описании места обитания финской семьи мы замечаем на стене «кантеле, народный финский инструмент, похожий на лежачую арфу с волосяными струнами, – вот все, чем украшалось бедное жилище рыбака» [14; 246]. Кантеле еще не издает звука, но, видимо, по Одоевскому, не может не украсить избушку. В своих дорожных заметках Элиас Лённрот отмечает, что кантеле можно было найти на стене в каждом доме [21; 97]. Примечательно, что в музыкальном словаре А. Гарраса, который в свое время исправил и дополнил Одоевский, мы встречаемся с подобным определением кантеле: «финский струнный инструмент, род лежачей арфы или гуслей» [6; 68]. У кантеле в истории культуры ни с чем не сравнимая сила. Вайнемейнен и его инструмент стали известны 200 лет назад, после чего воплотились в образы многих письменных и художественных произведений искусства [20; 15]. Именно «Калевала» сделала кантеле на веки вечные национальным инструментом Финляндии. До сих пор кантеле Вайнемейнена – символ финского идентитета [20; 59].

В «Саламандре» первым рождает звук кантеле ветер: «Ветер свистал в волоковое окно, некрепко припертое, иногда пробегал по струнам кантеле, и струны печально, нестройно звучали...» [14; 246]. Благодаря появившемуся звуку писатель погружает нас в атмосферу суровой природы и придает определенный настрой своей повести. В цитате как будто есть музыкальная интонация, сцепляющая звуки с чувствами.

В. М. Жирмунский пишет, что иногда в прозе, «как и в свободном стихе, наличествуют признаки ритмической организации» [4; 103], что кажется уместным рассмотреть и у Одоевского. Читая об игре ветра на кантеле, мы чувствуем определенный ритм или музыку. Обычно для поэта важно не только значение слова, но и звук. Часто звучание «аккомпанирует основному значению, выраженному в словах текста» [5; 90]. «Ветер свистал в волоковое окно, некрепко припертое...»: несколько раз повторяются звуки «в», «э», «о», «к-р», «п-р», «с-т-р». Благодаря им мы слышим ветер, который цепляет, как будто пальцами, струны. В. Е. Холшевников замечает, что в прозе, в отличие от стихотворной речи, все эти явления ощущаются не настолько сильно, они не упорядочены и не организованы. Ритмической прозой практически невозможно написать целое произведение, она появляется лишь «в наиболее эмоциональных частях текста» [18; 5–6] и более распространена в романтической литературе XIX века [4; 108].

Н. Я. Берковский пишет, что романтики создают образ героя через лирику и музыку. «Персонажам романтиков достаточно сыграть музыку, свою или чужую, чтобы дать знать о себе, кто они такие» [1; 55]. После ветра финский инструмент попадает в руки старика Руси. Под звуки кантеле он любил рассказывать финские

истории. «Помнишь, дедушка, об рождестве, ты, подыгрывая на кантеле, распевал нам об нашей земле и о том, как о ней спорят калевы с пахиолами...» [14; 247], – говорит Эльса.

Известно, что романтики полемически относились к литературе, описывающей характеры. Они считали, что характеры «стесняют личность, ставят ей пределы, приводят ее к некоему отвердению» [1; 55]. Для той эпохи важен характер вместе с душой. В душе – возможности человека, в характере – его действительность. Музыка раскрывает характер главной героини произведения Эльсы и ее связь со своим народом. Находясь дома, в своей деревушке, финка выходила на дорогу, «перебирала пальцами по кантеле, пела старинные песни о финском сокровище Сампо и приплясывала» [14; 261]. М. Турьян отмечает, что чухонке понятен язык древних, потому что у нее максимально сохранились элементы первобытного сознания [17; 320].

По Е. М. Мелетинскому, психика человека использует мифы и обряды «главным образом в плане приспособления индивида к социуму», миф гармонизирует отношения человека с «природным окружением» [12; 170]. А. В. Мешко считает, что миф в свое время «определял мировоззренческую модель мира и место человека в нем», а чтобы поддерживать свои представления о мире, о нормах жизни людей, человеку нужен был ритуал, «реактуализирующий эти представления и парадигмы поведения» [13; 508]. Музыка и музыкальным инструментам отводится в ритуале важная роль. Воспринимая звук, человек познает мир, а его воспроизведение дает возможность в ритуальных действиях «реализовать мифологизированное представление о мироздании» [13; 508]. Можно выделить два назначения музыкального инструмента в мифе: игра нужна для восстановления гармонии в мире и согласия в людях; второе – игра является защитой от враждебных сил [13; 510]. Когда Эльса дома, игра дополняет гармонию, в Петербурге в доме Зверева у нее нет с собой инструмента, она бессознательно защищает себя песней. Необходимо уяснить следующее: существуют понятия «музыкальный» и «антимузыкальный» мир. Об этом говорит Берковский, когда пишет о творчестве Э. Т. А. Гофмана, в котором Одоевский видел гениального изобретателя чудесного. Гофман под музыкальной стихией подразумевает «слитность и целостность

мировой жизни», «в музыке оглашается тайна, скрытая в недрах космоса» [1; 478]. Музыка – это песня природы: деревьев, зверей, воды, камней, цветов. «Природа сама себя как бы положила на музыку, а вот общественные и политические отношения людей музыке враждебны» [1; 479]. «Цивилизация антимузыкальна» [1; 490], для нее важны стандарты, она не спасение, природа же, как музыка, это вечное самообновление.

Героиня «Саламандры» Эльса – дитя природы, дикарка, которая не воспринимает цивилизованный мир, поэтому ее Одоевский наделяет творческим началом: она поет, играет на музыкальном инструменте, она подобна калевальской плакучей березе, из которой Вяйнемейнен потом сделает кантеле, чтобы вновь появилась в мире музыка. Якко не способен слышать музыку, он «сподвижник Петра I», его сознание «отравлено трихинами буржуазной цивилизации», он лишь жаждет «приумножить свои богатства» [17; 317]. Он не берет в руки кантеле, не поет родных песен.

Сам писатель придавал большое значение музыке в общественной жизни. В своем дневнике он упоминает о разговоре с императрицей, в котором сообщается, что музыка – это «мощное нравственное и умиротворяющее средство», она отвлекает от политических событий [2; 43]. Известно, что особым образом Одоевский относился к вокальной музыке и органу. От А. Ф. Кони мы узнаем, что он изобрел новый инструмент – энгармонический клавесин и сам любил играть на органе [8; 95]. Музыка для Одоевского выше искусства, она неземное создание, она вводит человеческую душу в мир божественный, в ней «человек забывает о бурях земного странствования» [19; 8].

Таким образом, музыка у Одоевского воплощается в повести в песнях и игре на музыкальном инструменте. Она раскрывает характер героев, передает их настроение. Кантеле – уникальный музыкальный инструмент, на котором Одоевский дает поиграть даже ветру. Благодаря такого рода описаниям мы можем говорить о ритмичности, проявляющейся в «Саламандре». Музыка – это также ритуал, который помогает забыть проблемы и восстанавливает гармонию. Она по сути своей ближе к природе, чем к цивилизации. Музыку можно сравнить именно с жизнью, так как она, в отличие от других видов искусства, может быть представлена лишь в процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л.: Худож. лит., 1973. 568 с.
2. Голубева О. Д. В. Ф. Одоевский. СПб., 1995. 192 с.
3. Грот Я. К. О финнах и народной поэзии // Труды Я. К. Грота. Из скандинавского и финского мира. СПб., 1898. С. 100–148.
4. Жирмунский В. М. О ритмической прозе // Русская литература. 1966. № 4. С. 103–114.
5. Журавлев А. П. Звук и смысл: Кн. для внеклассного чтения (VIII–X кл.). М.: Просвещение, 1981. 160 с.
6. Карманный музыкальный словарь. Музыкальная терминология А. Гарраса, исправленная и умноженная В. Ф. Одоевским и др. М.: Музыкальный сектор, 1930. 133 с.

7. Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия, 1800–1850. Таллинн, 1962. 343 с.
8. Кони А. Ф. Князь Владимир Фёдорович Одоевский // Собрание сочинений. Т. 6. М.: Юрид. лит., 1968. С. 76–105.
9. Котляревский Н. Старинные портреты. СПб., 1907. 457 с.
10. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
11. Маймин Е. А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. С. 247–273.
12. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 408 с.
13. Мешко А. В. Музыкальные инструменты в мифологии. Особенности формирования образа кантеле в карело-финском эпосе // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 508–517.
14. Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. М., 1988. 382 с.
15. Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 327 с.
16. Пятковский А. П. Князь В. Ф. Одоевский // Из истории нашего литературного и общественного развития. СПб., 1889. С. 302–303.
17. Турьян М. Странная моя судьба. М.: Книга, 1991. 398 с.
18. Холшевников В. Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение. Л.: ЛГУ, 1972. 75 с.
19. Янчук Н. А. Князь В. Ф. Одоевский и его значение в истории русской церковной и народной музыки. М., 1906. 19 с.
20. Jalakanen P., Laitinen H., Tenhunen A. L. Kantele. SKS, Helsinki, 2010. 512 s.
21. Turunen A. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Lappeenranta: Karjalan kirjapaino OY, 1979. 416 s.

Pekshieva M. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MUSIC IN V. F. ODOEVSKY'S LIFE AND ITS PLACE IN TALE "SALAMANDRA"

This article considers "musicality" of the story "Salamandra" (1844), its Finnish tunes, and singing to the kantele. It was an established tradition to write prose inserting poems or songs into it in the period of romanticism. V. F. Odoevsky also employed this writing technique. In his works, songs are sung to a kantele, which is a wonderful instrument taken by the writer from the epos "Kalevala". Odoevsky creates an image of the main character through lyrics and music. Elsa, a representative of the Finnish nation, is presented as an ideal type of a person comprehending the truth. She is a child of nature, the savage who doesn't perceive the civilized world. She is a creative person, she plays and sings. The Finnish woman with her songs and a musical instrument is very harmonious. It is difficult to separate them from each other. These components all together make up a Finnish character, give color to the northern people. The old man Rusi and the wind also play the kantele in Odoevsky's novel instilling by this a rather special mood to the work. Writing about Finnish culture and poetry, the writer expands and deepens his conviction that a poetic beginning of the work is better revealed through music. Music is more capable than other types of art, it can tell about the inner world of a man.

Key words: Romanticism, Odoevsky, "Salamandra", music, kantele, the Finns, "Kalevala"

REFERENCES

1. Berkovskiy N. Ya. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Leningrad, Khudozh. lit. Publ., 1973. 568 p.
2. Golubeva O. D. *V. F. Odoevskiy* [V. F. Odoevskiy]. St. Petersburg, 1995. 192 p.
3. Grot Ya. K. About Finns and National Poetry [O finnakh i narodnoy poezii]. *Trudy Ya. K. Grota. Iz skandinavskogo i finskogo mira*. St. Petersburg, 1898. P. 100–148.
4. Zhirmunskiy V. M. About Rhythmic Prose [O ritmicheskoy proze]. *Russkaya literatura*. 1966. № 4. P. 103–114.
5. Zhuravlev A. P. *Zvuk i smysl: Kn. dlya vneklassnogo chteniya (VIII–X kl.)* [Sound and meaning: the book for home reading (VIII–X gr.)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1981. 160 p.
6. *Karmannyi muzykal'nyy slovar'. Muzykal'naya terminologiya A. Garrasa, ispravlennaya i umnozhenaya V. F. Odoevskim i dr.* [Pocket Musical Dictionary. The Musical Terminology of A. Garras. Corrected and Increased by V. F. Odoevsky]. Moscow, Muzykal'nyy sector Publ., 1930. 133 p.
7. Karkhu E. G. *Finlyandskaya literatura i Rossiya, 1800–1850* [The Finnish Literature and Russia]. Tallinn, 1962. 343 p.
8. Koni A. F. Prince Vladimir Fyodorovich Odoevsky [Knyaz' Vladimir Fedorovich Odoevskiy]. *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 6. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1968. P. 76–105.
9. Kotlyarevskiy N. *Starinnye portrety* [Ancient Portraits]. St. Petersburg, 1907. 457 p.
10. Losev A. F. *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 525 p.
11. Maymin E. A. Vladimir Odoevsky and His Novel "Russian Nights" [Vladimir Odoevskiy i ego roman "Russkie nochi"]. *Odoevskiy V. F. Russkie nochi* [Odoevsky V. F. Russian Nights]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. P. 247–273.
12. Meletinskii E. M. *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 408 p.
13. Meshko A. V. Musical Instruments in Mythology. Features of Kantele Image Formation in Karelian-Finnish Epos [Muzykal'nye instrumenty v mifologii. Osobennosti formirovaniya obraza kantele v karelo-finskom epose]. *"Kalevala" v kontekste regional'noy i mirovoy kul'tury* ["Kalevala" in the context of regional and worldwide culture]. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN, 2010. P. 508–517.
14. Odoevskiy V. F. *Povesti i rasskazy* [Stories]. Moscow, 1988. 382 p.
15. Odoevskiy V. F. *Russkie nochi* [Russian Nights]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 327 p.
16. Pyatkovskiy A. P. Prince V. F. Odoevsky [Knyaz' V. F. Odoevskiy]. *Iz istorii nashego literaturnogo i obshchestvennogo razvitiya* [From the history of our literary and social development]. St. Petersburg, 1889. P. 302–303.
17. Tur'yan M. *Strannaya moy sud'ba* [My Strange Destiny]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 398 p.
18. Kholshchevnikov V. E. *Osnovy stikhovedeniya. Russkoe stikhoslozhenie* [Fundamentals of Prosody. Russian Versification]. Leningrad, LGU Publ., 1972. 75 p.
19. Yanчук N. A. *Knyaz' V. F. Odoevskiy i ego znachenie v istorii russkoy tserkovnoy i narodnoy muzyki* [Prince V. F. Odoevsky and His Value in the History of the Russian Church and Folk Music]. Moscow, 1906. 19 p.
20. Jalakanen P., Laitinen H., Tenhunen A. L. Kantele. SKS, Helsinki, 2010. 512 s.
21. Turunen A. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Lappeenranta: Karjalan kirjapaino OY, 1979. 416 s.

Поступила в редакцию 26.09.2013

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ДРУЖИНИН

доктор экономических наук, доцент, заведующий отделом моделирования и прогнозирования регионального развития, Институт экономики Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
pdruzhinin@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ НА ЗАГРЯЗНЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ*

Исследуется влияние развития экономики региона на окружающую среду. Для выделения влияния структурных сдвигов и модернизации производства вводится понятие нейтрального экологического прогресса и строятся формулы для его оценки. Для Республики Карелия проведено исследование взаимосвязи экономических и экологических показателей и построены модели, описывающие это взаимодействие. Проведены расчеты влияния структурных сдвигов по двум видам загрязнений – выбросам в атмосферу и сбросам сточных вод. Расчеты по двухфакторным функциям показали, что влияние природоохранных инвестиций часто невелико и не может объяснить реальное уменьшение воздействия на окружающую среду. Расчеты по экономике Карелии проводились при выделении трех секторов, два из которых имеют наибольшие выбросы загрязняющих веществ в атмосферу – производство бумаги и добыча полезных ископаемых. Показано влияние структурных сдвигов на динамику экологических показателей, отражающих загрязнение окружающей среды. Выявлена определяющая роль структурных сдвигов в снижении загрязнений в 2000-е годы. Определено влияние модернизации в производстве бумаги и добыче полезных ископаемых на динамику загрязнений.

Ключевые слова: регион, инвестиции, модель, структурные сдвиги, модернизация, окружающая среда, выбросы в атмосферу

Введение. Развитие экономики оказывает значительное влияние на состояние окружающей среды. С ростом производства может увеличиваться нагрузка на природу при росте традиционных отраслей, а изменение структуры экономики, вытеснение промышленности сферой услуг может привести к снижению уровня загрязнений. В статье предложена методика оценки влияния структурных сдвигов на динамику загрязнений воздуха и поверхностных вод и проведены расчеты на примере Республики Карелия.

Исследования факторов, влияющих на загрязнение окружающей среды, проводились в различных странах. Разнообразие полученных результатов объясняется особенностями стран и регионов и большим количеством исследуемых загрязняющих веществ. В большинстве работ было показано, что изменение загрязнений в первую очередь зависит от изменения объемов производства, структурных сдвигов и технологических изменений, причем последнее часто является определяющим. Приведенные в [13] результаты исследований панельных данных по китайским регионам выявили, что за счет изменения технологий выбросы SO_2 выросли менее чем на 30 % при увеличении объемов производства в 2,5 раза. Влияние такого фактора, как модернизация, было отмечено и в исследованиях на данных Испании. В [17] было показано, что модернизация в разной степени компенсировала рост масштабов производства для разных видов загрязнений, а для выбросов SO_2 – полностью. В [16] была построена аналитическая модель, по-

казывающая, что именно технический прогресс дает эффект снижения выбросов с развитием экономики, что описывается экологической кривой Кузнецца, представляющей перевернутую U-образную кривую. В соответствии с экологической кривой Кузнецца до определенного момента при росте объемов производства растут и выбросы, а затем они снижаются, несмотря на продолжающийся рост производства. В [10], [12] на реальных данных было показано влияние инноваций и структурных сдвигов.

В России только для примерно двадцати регионов активная модернизация производства и изменение структуры экономики привели к тому, что связь ВРП и выбросов загрязняющих веществ описывается экологической кривой Кузнецца [4], [5]. Бурный рост сферы услуг и сокращение доли промышленности, являющейся основным загрязнителем, обеспечили значительную часть снижения нагрузки на окружающую среду в российских регионах в 2000-х годах [1], [5]. В отдельных работах было показано, что кроме ВРП на душу населения, структурных и технологических различий на форму зависимости влияют и другие факторы, прежде всего разный уровень цен на топливо, энергию и в энергетике и воздействие внешних шоков [11]. Несколько иные результаты получились для канадских регионов. Расчеты, проведенные в [14], показывают, что для канадских регионов зависимость загрязнений от ВРП отсутствует, но есть зависимость от численности населения и технологий, а также доли индустрии, доли экспорта, доли импорта, цены сырой нефти и некоторых других факторов.

Для исследования влияния различных факторов на динамику загрязнений предлагалось множество моделей, из которых в настоящее время чаще используется STIRPAT, которая позволяет оценивать степень влияния отдельных факторов на уровень загрязнений [9], [15], [18]:

$$Z(t) = A \times N^\alpha(t) \times Y^\beta(t) \times T^\gamma(t), \quad (1)$$

где $Z(t)$ – исследуемый экологический показатель (выбросы загрязняющих веществ в атмосферу в целом и по видам, выбросы парниковых газов, сброс сточных вод, образование токсичных отходов и др.), $Y(t)$ – показатель, характеризующий степень развития экономики (ВВП или ВРП на душу населения), $N(t)$ – численность населения, $T(t)$ – технологический уровень, α , β , γ – константы, t – год. Технологический уровень обычно определяется через величину удельных выбросов.

Методика. Для оценки влияния структурных сдвигов в экономике на загрязнения необходимо выделить сектора экономики по степени влияния на окружающую среду и вывести формулы, позволяющие рассчитать данное влияние. Для анализа факторов, влияющих на динамику загрязнений, были предложены двухфакторные функции загрязнения и трехфакторные экологические инвестиционные функции, связывающие экономические и экологические показатели и дополняющие функцию (1). Первоначально строились линейная и мультипликативная зависимости, затем более сложные функции [3].

При построении функций выделялось три группы факторов: $U_1(t)$ – факторы, отражающие развитие экономики и, как правило, отрицательно влияющие на окружающую среду (кумулятивные инвестиции в экономику, инвестиции в новое строительство, ВВП, ВРП или другие показатели); $U_2(t)$ – факторы, отражающие природоохранную деятельность и положительно влияющие на окружающую среду (природоохранные основные фонды, кумулятивные инвестиции в охрану окружающей среды в целом и по видам, текущие затраты на охрану окружающей среды или другие показатели); $U_3(t)$ – факторы, отражающие изменение действующего производства и, как правило, положительно влияющие на окружающую среду (инвестиции в модернизацию производства или другие показатели). В уравнение включается по одному фактору из группы.

Для исследования эколого-экономических процессов были использованы факторные эластичности ε , являющиеся логарифмическими производными по факторам, они показывают, на сколько процентов изменится исследуемый показатель, если соответствующий фактор вырастет на 1 %. Параметры ε_1 , ε_2 и ε_3 можно определить как эластичности загрязнения по фактору, определяющие степень его влияния. Они могут зависеть от отдельных факторов или времени в зависимости от вида функций. Для мультипликативной функции они постоянны:

$$Z(t) = A(t) \times U_1^\mu(t) \times U_2^{-\eta}(t), \quad (2)$$

$$Z(t) = A(t) \times U_1^\mu(t) \times U_2^{-\eta}(t) \times U_3^\nu(t), \quad (3)$$

где $\mu = \varepsilon_1$ – как правило, положительный параметр, отражающий влияние роста экономики; $-\eta = \varepsilon_2$ – параметр отрицательный, поскольку с ростом природоохранных показателей загрязнения снижаются; $\nu = \varepsilon_3$ – обычно отрицательный, поскольку модернизация ведет, как правило, к снижению загрязнений; $A(t)$ – коэффициент, зависящий от времени, t – год. В функции (2) $A(t)$ отражает влияние модернизации и структурных сдвигов, в функции (3), если в качестве третьего фактора используются инвестиции в модернизацию, то только структурных сдвигов.

Для определения $A(t)$ представим экономику региона как сумму нескольких секторов, каждый из которых также описывается формулой (2) или (3), причем сектора существенно различаются по воздействию на окружающую среду. Для удобства прогнозирования лучше всего выделить сектора с высоким уровнем загрязнений или максимальной долей загрязнений. По аналогии с производственными функциями вводим понятие нейтрального экологического прогресса, который отражает влияние прочих факторов и связан с изменением уровня загрязнения, не зависящим от исследуемых факторов $U_1(t)$ и $U_2(t)$. Он определяется через зависимость от времени $A(t) = A_1 \times \exp(p \times t)$, где p – темп нейтрального экологического прогресса, или интенсивность структурных сдвигов и модернизации производства, A_1 – константа [3]. Параметр p определяется в ходе расчетов, он обычно отрицателен, поскольку растет доля сферы услуг и структурные сдвиги ведут к снижению уровня загрязнений. Основное влияние на нейтральный экологический прогресс оказывают структурные сдвиги и технологические изменения в отдельных секторах экономики.

Воспользуемся разложением параметров производственных функций и аналогично работе [2] выведем для функции (2) уравнение, позволяющее разложить темп нейтрального экологического прогресса p на две составляющие при независимости факторных эластичностей. Одна из них является суммой соответствующих темпов секторов p_i с весами по доле загрязнений, отражая активность модернизации в секторах. Вторая отражает активность структурных сдвигов через разницу в темпах изменения факторов, факторные эластичности и долю секторов в загрязнении:

$$p = \sum_i p_i \times \frac{Z_i(t)}{Z(t)} + \varepsilon_0, \quad (4)$$

$$\varepsilon_0 = \sum_i (\varepsilon_{1,i} \times (I_{1,i} - I_1) + \varepsilon_{2,i} \times (I_{2,i} - I_2)) \times \frac{Z_i(t)}{Z(t)},$$

где $Z(t)$ – исследуемый экологический показатель, I_1 – логарифмическая производная экономического показателя, I_2 – логарифмическая

производная природоохранного показателя, t – год, i – сектор. Параметры ε и p определяются при расчетах функции (2) по секторам. Аналогичные, но более сложные уравнения можно построить и для функции (3).

По функциям (2) и (3) проводились расчеты по РФ, отдельным регионам и секторам за 1990–2012 годы, регрессионные уравнения строились на основе метода наименьших квадратов после содержательного анализа графиков показателей, исследования их возможных взаимосвязей, определения лагов. Формула (4) верна при определенных ограничениях, иногда требовалось использовать более сложные функции с факторными эластичностями, зависящими от факторов. Тогда удобно рассматривать нейтральный экологический прогресс по факторам отдельно. В одном случае вводится эквивалентный снижению выпуска нейтральный экологический прогресс, что означает рост экологичности производства, снижение удельных выбросов на единицу объема производства. В другом случае вводится эквивалентный росту природоохранных инвестиций нейтральный экологический прогресс, что означает рост эффективности природоохранных инвестиций.

Данные. Расчеты по уравнениям (2)–(4) по оценке влияния структурных сдвигов и отдельных секторов на изменение выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и сброс сточных вод в поверхностные водоемы проводились по данным РК за 1990–2012 годы, которые брались из статистических справочников ФСГС [7], [8]. Иногда данные за 1990–1995 годы отбрасывались из-за неточности оценок статистических показателей и особенностей развития российской экономики в эти годы. Основными проблемами при проведении расчетов по региональным данным были сильные колебания природоохранных инвестиций, значительный лаг между водоохранными инвестициями и изменением сбросов загрязненных вод, недоступность данных, если в отрасли только одно крупное предприятие, сложность построения рядов сопоставимых данных при частых изменениях методик, в частности после перехода от учета по отраслям к учету по видам деятельности [3]. Выбор факторов и вида зависимости определялся доступностью данных, вместо некоторых факторов приходилось использовать близкие по смыслу, в частности сложно получить статистические данные по стоимости природоохранных фондов, особенно в разрезе отраслей. В таком случае использовались кумулятивные инвестиции.

Расчеты по двухфакторным функциям (2) показали, что влияние природоохранных инвестиций обычно невелико и не может объяснить реальное уменьшение воздействия на окружающую среду. Экономический рост, как правило, приводит к ухудшению экологических характеристик, которое не могут компенсировать

природоохранные инвестиции. Использование только двух факторов (ВРП и кумулятивных природоохранных инвестиций) часто дает недоверенные результаты и низкие статистические характеристики. В результате расчетов для Карелии по выбросам в атмосферу было получено, что отражающий влияние экономического роста показатель $\mu = \varepsilon_i$ отрицателен, что говорит об активных структурных сдвигах. Аналогичная ситуация возникает и для сбросов сточных вод. Получилось, что выбранные два фактора не объясняют динамику загрязнений, необходимо учитывать влияние структурных сдвигов.

Проведенный анализ экономических данных за 1990–2012 годы показал, что в РК, как и в РФ, происходили значительные структурные сдвиги, в середине 1990-х годов началась модернизация экономики, в 2000-х годах стали активнее строиться новые объекты на принципиально новой технологической основе, поскольку модернизация устаревших производств стала малоэффективна. Все эти изменения сказывались на эколого-экономических процессах, и их необходимо отразить в строящихся функциях [5].

На рис. 1 представлен график зависимости выбросов в атмосферу от ВРП Карелии (сплошная линия). На графике выделяются два периода – до 1998 года оба показателя падают, с 1999 года выбросы в атмосферу продолжают снижаться при росте ВРП. Подобную зависимость можно описать одним уравнением, лишь вводя нейтральный экологический прогресс [4].

Графически влияние нейтрального экологического прогресса представлено на рис. 1 и 2. Пунктирной линией показана динамика загрязнений, пересчитанная при условии, что для выбросов в атмосферу темп нейтрального экологического прогресса составляет примерно -4% (см. рис. 1). Пересчет осуществлялся умножением на $\exp(-0,04 \times t)$. Фактически предполагается, что за счет структурных сдвигов и модернизации выбросы в атмосферу ежегодно снижаются примерно на 4% . При таком темпе с 1994 года существует четкая зависимость динамики загрязнений от ВРП. Исходя из графика, можно предположить, что влияние природоохранных инвестиций невелико, динамика ВРП хорошо объясняет основную тенденцию. Для сбросов сточных вод анализ данных привел к выводу, что темп нейтрального экологического прогресса должен составить примерно -1% с середины 1990-х годов (см. рис. 2).

Расчеты. По рисункам видно, что при определенном темпе нейтрального экологического прогресса динамика загрязнений описывается одной функцией почти за весь период. Проведенные расчеты для РК в целом по формуле (2) по выбросам в атмосферу с 1998 года показали, что в соответствии с полученными результатами рост экономики на 1% увеличивает выбросы на $0,26\%$, рост инвестиций в охрану атмосферного

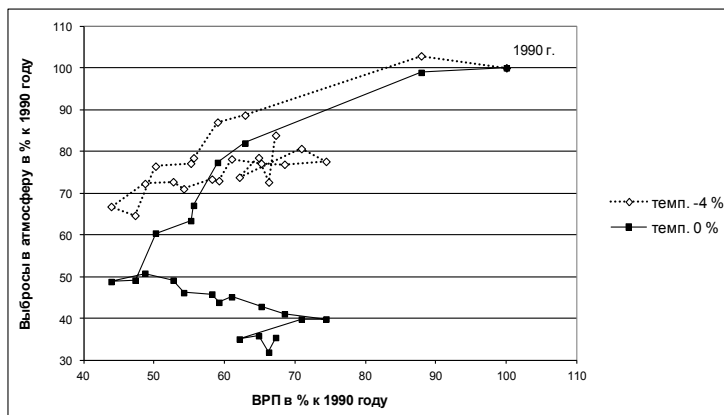

Рис. 1. Выбросы в атмосферу в зависимости от ВРП РК (1990 год – 100 %, сплошная линия) и при учете нейтрального экологического прогресса, равного -4 % (пунктирная линия)

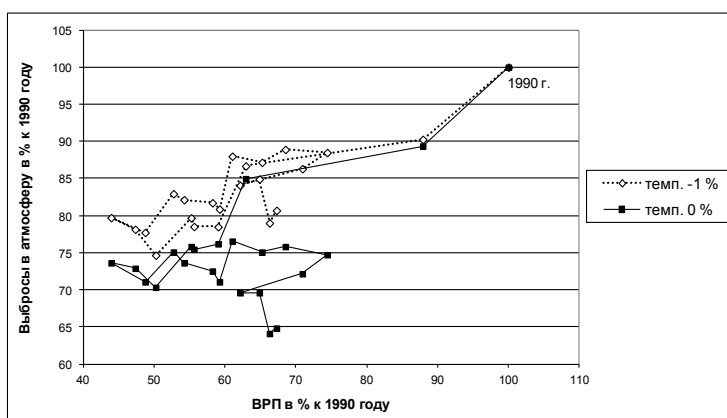

Рис. 2. Сбросы загрязненных сточных вод в зависимости от ВРП РК (1990 год – 100 %, сплошная линия) и при учете темпа нейтрального экологического прогресса, равного -1 % (пунктирная линия)

воздуха на 1 % снижает выбросы на 0,006 % (табл. 1). Влияние природоохранных кумулятивных инвестиций за 3 года оказалось небольшим, частично это объясняется их значительными колебаниями, их объем может измениться относительно предыдущего года в несколько раз. Их значимость мала.

Таблица 1

Результаты расчетов параметров функций (2) для Карелии по выбросам в атмосферу (в скобках t-статистика)

	μ	η	p	A	R^2	F
Экономика Карелии	0,26 (2,1)	0,006 (-0,3)	-0,035 (-4,0)	36,2	0,94	59,6
Производство бумаги	0,35 (0,7)	0,17 (-3,6)	-	99,5	0,79	18,3
Добыча полезных ископаемых	0,52 (7,1)	0,02 (-1,6)	-	11,1	0,82	25,6
Прочие	0,13 (0,3)	0,0003 (-0,01)	-0,073 (-8,7)	96,5	0,96	38,5

Проведенные расчеты позволили определить среднее за период влияния структурных сдвигов, для оценки его динамики были проведены расчеты по формулам (4). Первоначально по функции (2) определялись используемые в формулах (4) параметры. Расчеты для выбросов в атмосфе-

ру по данным 1997–2012 годов проводились при выделении трех секторов, два из которых имеют наибольшие выбросы загрязняющих веществ в атмосферу – производство бумаги и добыча полезных ископаемых (см. табл. 1). Для производства бумаги большое влияние на снижение выбросов при росте производства оказали инвестиции в охрану атмосферного воздуха. Добыча полезных ископаемых характеризуется достаточно высоким влиянием роста производства и небольшим – инвестиций в охрану атмосферного воздуха. Для прочих отраслей важнейшим фактором оказался нейтральный экологический прогресс, влияние основных факторов незначимо. В результате нейтральный экологический прогресс, определенный по формуле (4), от -3,1 % в конце 1990-х годов постепенно меняется до -5,2 %, структурные сдвиги определяют уменьшение выбросов в атмосферу, затем их влияние ослабевает до -0,2 %.

Результаты расчетов по сбросам загрязненных сточных вод по мультипликативной функции оказались близкими, влияние кумулятивных водоохраных инвестиций за 5 лет также оказалось небольшим (при лаге в 2 года), воздействие ВРП немного больше, нейтральный

экологический прогресс оказался равен -1,4 %, при несколько худших статистических характеристиках (табл. 2). Увеличение лага до 4 лет улучшает статистические характеристики и немного меняет параметры.

Таблица 2

Результаты расчетов параметров функций (2) для Карелии по сточным водам (в скобках t-статистика)

	μ	η	ρ	A	R ²	F
Экономика Карелии	0,35 (2,8)	0,006 (-0,4)	-0,014 (-3,7)	26,3	0,55	4,8
Производство бумаги	0,06 (0,4)	0,002 (-0,1)	-0,021 (-2,1)	135,6	0,83	11,3
Добыча полезных ископаемых	0,31 (2,2)	0,001 (0,01)	-0,026 (-1,5)	32,8	0,30	2,5
Прочие	0,33 (1,1)	0,042 (-1,0)	-0,04 (-0,6)	42,5	0,30	1,0

Расчеты для сбросов загрязненных вод по экономике Карелии проводились по тем же трем секторам за 1997–2012 годы. Для производства бумаги по функции (2) было получено, что большое влияние оказывала модернизация производства. Добыча полезных ископаемых характеризуется заметным нейтральным экологическим прогрессом, достаточно высоким влиянием роста производства и отсутствием инвестиций в охрану атмосферного воздуха (возможно, из-за большого временного лага). Для прочих отраслей важнейшим фактором оказался нейтральный экологический прогресс, влияние основных факторов было меньше. Нейтральный экологический прогресс, определенный по формуле (4), определял снижение сбросов, но постепенно он уменьшает свое положительное влияние, меняясь от -5 до -1 %.

Обсуждение. Проведенные расчеты позволили оценить влияние роста производства и природоохранных инвестиций на динамику загрязнений для экономики Карелии в целом и отдельных секторов, а также выделить и оценить влияние структурных сдвигов. В результате можно сделать вывод, что предложенные функции позволяют учесть влияние факторов, связанных с развитием экономики региона и изменением ее структуры, на экологические показатели.

Развитие экономики в основном ведет к росту загрязнений, создание новых производств увеличивает в той или иной степени нагрузку на окружающую среду, если не закрываются старые производства, не происходит модернизация действующих производств, переход к новым технологиям и реализация инновационных проектов. В то же время расчеты показали, что с середины 1990-х до середины 2000-х годов структурные сдвиги оказали значительное положительное воздействие и существенно снизили нагрузку на окружающую среду. В последние годы положительное влияние модернизации и структурных сдвигов заметно уменьшилось.

Использование предложенных формул позволяет оценить влияние факторов в ретроспективе, построить прогнозы регионального развития на перспективу и выявить пути снижения нагрузки на окружающую среду через инвестиционную и структурную политику. Предложенные функции позволяют дополнять экономические прогнозы оценкой экологических последствий развития экономики. Для этого необходимо к построенным экономическим сценариям добавить прогнозы природоохранных инвестиций и других показателей, отражающих разные варианты экологической политики [3], [6]. Для определения будущего состояния окружающей среды необходимы прогнозы динамики и структуры инвестиций и ВРП, которые имеются в сценарных условиях экономической и экологической политики, представленных в региональных стратегических документах.

Для прогнозирования темпа нейтрального экологического прогресса необходимо связать его с теми показателями, которые присутствуют в экономическом прогнозе, например структурой инвестиций, структурой ВРП или темпами роста отраслей. Тогда можно будет задавать различные варианты сценарных условий в соответствии с ожидаемыми направлениями экономической и экологической политики и рассчитывать сценарии, включающие прогнозную динамику экологических показателей.

* Исследования финансируются РФФИ, проект № 11-06-00227а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазырина И. П. Исследование качества экономического роста в контексте концепции устойчивого развития // Экономика природопользования. 2006. № 4. С. 21–31.
2. Дружинин П. В. Расчет параметров народнохозяйственных и региональных агрегированных производственных функций // Экономика и математические методы. 1990. № 5. С. 891–896.
3. Дружинин П. В., Шкиперова Г. Т. Влияние развития экономики на окружающую среду // Труды Карельского НЦ РАН. Серия: Регион: экономика и управление. 2012. № 4. С. 106–114.
4. Постников В. П. Анализ загрязнения атмосферного воздуха: национальный и региональный аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2014. № 1. С. 117–124.
5. Курило А. Е., Немкович Е. Г., Сеньюшкин Е. Н. Социально-экономические преобразования в Республике Карелия (1990–2005 гг.). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. 320 с.
6. Моделирование социо-эколого-экономической системы региона / Под ред. В. И. Гурмана, Е. В. Рюминой. М.: Наука, 2001. 175 с.
7. Охрана окружающей среды в Республике Карелия в 2012 году: Статистический сборник / Карелиястат. Петрозаводск, 2013. 88 с.
8. Республика Карелия: Статистический ежегодник / Карелиястат. Петрозаводск, 2013. 338 с.
9. Dietz T., Rosa E. A. Rethinking the environmental impact of population, affluence and technology // Human Ecology Review. 1994. Vol. 1. P. 277–300.

10. Feng K., Hubacek K., Guan D. Lifestyles, technology and CO2 emissions in China: A regional comparative analysis // *Ecological Economics*. 2010. Vol. 69. P. 145–154.
11. Fried B., Getzner M. Determinants of CO2 emissions in a small open economy // *Ecological Economics*. 2003. Vol. 45. P. 133–148.
12. Gilli M., Mancinelli S., Mazzanti M. Innovation complementarity and productivity effects: Reality or delusion? Evidence from the EC // *Ecological Economics*. 2014. Vol. 103. P. 56–67.
13. He J. What is the role of openness for China's aggregate industrial SO2 emission?: A structural analysis based on the Divisia decomposition method // *Ecological Economics*. 2010. Vol. 69. P. 868–886.
14. Lantz V., Feng Q. Assessing income, population, and technology impacts on CO2 emissions in Canada: where's the EKC? // *Ecological Economics*. 2006. Vol. 57. P. 229–238.
15. Martínez-Zarzoso I., Maruotti A. The impact of urbanization on CO2 emissions: Evidence from developing countries // *Ecological Economics*. 2011. Vol. 70. P. 1344–1353.
16. Müller-Fürstenberger G., Wagner M. Exploring the environmental Kuznets hypothesis: Theoretical and econometric problems // *Ecological Economics*. 2007. Vol. 62. P. 648–660.
17. Roca J., Serrano M. Income growth and atmospheric pollution in Spain: An input–output approach // *Ecological Economics*. 2007. Vol. 63. P. 230–242.
18. York R., Rosa E. A., Dietz T. STIRPAT, IPAT and ImPACT: analytic tools for unpacking the driving forces of environmental impacts // *Ecological Economics*. 2003. Vol. 46. P. 351–365.

Druzhinin P. V., Institute of Economy, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russian Federation)

RESEARCH OF INFLUENCE OF STRUCTURAL CHANGES IN ECONOMY ON ENVIRONMENTAL POLLUTION

The impact of economic development on the environment of the region is researched. The relationship between economic and environmental indicators is investigated for the Republic of Karelia. Models describing this interaction are developed. The concept of a neutral environmental progress, which reflects the impact of structural changes and modernization, is introduced. Calculations based on Karelian data concerning air emission and waste water leakage are carried out. The impact of structural change in economy on the dynamics of environmental indicators is showed. A decisive role of structural changes affecting pollution reduction in the 2000s is revealed.

Key words: region, investments, model, structural changes, modernization, air emissions, environment

REFERENCES

1. Glazyrina I. P. Study of the quality of economic growth in the context of sustainable development [Issledovanie kachestva ekonomicheskogo rosta v kontekste kontseptsii ustoychivogo razvitiya]. *Ekonomika prirodopol'zovaniya* [Economics of natural resources]. 2006. № 4. P. 21–31.
2. Druzhinin P. V. Account of parameters of macroeconomic and regional aggregated production functions [Raschet parametrov narodnokhozyaystvennykh i regional'nykh agregirovannykh proizvodstvennykh funktsiy]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and mathematical methods]. 1990. № 5. P. 891–896.
3. Druzhinin P. V., Shkiperova G. T. Impact of economic development on the environment [Vliyanie razvitiya ekonomiki na okruzhayushchuyu sredu]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya: Region: ekonomika i upravlenie* [Transactions of Karelian Research Centre of Russian Academy of Science. Region: Economics and Management]. 2012. № 4. P. 106–114.
4. Postnikov V. P. Analysis of air pollution: national and regional aspects [Analiz zagryazneniya atmosfernogo vozdukh: natsional'nyy i regional'nyy aspekty]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 3: The Economy. Ecology]. 2014. № 1. P. 117–124.
5. Kurilo A. E., Nemkovich E. G., Senyushkin E. N. *Sotsial'no-ekonomicheskie preobrazovaniya v Respublike Kareliya (1990–2005 gg.)* [Socio-economic transformation in the Republic of Karelia (1990–2005)]. Petrozavodsk, KarRC RAS, 2007. 320 p.
6. *Modelirovanie sotsio-ekologo-ekonomicheskoy sistemy regiona* [Modeling socio-ecological-economic system of the region] / Ed. V. I. Gurmet, E. V. Ryumina. Moscow, Nauka Publ., 2001. 175 p.
7. *Okhrana okruzhayushchey sredy v Respublike Kareliya v 2012 godu: Statisticheskiy sbornik* [Environmental Protection in the Republic of Karelia in 2012: statistical bulletin] / Kareliastat. Petrozavodsk, 2013. 88 p.
8. *Respublika Kareliya: Statisticheskiy ezhegodnik* [Republic of Karelia: statistical bulletin] / Kareliastat. Petrozavodsk, 2013. 338 p.
9. Dietz T., Rosa E. A. Rethinking the environmental impact of population, affluence and technology // *Human Ecology Review*. 1994. Vol. 1. P. 277–300.
10. Feng K., Hubacek K., Guan D. Lifestyles, technology and CO2 emissions in China: A regional comparative analysis // *Ecological Economics*. 2010. Vol. 69. P. 145–154.
11. Fried B., Getzner M. Determinants of CO2 emissions in a small open economy // *Ecological Economics*. 2003. Vol. 45. P. 133–148.
12. Gilli M., Mancinelli S., Mazzanti M. Innovation complementarities and productivity effects: Reality or delusion? Evidence from the EC // *Ecological Economics*. 2014. Vol. 103. P. 56–67.
13. He J. What is the role of openness for China's aggregate industrial SO2 emission? A structural analysis based on the Divisia decomposition method // *Ecological Economics*. 2010. Vol. 69. P. 868–886.
14. Lantz V., Feng Q. Assessing income, population, and technology impacts on CO2 emissions in Canada: where's the EKC? // *Ecological Economics*. 2006. Vol. 57. P. 229–238.
15. Martínez-Zarzoso I., Maruotti A. The impact of urbanization on CO2 emissions: Evidence from developing countries // *Ecological Economics*. 2011. Vol. 70. P. 1344–1353.
16. Müller-Fürstenberger G., Wagner M. Exploring the environmental Kuznets hypothesis: Theoretical and econometric problems // *Ecological Economics*. 2007. Vol. 62. P. 648–660.
17. Roca J., Serrano M. Income growth and atmospheric pollution in Spain: An input–output approach // *Ecological Economics*. 2007. Vol. 63. P. 230–242.
18. York R., Rosa E. A., Dietz T. STIRPAT, IPAT and ImPACT: analytic tools for unpacking the driving forces of environmental impacts // *Ecological Economics*. 2003. Vol. 46. P. 351–365.

Поступила в редакцию 10.10.2014

ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА КАДНИКОВАкандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
*goldsun@mail.ru***РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЫНОК ЖИЛЬЯ И ПУТИ ЕГО РАЗВИТИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)***

Анализируется рынок жилья в Республике Карелия (РК) в разрезе его динамики и структуры. По результатам исследования были выделены основные проблемы развития регионального рынка жилья, в том числе отсутствие действующих механизмов управления системой застройки муниципалитетов; недостаточно развитые промышленная база, инженерная, транспортная и социальная инфраструктура; высокие кредитные банковские ставки в рамках ипотечного кредитования. Развитие регионального рынка жилья возможно в двух направлениях: путем стимулирования платежеспособного спроса, в том числе через реализацию различных государственных жилищных программ, и через стимулирование предложения. Решение проблемы с обеспеченностью граждан жильем возможно при активной поддержке государства, причем не только в качестве регулятора рынка недвижимости, но непосредственно в качестве инвестора, в том числе используя федеральные целевые программы и их региональные аналоги, приоритетные инвестиционные проекты и др.

Ключевые слова: структура рынка жилья РК, динамика развития рынка жилья в РК, факторы влияния на рынок жилья

Проблема обеспечения российских граждан высококачественным доступным жильем является в настоящее время одной из самых актуальных. Решение социальных, экономических и технических задач развития экономики республики во многом зависит от положительных преобразований в строительной отрасли и от проводимой политики инвестирования. Экономический эффект от развития данной сферы заключается именно в мультипликационном эффекте средств, вложенных в нее: одно рабочее место в строительстве создает еще шесть в смежных отраслях.

На сегодняшний день рынок жилья является одним из наиболее динамично развивающихся сегментов рынка недвижимости и несет особую социальную нагрузку. Обеспеченность жильем и его доступность для населения сказываются на рождаемости и темпах прироста населения, отражаются на его экономической культуре, поскольку приобретение жилья требует значительных затрат денежных средств и моменту покупки обычно предшествует длительный период накопления. Массовый рынок жилья необходим как для решения социальных проблем, так и для развития экономики в целом. Однако можно утверждать, что на современном этапе степень обеспеченности населения доступным и качественным жильем не отвечает целям и задачам современной Концепции социально-экономического развития России.

На основании данных Карелиястата по состоянию на 1.01.2014 года жилищный фонд республики составляет 16685,5 тыс. м² в городской местности и 27 % – в сельской. В целом за по-

следние пять лет динамика данного показателя была положительной, ежегодно он прибавлял чуть более 1 %, за исключением 2011 года, когда было построено на 230,6 тыс. м² меньше, чем в 2010 году.

Согласно мониторингу Министерства строительства, жилищно-коммунального хозяйства и энергетики РК, итоги ввода жилья за 2013 год продемонстрировали стабильный прирост квадратных метров. Жилой фонд в республике в прошлом году вырос на 216,8 тыс. м², что составляет 101,3 % к аналогичному периоду 2012 года. В том числе индивидуальными застройщиками за свой счет и с помощью кредитов построено 64,6 тыс. м² общей площади жилых домов, что составляет 109,0 % к уровню прошлого года. Контрольный показатель по вводу жилья для Карелии на 2013 год, определенный Минрегионом России в объеме 215 тыс. м², обеспечен. Это означает, что в республике увеличиваются объемы жилищного строительства, востребованы мощности предприятий стройиндустрии, обеспечены рабочие места в строительной отрасли.

Основной объем ввода жилых домов в республике сосредоточен в Петрозаводске. В столице республики в 2013 году введено более 65 % от всего объема ввода жилья в целом по Карелии (в истекшем году введено в действие 143,3 тыс. м² общей площади жилых домов). Если говорить о других муниципальных образованиях, то в основном администрации муниципалитетов достигли запланированных показателей на 2013 год. Лидерами по вводу жилья стали Сортавальский район – 239 % от планового показателя, Костомукшский городской округ – 111 %

и Прионежский район – 110 %. Не справились с плановыми показателями Суоярвский, Пряжинский, Олонецкий, Муезерский и Лахденпохский муниципальные районы. Так, Олонецкий район выполнил план только на 20 %, а в Суоярвском районе было введено в эксплуатацию жилья всего 1,5 % от плана. Наибольший удельный вес жилфонда приходится на частный сектор, в его собственности, по данным на 1.01.2014 года, находилось 12107,52 м² (72 %), в муниципальной собственности находится 4104,22 м² (25 %), а в государственной – лишь 2 % от общего объема (328,7718 м²).

В целом уровень обеспеченности населения республики жильем достаточно высокий. Средняя обеспеченность жильем на одного проживающего увеличилась с 21,5 м² в 2002 году до 26,25 м² в 2013 году. Однако не все существующее жильё удовлетворяет условиям качественного, комфортного жилья. Только 66 % жилищного фонда Карелии оборудовано водоснабжением, канализацией, отоплением, ваннами (душем). Следовательно, на одного жителя республики приходится только 14,5 м² благоустроенного жилья. Кроме того, по данным 2013 года, 4,2 % жилищного фонда республики составляет ветхий и аварийный жилищный фонд, при этом данный показатель растет, в 2009 году он равнялся 3,6 %. Характеризуя качество фонда, стоит также отметить, что 8,1 % его объемов построено ранее 1946 года, 2,5 % имеет износ более 65 %. За последние пять лет ветхий и аварийный фонд в РК стал больше почти на 100 тыс. м². Существующий фонд имеет тенденцию к износу, поэтому очевидно, что сегодня темпы жилищного строительства не решают проблему улучшения жилищных условий широких слоев населения.

Предоставление жилья гражданам
в РК за 2000–2012 годы

Год	Количество семей, получивших жилье и улучшивших жилищные условия за год		Количество семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях на конец года	
	единиц	в % от числа семей, состоявших на учете на получение жилья	единиц	в % от числа всех семей
2000	1365	3,6	37130	13,2
2005	922	2,5	30646	11,3
2007	1031	3,6	25273	9,6
2008	990	3,9	24891	9,5
2009	1031	4,1	24886	9,6
2010	1963	7,9	25121	9,3
2011	1586	6,3	23858	9
2012	1509	6,3	23137	8,5

По состоянию на 1.01.2014 года общая потребность населения, проживающего в Карелии, в улучшении жилищных условий оценивается в размере 1037 тыс. м² общей площади жилья,

в том числе: 587 тыс. м² – на расселение ветхого и аварийного жилищного фонда; 450 тыс. м² – на предоставление жилья гражданам, состоящим на учете как нуждающиеся в улучшении жилищных условий, из расчета предоставления 18 м² общей площади жилья на каждого (см. таблицу). Потребность в строительстве коммерческого жилья в республике составляет порядка 150,0 тыс. м² общей площади жилья в год.

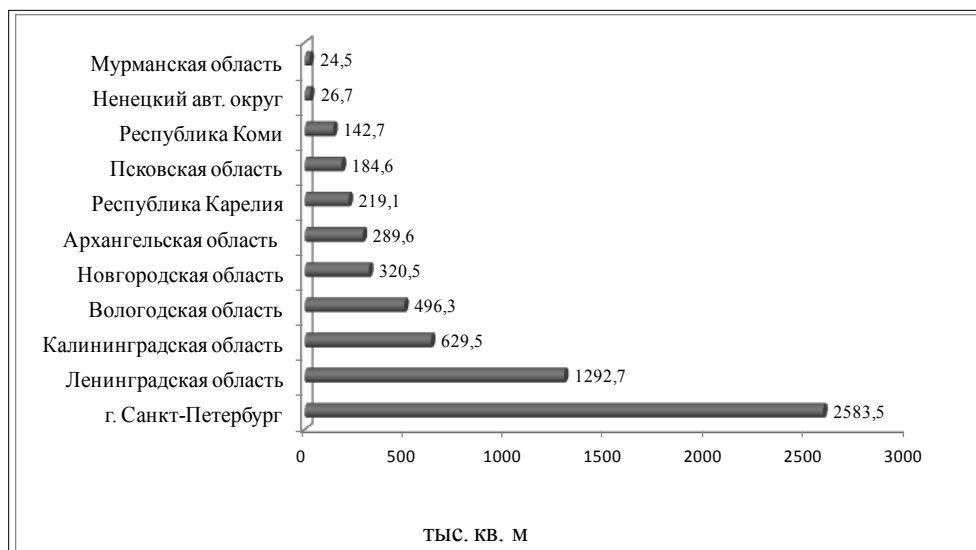
В РК на протяжении последних лет наблюдается устойчивая тенденция роста показателей ввода жилья. Ежегодный прирост – не менее 10 %, за исключением 2010 года, когда снижение объемов ввода жилья по отношению к 2009 году составило 13,5 %.

Несмотря на тенденцию роста объемов вводимого жилья, Карелия отстает по масштабам жилищного строительства от других субъектов Северо-Западного федерального округа (см. рисунок).

Наибольшие темпы роста строительства и ввода в эксплуатацию жилья в процентах к предыдущему (2012) году были в Республике Коми, Вологодской и Ленинградской областях – 162,9, 127,6 и 112,5 % соответственно. По темпам роста данного показателя Карелия среди субъектов Северо-Запада заняла 4-е место. За 2012 год в Карелии было построено 2 773 ед. новых благоустроенных квартир общей площадью 194,2 тыс. м², что на 10,83 и 9,10 % больше аналогичных показателей 2011 года соответственно. В 2013 году объемы ввода жилья в эксплуатацию выросли на 12,2 % в сравнении с 2012 годом. По данным Росстата, объемы сданного в эксплуатацию жилья в первом полугодии 2014 года в России выросли на треть, а по Северо-Западу – на 59 %. Положительная тенденция ввода жилых домов сохранилась в РК и в 2014 году (128,8 % к аналогичному периоду 2013 года), однако по сравнению с другими регионами темпы роста существенно ниже. В Псковской области данный показатель составил 200 %, в Новгородской – 194,6 %, в Вологодской – 188,8 %.

Согласно отчету Министерства строительства РК, общая площадь жилых помещений, введенная в действие за 2013 год, в среднем на одного жителя республики составляет 0,345 м², за 2012 год – 0,307 м² (см.: Итоги строительства жилья за 2013 год (аналитический обзор) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://xn--hlacdfgncfk.xn--plai/deyatelnost/stroitelstvo/stroitelstvo_zhilya/).

В январе – июне 2014 года организациями всех форм собственности, населением построено 1420 новых квартир общей площадью 94,0 тыс. м². Населением за свой счет и с помощью кредитов за указанный период построено 289 домов (299 квартир) общей площадью 33,9 тыс. м², что на 14,8 % больше, чем в январе – июне 2013 года. Удельный вес индивидуального жилищного строительства в объеме строительства жилья по

Строительство жилых домов в СЗФО в 2013 году (введено тыс. м² общей площади)

республике составил 36,1 % (см. данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РК).

В течение 2013 года средние цены 1 м² жилья на вторичном рынке превышали цены жилья на первичном рынке на 3,2 %. Кроме того, средняя фактическая стоимость строительства 1 м² общей площади жилых домов квартирного типа, построенных во II квартале 2013 года, составила 39,5 тыс. руб., что на 3,48 % больше, чем в предыдущем квартале. В целом за год стоимость строительства 1 м² по РК составила 40 285 руб. В первом полугодии 2014 года данный показатель составил 43 159 руб., что на 11,5 % больше, чем за аналогичный период 2013 года. Наиболее высокая средняя стоимость строительства жилья в первом полугодии 2014 года, по данным Карелиястата, была в Беломорском районе, там ее размер составил 55 600 руб. за 1 м², что почти на 29 % выше средней по Карелии.

Согласно результатам проведенного анализа, в последние годы рынок жилья в РК относительно стабилен. Однако положительная тенденция его развития в ближайшем будущем находится под сомнением. Основная причина – замедление темпов роста российской экономики. Оценка ВВП России за второй квартал 2014 года указывает на ее слабый рост, который наблюдался еще до объявления третьего пакета экономических санкций, введенных ЕС, США и другими странами. По данным Росстата, темп роста ВВП России за указанный период замедлился до 0,8 % в годовом выражении против 0,9 % по итогам I квартала. Эти данные оказались ниже предварительной оценки Минэкономразвития, которое оценивало рост экономики в 1,1 % за этот период. В целом на 2014 год Всемирный банк определил свой прогноз экономического роста по России в 0,5 %.

Главная проблема отечественного рынка недвижимости – несоответствие цен на жилье и уровня платежеспособного спроса. Высокие цены на недвижимость складываются под влиянием множества факторов. Так, муниципалитеты практически исчерпали возможности по точечной застройке. Однако подготовленных участков не хватает. По данным экспертов, в РК уровень инженерной обеспеченности участков, предлагаемых под застройку местными органами власти, не превышает 10 %. На сегодняшний день для подготовки земли под застройку требуется порядка 2 млрд руб., чего дефицитный республиканский бюджет позволить себе не может. Перекалывание расходов по строительству инженерной и социальной инфраструктур на застройщиков ведет к удорожанию квадратных метров. Другим немаловажным фактором макроэкономического характера является снижающийся курс национальной валюты. Отрицательная динамика данного показателя побуждает население инвестировать свои сбережения в более стабильные активы – недвижимость, что, в конечном счете, способствует росту цен на недвижимость.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, в Карелии существует большой спрос населения на жилье, однако в силу высоких цен на квадратные метры удовлетворить его в ближайшей перспективе не представляется возможным.

К решению проблем по обеспеченности населения доступным жильем можно подойти с двух сторон:

- путем увеличения платежеспособного спроса: изыскание возможностей по снижению цен на жилье должно осуществляться как застройщиками (путем снижения себестоимости), так и государством (путем реализации целевых жилищных программ);

- путем увеличения предложения на рынке жилья – повышение объемов и качества жилищного строительства.

Решение данных задач лежит в плоскости как государственного, так и частного инвестирования, например, через такие механизмы, как:

- бюджетное финансирование строительства социального жилья;
- привлечение долгосрочных финансовых ресурсов на создание сектора арендного жилья;
- государственная поддержка в форме адресных жилищных субсидий отдельным категориям граждан.

Решение проблемы с обеспеченностью граждан жильем возможно только при активной поддержке государства, причем не только в качестве регулятора рынка недвижимости, но непосред-

ственно в качестве инвестора. К наиболее перспективным формам непосредственного участия государства в инвестиционном процессе следует отнести осуществление федеральных целевых программ и их региональных аналогов, а также создание и обеспечение эффективного функционирования институтов развития с государственным участием, использующих прежде всего такие механизмы реализации приоритетных инвестиционных проектов, как предоставление гарантий по частным инвестициям и организация смешанного государственно-коммерческого финансирования приоритетных инвестиционных проектов. Эффективное освоение государственных средств обеспечивает устойчивый рост доходов инвесторов-застройщиков и способствует решению проблемы обеспечения жильем населения регионов страны.

* Работа выполнена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпацкая И. Е. Совершенствование инвестиционной политики в сфере жилищного строительства в условиях социально ориентированной экономики: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М.: МГАКХиС, 2012. 26 с.
2. Антипин А. И. Инвестиционный анализ в строительстве: Учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 240 с.
3. Головчанская Е. Э., Водопьянова Н. А. Государственная инвестиционная политика в аспекте социально-экономической направленности: Монография. Волгоград: Волгоградский пед. ин-т, 2013. 289 с.
4. Ершов О. Г. О содействии развитию жилищного строительства // Правовые вопросы строительства. 2013. № 1. С. 17–19.
5. Шishkaneva В. Д. Развитие механизмов регулирования региональных рынков жилья (на примере Калининградской области): Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т сервиса и экономики, 2012. 22 с.

Kadnikova T. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

REGIONAL HOUSING MARKET AND WAYS OF ITS DEVELOPMENT (CASE STUDY OF KARELIAN REPUBLIC)

The analysis of the housing market condition in the Republic of Karelia is carried out. Its dynamics and structure are studied. Based on the results of the research the main problems of the republican housing market development are revealed: lack of the operating mechanisms managing the system of municipalities' development; poorly developed industrial base, engineering, transportation and social infrastructures; high credit banks' interests on mortgage loans. Development of the republican housing market is possible in two directions: by the stimulation of the solvent demand, including implementation of various state housing programmes, and by the stimulation of the offer. Proper provision of housing in the Republic is possible only with the help of the state, and, not only as a regulator of the real estate market but as a direct investor, including implementation of the Federal target programs and their regional analogues, priority investment projects, and others.

Key words: housing market structure of the Republic of Karelia, dynamics of the housing market development in the Republic of Karelia, factors affecting housing market development

REFERENCES

1. Alpat'skaya I. E. *Sovershenstvovanie investitsionnoy politiki v sfere zhilishchnogo stroitel'stva v usloviyakh sotsial'no orientirovannoy ekonomiki* [Improvement of investment policy in the sphere of housing construction in the conditions of socially oriented economy: avtoref. dis. Candidate of Economic Sciences]. Moscow, Moscow State Academy of Municipal Services Publ., 2012. 26 p.
2. Antipin A. I. *Investitsionnyy analiz v stroitel'stve: Uchebnoe posobie* [The investment analysis in construction: manual]. Moscow, Publishing center "Akademiya", 2012. 240 p.
3. Golovchanskaya E. E., Vodop'yanova N. A. *Gosudarstvennaya investitsionnaya politika v aspekte sotsial'no-ekonomicheskoy napravlenosti* [The state investment policy in aspect of a social and economic orientation: monograph]. Volgograd, Volgograd Pedagogical Institute Publ., 2013. 289 p.
4. Ershov O. G. Assistance to development of housing construction [O sodeystvii razvitiyu zhilishchnogo stroitel'stva]. *Pravovye voprosy stroitel'stva* [Legal questions of construction]. 2013. № 1. P. 17–19.
5. Shishkaneva V. D. *Razvitiye mekhanizmov regulirovaniya regional'nykh rynkov zil'ya (na primere Kaliningradskoy oblasti)* [Development of mechanisms of regulation of regional housing markets (on the example of the Kaliningrad region): Avtoref. dis. Candidate of Economic Sciences]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Service and Economy, 2012. 22 p.

Поступила в редакцию 16.10.2014

ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА МАРТЮКОВА

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории и менеджмента экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
martyukova_e@mail.ru

САНКЦИИ КАК НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ*

Рассмотрены экономические санкции как инструмент внешней политики государства, современные тенденции их применения в практике международных отношений: расширение целей, относительную неэффективность, а также сдвиг с собственно торговых санкций в сторону финансовых. Сделан вывод о неоднозначности санкций как инструмента внешней политики. Обсуждаются санкции западноевропейских государств в отношении РФ в связи с политической ситуацией на юго-востоке Украины, а также ответная мера – продуктовое эмбарго России. В заключительной части анализируются эффекты, которые могут оказать взаимные санкции на региональную экономику. В этой связи рассматриваются возможности и перспективы развития экономики Карелии в условиях санкций, особое внимание уделяется рыбному хозяйству республики.

Ключевые слова: экономические санкции, продуктовое эмбарго, экономика Карелии, сельское хозяйство Карелии

Обострение политической обстановки на Украине зимой 2013/14 года, вмешательство России, а также вхождение в ее состав Крыма привели к ухудшению политических и экономических отношений нашей страны с западными государствами. В качестве наказания для России в марте 2014 года западные страны во главе с США и Евросоюзом применили механизм торгово-экономических санкций, пакет которых постоянно расширяется и дополняется. В свою очередь в августе 2014 года в качестве ответной меры Россия представила свой перечень санкций.

Возникает целый ряд вопросов. Что такое санкции? Какие риски и угрозы они несут для страны – объекта санкций? Существуют ли возможности для экономического роста в условиях санкций? Какие перспективы появляются в этой связи для развития экономики Республики Карелия? Попробуем ответить на эти вопросы.

Согласно определению М. Даоуди и М. Дажани, санкции являются «односторонними или коллективными действиями против страны, которую считают нарушителем международного права, направленными на то, чтобы заставить это государство соблюдать закон» [8]. Защищая собственные интересы на международной арене, государства активно используют два основных актива: военную силу и экономическую мощь. Таким образом, наряду с военной силой, военным присутствием, санкции – один из инструментов внешней политики страны, средство реализации ее экономической силы. Чаще всего санкции принимают форму ограничений международной торговли, финансовых операций и перемещений людей. В определенной степени экономические санкции являются альтернативой военному вмешательству. Ведь они призваны решать между-

народные конфликты с меньшими затратами и человеческими жертвами. Однако интересен тот факт, что, в отличие от войн, для которых были разработаны формальные правила, закрепленные в международных конвенциях, для торговых санкций международно признанных правил не существует.

В современной мировой практике применения санкций можно выделить несколько интересных аспектов – тенденций. Во-первых, в последние десятилетия существенно расширился спектр целей применения санкций. «Санкции стали стандартным инструментом, используемым государствами-инициаторами для осуществления давления на страны-объекты по любому аспекту политики последних, с которыми страны-инициаторы были не согласны» [1]. Во-вторых, в большинстве случаев экономическим санкциям не удается нанести экономике страны-объекта существенного ущерба. Средняя результативность санкций в XX веке составила примерно 30 % [1]. В большинстве других случаев падение ВВП стран – объектов санкций составило 3–8 %, что чаще всего нельзя рассматривать как критическое. Причина снижения эффективности санкций видится в глобализации, которая превратила мировую экономику в единый рынок, позволив странам значительно диверсифицировать экспортно-импортные потоки за счет доступа к международным рынкам. С другой стороны, как отмечает М. Братерский, «финансовая и информационная составляющие глобализации позволяют легче отслеживать прохождение международных платежей и финансовых потоков в целом, что дает развитым странам – обладателям мировых резервных валют больше возможностей вмешиваться в финансовую

сторону мировой торговли и блокировать торговые операции через финансовую сферу. По этой причине в последние годы акцент в практике применения экономических санкций смещается с собственно торговых санкций на финансовые санкции» [1]. И это можно считать третьей тенденцией в мировой практике применения санкций.

Таким образом, санкции в современных условиях – весьма неоднозначный инструмент внешней политики и, соответственно, должен применяться с осторожностью. Теперь, рассмотрев некоторые общие аспекты, перейдем к обсуждению экономических санкций, введенных в отношении нашей страны в 2014 году.

После вхождения Крыма в состав России в марте нынешнего года ряд международных организаций, блоков и стран объявили о введении санкций в отношении нашего государства. С марта список санкций неоднократно дополнялся новыми мерами. Его последнее расширение произошло в сентябре. Санкции против России ввели Европейский союз, Североатлантический альянс НАТО, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Совет Европы, Европейская организация по безопасности авионавигации, «Большая восьмерка», Европейский банк реконструкции и развития и некоторые другие. Кроме вышперечисленных организаций, санкции были поддержаны и дополнительно введены отдельными странами, прежде всего США. Позднее к ним присоединились Канада, Швейцария, Япония, Австралия, Новая Зеландия, Норвегия. Обобщая суть экономических санкций, надо отметить, что они нацелены прежде всего на ущемление интересов конкретных лиц и отдельных российских компаний. На сегодняшний день под санкции со стороны ЕС, США и других стран попали 133 человека и 4 российские компании. Самыми значимыми стали санкции, ограничивающие доступ российских предприятий (в первую очередь оборонных и энергетических) к технологиям, а также доступ компаний и банков (преимущественно государственных) на международный финансовый рынок, ограничения по инвестициям.

В ответ на санкции стран Запада Россия 7 августа на год ввела продуктовое эмбарго для ряда товаров из США, государств ЕС, Канады, Австралии и Норвегии. В соответствующий список попали говядина, свинина, фрукты, птица, сыры и молочная продукция, орехи и другие продукты [5]. По данным ФТС, в 2013 году импорт продовольствия в Россию составил 13,4 % всего импорта. При этом, как видно из данных таблицы, позиции импортеров на некоторых рынках очень сильны. Особенно на рынках мяса, рыбы и фруктов.

В среднем около 40 % всего импортируемого Россией продовольствия производится в странах

ЕС, США, а также других странах, попавших под запрет.

Продуктовое эмбарго России, введенное в ответ на санкции Запада, а также объявленный правительством курс на импортозамещение были восприняты многими россиянами как благо. Начиная с 1990-х годов отечественные производители ведут жесткую конкурентную борьбу с импортными товарами. Запрет на ввоз европейских и американских продуктов питания может стать толчком к активному освоению внутреннего рынка, удовлетворению потребительского спроса. И в конечном итоге способствовать решению одной из основных задач, стоящих перед экономикой России уже не одно десятилетие, – ее диверсификации.

Доля стран, попавших под запрет, в импорте продовольствия в Россию по отдельным группам товаров в 2013 году, %

Группа товаров	Импорт, всего, % от внутреннего потребления	Доля стран, попавших под запрет, в импорте, %
Говядина, телятина и др.	28,0	9,8
Свинина	18,1	72,9
Птица	12,3	64,2
Рыба	25,7	51,8
Молочная продукция, в том числе	3,8	34,2
Сыры	50,1	60,1
Овощи	18,8	30,9
Фрукты и ягоды	58,5	25,3

Источник: составлено автором по данным Федеральной таможенной службы.

Какие возможности возникают в условиях санкций для экономики Карелии? Карелия как субъект РФ в целом не обладает благоприятными природно-климатическими условиями для ведения сельскохозяйственного производства. Агроресурсный потенциал республики относительно небольшой: на долю обрабатываемых земель приходится лишь 1,2 % от общей площади республики [3]. Площадь сельскохозяйственных угодий составляет 219 тыс. га. Это, к примеру, в 20,5 (!) раза меньше, чем в Краснодарском крае. Не говоря уже о качестве земель: около 60 % пашни расположено на подзолистых почвах различного состава. И тем не менее при определенной государственной поддержке Карелия вполне способна прокормить себя основными продуктами питания. Сельское хозяйство республики включает такие отрасли, как молочное животноводство, форелеводство, птицеводство, звероводство, растениеводство. Так, например, за первое полугодие 2014 года в Карелии было произведено 32,4 тыс. тонн молока, это 103,9 % к соответствующему периоду 2013 года. За 7 месяцев производство молока выросло до 34,5 тыс. тонн, что на 6,5 % больше про-

шлогоднего уровня. Значительного увеличения его объемов достигли в ООО «Маяк» – 142 %, ОАО «Агрокомплекс им. В. М. Зайцева» – 123 %, ОАО «Племсовхоз “Мегрега”» – 109 %, ЗАО «Эссойла» – 106 %, ОАО «Племенное хозяйство “Ильинское”» – 104 % [2]. По итогам 2013 года в сельскохозяйственных предприятиях республики был получен удой 6429 кг молока на корову, в 2014 году планируется получить не менее 6700 кг. Таким образом, по этому показателю Карелия находится на втором месте в России после Ленинградской области [2]. В республике производится мясо всех видов (кура, говядина, свинина), в промышленных масштабах выращиваются картофель, морковь, белокочанная капуста, лук и др.

Основные проблемы сельхозпроизводителей Карелии заключаются в следующем. Во-первых, издержки производства продовольственных товаров в условиях севера выше импортных аналогов. В связи с этим местным производителям, несмотря на высокое качество продукции (оно выше хотя бы потому, что продукты не надо транспортировать на дальние расстояния, а следовательно, обрабатывать их лишними химикатами), достаточно сложно конкурировать с дешевым импортом. Во-вторых, крупные сетевые торговые компании, работающие на рынке Карелии (за исключением местных сетей типа «Лотос» и «Сигма»), крайне неохотно принимают на реализацию местную продукцию, предпочитая продвигать товары из других регионов России или все тот же дешевый импорт. Надо отметить, что, по данным Карелиястата, доля продовольственных товаров в структуре импорта Карелии в 2013 году по сравнению с 2012 годом достаточно заметно увеличилась (почти на 5 %): с 9,1 до 14,9 %, что не может не тревожить [4].

В то же самое время, несмотря на заверения политиков, цены на продовольствие показали самую высокую динамику по сравнению с остальными категориями товаров: 109,8 % по сравнению со 102,9 % на непродовольственные товары и 105,4 % на услуги (по состоянию на сентябрь текущего года). Учитывая продуктовое эмбарго, на наш взгляд, следует ожидать дальнейшего роста цен. И в этих условиях у карельских производителей появляется дополнительный стимул к расширению производства.

Отдельного внимания заслуживает рыбная отрасль Карелии. Общая величина промысловых запасов рыбы во внутренних водоемах РК оценивается в 52–55 тыс. т, 34 тыс. т из которых находится в постоянной промысловой эксплуатации [3]. В реках и озерах водятся десятки видов рыб – от мелкой корюшки до огромных лососей. В настоящее время рыбная отрасль Карелии включает в себя около 70 организаций различных форм собственности и более 300 частных предприятий и индивидуальных предпринимателей, на пресноводных водоемах работает до 130 рыболовецких бригад [3]. Основные рыбохозяйственные предприятия расположены на территории Лоухского, Беломорского и Кемского муниципальных районов. Ведущее место среди других районов по объему выпуска товарной пищевой рыбной продукции занимает Беломорский муниципальный район. Одним из приоритетных направлений рыбохозяйственной деятельности на внутренних водоемах республики является форелеводство. Именно оно может выиграть от введения санкций. Карелия является одним из самых благоприятных субъектов России для промышленного выращивания товарной форели ввиду наличия большого количества водоемов с чистой, высококачественной водой, а также благоприятного температурного режима. В настоящее время 70 % российской садковой форели выращивается именно в Карелии. Кроме того, в последние годы ряд крупных рыбоводных хозяйств не только увеличили объемы выращивания рыбы, но и осуществили планы по строительству перерабатывающих мощностей, позволяющих на месте производить основные технологические процессы обработки рыбы (охлаждение, потрошение, заморозка, икра и др.) для дальнейшей транспортировки с целью сбыта. Успехи, достигнутые в последние годы в сфере товарного рыбоводства в Карелии, очевидны. Перспективными представляются также и новые направления аквакультуры, например выращивание мидий и водорослей на Белом море.

Таким образом, санкции открывают перед Карелией новые возможности – возможности освоения внутреннего рынка, а также диверсификации региональной экономики.

* Работа выполнена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2014 годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братерский М. В. Торгово-экономические санкции: эффективность, цена, проблемы использования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/78/070/490.php>
2. Карелии санкции на продукты не страшны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kp.ru/online/news/1812920/>
3. Сельское хозяйство Республики Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vedlozero.ru/knowledge/karelia/economy/1191-agriculture.html>
4. Товарная структура импорта [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/resources/

5. Товары, импорт которых в Россию будет ограничен [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20140807/1019151597.html#ixzz3FuZUhO30>
6. Шаститко А. Е., Плаксин С. М. Эффекты штрафных санкций: от теории к практике // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 3. С. 110–131.
7. Шумилов М. И., Шумилов М. М. Кризис неолиберальной модели экономического развития России в контексте конфликта на Украине и санкций Запада // Управленческое консультирование. 2014. № 6 (66). С. 110–126.
8. Daoudi M. S., Dajani M. S. Economic Sanctions: Ideals and Experience. London, 1983. P. 5–8.
9. Davis L., Engerman S. Sanctions: Neither War nor Peace // Journal of Economic Perspectives. 2003. Vol. 17. № 2. P. 192.

Martyukova E. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SANCTIONS AS NEW ECONOMIC REALITY: OPPORTUNITIES FOR REGIONAL DEVELOPMENT

The problem of economic sanctions as an instrument of the foreign policy of the state is studied in the article. Modern trends of economic sanctions' usage in contemporary international relations are also considered: multiplication of goals, comparable inefficiency, and a shift from trade sanction to financial sanctions. The author concludes that economic sanctions are a rather questionable instrument of the countries' international policy. The article discusses multiple sanctions implemented by Western countries against Russia due to the situation in the South-East of Ukraine and a response reaction of Russia – product embargo. In the concluding part of the article, the author analyzes cumulative effects that mutual sanctions can have on the regional economy. The article studies arising opportunities for the economic development of the Republic under new circumstances. Special attention is paid to the fishing industry of Karelia.

Key words: economic sanctions, product embargo, economy of Karelia, agriculture of Karelia

REFERENCES

1. Braterskiy M. B. *Torgovo-ekonomicheskie sanktsii: effektivnost', tsena, problemy ispol'zovaniya* [Economic sanctions: efficiency, price, problems of usage]. Available at: <http://www.pandia.ru/text/78/070/490.php>
2. *Karelii sanktsii na produkty ne strashny* [Karelia does not fear product sanctions]. Available at: <http://www.kp.ru/online/news/1812920/>
3. *Sel'skoe khozyaystvo Respubliki Kareliya* [Agriculture of Republic of Karelia]. Available at: <http://vedlozero.ru/knowledge/karelia/economy/1191-agriculture.html>
4. *Tovarnaya struktura importa* [Import structure by product]. Available at: http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/resources/
5. *Tovary, import kotorykh v Russiyu budet ogranichen* [Products that will be limited in imports to Russia]. Available at: <http://ria.ru/spravka/20140807/1019151597.html#ixzz3FuZUhO30>
6. Shastitko A. E., Plaksin S. M. The Effects of Sanctions: from theory to practice [Effekty shtrafnykh sanktsiy: ot teorii k praktike]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Questions of state and municipal government]. 2013. № 3. P. 110–131.
7. Shumilov M. I., Shumilov M. M. The crisis of neoliberal model of economic development of Russia in the context of the Ukrainian conflict and western sanctions [Krizis neo-liberal'noy modeli ekonomicheskogo razvitiya Rossii v kontekste konflikta na Ukraine i sanktsiy Zapada]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Managerial consulting]. 2014. № 6 (66). P. 110–126.
8. Daoudi M. S., Dajani M. S. Economic Sanctions: Ideals and Experience. London, 1983. P. 5–8.
9. Davis L., Engerman S. Sanctions: Neither War nor Peace // Journal of Economic Perspectives. 2003. Vol. 17. № 2. P. 192.

Поступила в редакцию 16.10.2014

АНЖЕЛА ВЛАДИМИРОВНА РУГАЧЕВА

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории и менеджмента экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
rav@sampo.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗМЕРА И ГРАНИЦ ФИРМЫ*

Поднимается вопрос о причинах стремления фирмы к росту, показаны некоторые преимущества и ограничения крупных фирм по сравнению с малыми. Теоретические положения иллюстрируются на нескольких примерах из практики укрупнения российских вертикально интегрированных структур. Определены понятия «размер» и «границы» фирмы, которые в научных монографиях по институциональной теории фирмы не разделяются и часто используются как синонимы. Показаны возможные варианты построения границ фирмы и два возможных пути увеличения размера фирмы: без изменения ее границ и с изменением границ. Установлена связь этих путей развития с трансформационными и трансакционными издержками. Сделан вывод об ограничениях, с которыми сталкивается фирма при следовании по каждому направлению, что позволяет ответить на известный в институциональной теории вопрос «Почему не все трансакции организованы в рамках фирм?» и подтвердить тезис о том, что существуют пределы роста фирмы.

Ключевые слова: централизация капитала, интеграция, трансформационные издержки, трансакционные издержки

Существует целый ряд задач, решение которых, как правило, связано со значительными инвестициями и под силу только крупному капиталу. На отказ от рыночной формы организации трансакций влияют тенденции убывающей доходности и возрастающей затратности в связи с ограниченностью ресурсов, возрастание роли инфраструктуры и значения информации при принятии решений, необходимость в инновациях в отношении продуктовой линейки и др. Рост трансакций приводит к увеличению затрат на их обслуживание. Обострение конкуренции также ведет к росту трансакционных (прежде всего информационных) издержек.

Еще в начале XX века австрийский экономист Й. Шумпетер утверждал, что крупные фирмы имеют особые преимущества [2]. В своих трудах он, правда, говорил о монополистическом уровне организации, но, по мнению современных ученых, имелись в виду крупноразмерные фирмы, возникающие, по мнению Й. Шумпетера, в результате экономии от масштаба затрат на НИОКР и затрат на управление, а также наличия больших возможностей по распределению риска и финансированию нововведений. К достоинствам крупных фирм австрийский ученый причислял также существенно более устойчивое финансовое положение, чем у малых фирм или предприятий.

Крупный капитал обладает перечисленными выше преимуществами, так как получает возможность оказывать влияние на цены (как на продажные, так и на покупные), используя свое монопольное положение. Построение иерархических структур позволяет минимизировать трансакционные издержки, смягчить проблему

неполноты контрактов, уменьшить внешние эффекты, связанные с несовершенством или провалами институциональной среды.

Трансформация рыночных отношений во внутрифирменные во многом связана с централизацией и концентрацией капитала. В. Б. Акулов называет эти формы укрупнения капитала «первыми причинами, обуславливающими процесс фундаментальной трансформации» [1; 110].

Под концентрацией капитала понимается его наращивание посредством капитализации доходов (или накопления индивидуального капитала). Под централизацией капитала понимают рост размеров капитала за счет сосредоточения активов в руках незначительного числа собственников. В свою очередь централизация капитала является результатом вертикальной и горизонтальной интеграции, которая осуществляется прежде всего посредством объединений, слияний или поглощений компаний, а также при помощи вхождения в уставный капитал других организаций. В результате укрупнения масштабов капитала возникает крупный капитал, обладающий способностью влиять на рыночные цены.

Горизонтальная интеграция предполагает включение во внутрифирменную структуру компаний, занимающихся тем же видом деятельности, применяющих сходные технологии. Много примеров горизонтальной интеграции мы находим в автомобильной промышленности. В случае включения во внутрифирменную структуру предприятий или фирм, связанных технологически, мы говорим о вертикальной интеграции. Этот тип интеграции свойственен нефтяным компаниям, которые включают в собственную организационную структуру нефте-

добычу, транспортировку нефти, нефтеперерабатывающие заводы, оптовые и розничные сети продаж нефтепродуктов.

О. Уильямсон выделяет два основных вида вертикальной интеграции: интеграцию «вперед» и интеграцию «назад», а также упоминает естественную (стержневую) интеграцию, «которая подразумевает интеграцию смежных производственных стадий, объединяемых стержневой технологией» [7; 181]. Интеграция «вперед» предполагает включение во внутрифирменную структуру последующих стадий производства и сбыта. Так, конец 2000-х годов в лесопромышленном комплексе России отмечен стремлением лесозаготовительных компаний, ориентированных на экспорт, приобретать лесопильные предприятия. Данная тенденция была вызвана стремлением к снижению издержек на фоне значительного роста таможенных пошлин на вывоз круглого леса с января 2009 года. Активно используют данный вид вертикальной интеграции нефтяные компании, вкладывающие средства в строительство и приобретение сети бензоколонок в России и за рубежом, что дает им возможность контролировать прохождение готовой продукции до непосредственного потребителя, увеличивать добавленную стоимость и учитывать колебания рыночной конъюнктуры на разных рыночных сегментах. Интеграция «назад» связана с расширением бизнеса за счет предшествующих технологических стадий, очень часто это стадия производства сырья. По этому сценарию укрупняются металлургические и деревообрабатывающие компании, компании по производству мороженого и другой молочной продукции.

Вертикальная и горизонтальная интеграция как способы роста фирмы и минимизации транзакционных издержек несут в себе много возможностей. Так, например, ОАО «Северсталь», производящее в основном листовую прокат, используемый главным образом в автомобильной промышленности и судостроении, в 2004 году приобретает американскую сталелитейную компанию Rouge Industries, простаивающие мощности которой оно оказалось в состоянии загрузить. Результатом этой сделки был выход российской фирмы на американский рынок и получение прямого доступа к американским автопроизводителям, к новым технологиям производства и маркетинга. Еще одним примером крупномасштабной интеграции (вертикальной и горизонтальной одновременно) является создание в 2006 году компании ЗАО «Инвестлеспром», которая после проведения консолидации активов в 2007 году вошла в пятерку крупнейших компаний лесопромышленного комплекса России. Основными видами деятельности данной бизнес-группы (фирмы) становятся: лесозаготовка и производство круглых лесоматериалов, лесопильное производство, целлюлозно-бумажное производство,

плитное и фанерное производство, торговля древесной продукцией. Результаты вертикальной и горизонтальной интеграции в данном случае сложно оценивать однозначно. С одной стороны, поглощаемые экономические субъекты получили преимущества за счет того, что смогли претендовать на дополнительные ресурсы, которые готов был предоставить в их распоряжение новый собственник, аффилированный с ЗАО «Банк Москвы». Так, например, покупка Сегезским ЦБК компании Korsnas Packaging за счет кредита, предоставленного Банком Москвы, позволила выйти на внешний рынок мешочной продукции, что ранее казалось невозможным. Одновременно с этим следует отметить, что на момент создания ЗАО «Инвестлеспром» единственным прибыльным приобретенным активом являлся ОАО «Сегезский ЦБК». Можно ли в этих условиях говорить о целях повышения эффективности? Разразившийся позже скандал по поводу финансовых махинаций собственников Банка Москвы и ЗАО «Инвестлеспром» подтверждает версию о том, что выгоды от интеграции делят между собой небольшое количество владельцев, контролирующих фирму.

Одним из важнейших вопросов, рассматриваемых в теории фирмы, является определение размера и границ фирмы. При этом следует отметить, что в научной литературе часто происходит отождествление этих понятий. Словарь русского языка С. И. Ожегова трактует их следующим образом. Размер – это величина чего-нибудь в каком-нибудь измерении или степень развития; величина, масштаб какого-нибудь явления [5; 647]. Размер фирмы может оцениваться при помощи показателей выручки, балансовой стоимости активов или рыночной капитализации в стоимостном выражении. Граница в наиболее близком к фирме толковании представляет собой предел, допустимую норму или линию раздела между территориями, рубеж [5; 147]. В применении к иерархическим структурам речь идет о круге предприятий, входящих в фирму, отношения между которыми строятся на административных началах.

Размер и границы фирмы не являются тождественными понятиями, но тесно взаимосвязаны между собой. Увеличение размера может происходить как без изменения границ фирмы за счет концентрации капитала, так и в процессе изменения границ организации через интеграцию (рис. 1).

В случае увеличения размера без изменения границ фирма получает дополнительные преимущества в результате увеличения отдачи от масштаба (в том числе за счет возникновения и наращивания монополистической силы), пока это возможно. Эффективность функционирования фирмы возрастает в связи с сокращением удельных трансформационных издержек. Следует отметить, что данный эффект проявляется и при увеличении размера через интеграцию, но

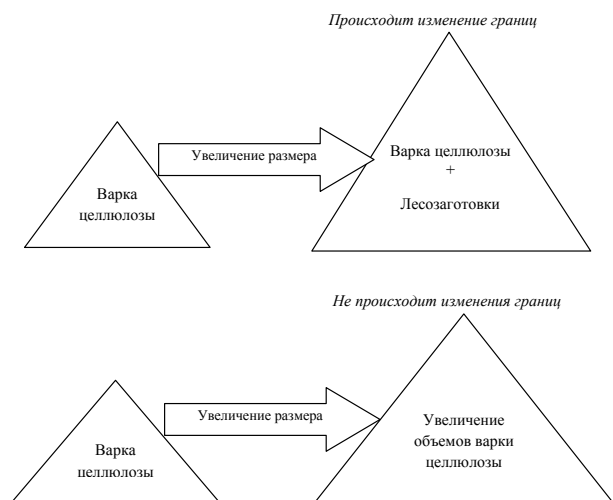

Рис. 1. Взаимосвязь изменения размера фирмы и ее границ [6]

он является только одной составляющей общего получаемого результата.

Изменение границ фирмы может происходить не только в случае, когда организация стремится увеличить свои размеры, но и если рыночный способ управления транзакциями перестает отвечать ее требованиям и транзакционные издержки существенно возрастают. В стремлении защитить свои транзакции и финансовые интересы фирма прибегает к интеграции, что приводит к изменению ее границ, то есть оптимизация границ фирмы связана со снижением транзакционных издержек.

Возможные варианты границ фирмы можно рассмотреть на примере целлюлозно-бумажной промышленности. Основными стадиями технологического процесса (включая предшествующие и последующие варке целлюлозы стадии) являются: лесозаготовка, получение технологической щепы, варка целлюлозы, изготовление бумаги (например, упаковочной), производство упаковки (бумажных мешков, сумок или пакетов), организация сбыта готовой продукции. При этом способом организации транзакций может выступать вертикальная иерархия, включающая в себя все перечисленные технологические стадии (как, например, в ЗАО «Инвестлеспром»), или часть сделок может быть доверена рынку, а также управляться при помощи контрактных отношений. Во всех случаях границы фирмы будут разными. Кроме того, существуют другие сферы деревообработки, установление контроля над которыми может привести к повышению эффективности функционирования целлюлозного или целлюлозно-бумажного предприятия. Например, если во внутрифирменную структуру входит лесопильный завод, это дает следующие выгоды: 1) технологическая щепка, являющаяся отходами лесопиления, служит дешевым сырьем для производства целлюлозы; 2) продукция лесозаготовок распределяется между

лесопильным и целлюлозным предприятиями наиболее рационально с наилучшим соотношением затраты/результаты; 3) возникает возможность сглаживания цикличности рынков бумажной упаковки и пиломатериалов, так как обычно периоды кризиса не совпадают. Наглядно различие границ фирмы представлено на рис. 2.

Одной из важнейших проблем теории фирмы является вопрос о пределах ее роста. В экономической науке существует понятие рациональных границ фирмы, которые признаются таковыми, если они «охватывают только те стержневые и дополнительные производственные стадии, для которых можно доказать эффективность внутрифирменной организации соответствующих операций» [7; 172].

В «Экономических институтах капитализма» О. Уильямсон обобщает различные точки зрения на факторы, определяющие границы фирмы. Он считает невозможным согласиться со следующими предлагаемыми трактовками: убывающих доходов от предпринимательской деятельности в связи с неопределенностью Ф. Найта, ограничениями на размер фирмы в связи с выполнением работ в срок и задержками Дж. Джинаккелоса и П. Милгрота, ограничениями из-за возможностей хозяйственного роста Е. Пенроуз, ограничением организационным капиталом Е. Прескотт, М. Визер.

О. Уильямсон считает, что и его ранние взгляды, связанные с эффектом искажения информации как фактора, ограничивающего размеры фирмы, недостаточно состоятельны, так как приводимая аргументация не допускает возможности выборочного вмешательства высших менеджеров в принятие решений [7; 225].

В поиске ответа на вопрос о рациональных границах фирмы американский ученый рассматривает изменения, происходящие в фирме в процессе ее роста в рамках двух подходов: 1) интеграции с фирмой-поставщиком, управляемой собственником, 2) покупку фирмы-поставщика, где функции собственности и управления разделены. В первом случае собственник превращается в менеджера, в связи с чем изменяется его мотивация и возникает вероятность снижения эффективности использования активов. Попытки создания системы контроля над деятельностью отделения-поставщика неизбежно приводят к возникновению дополнительных затрат на мониторинг. Финансовые взаимоотношения после слияния также подвергаются изменению — определение трансфертных цен производится единоличным решением отделения-покупателя, при этом чистый доход отделения-поставщика уменьшается (в том числе и посредством применяемой покупателем методологии бухгалтерского учета и методов калькуляции затрат). В результате описанной картины можно говорить о проблеме недостаточности мощных побудительных мотивов в рамках фирмы.

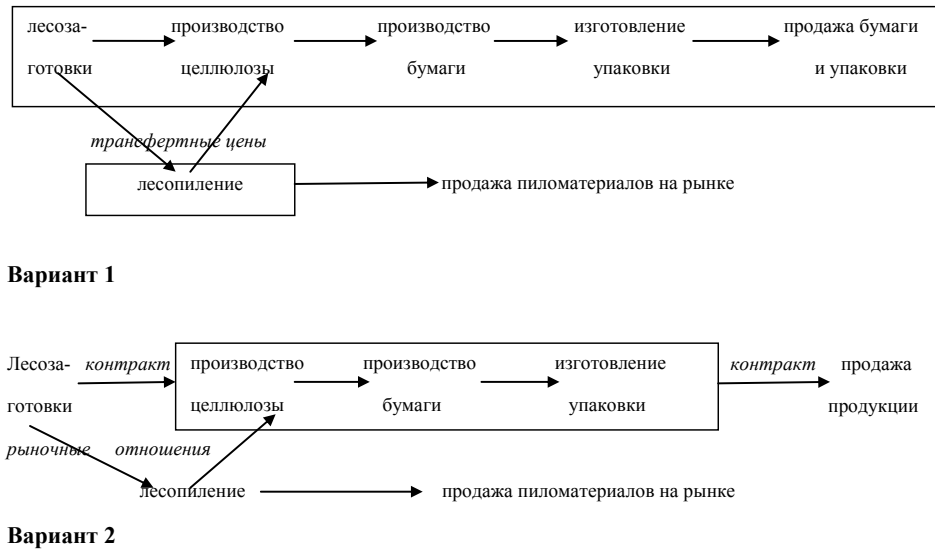

Рис. 2. Варианты построения границ фирмы [6]

Вторая ситуация, описанная О. Уильямсом, характерна для интеграции с фирмой-поставщиком, находящейся в распыленной собственности, в которой основным вознаграждением менеджеров является заработная плата. Ученый отмечает, что основное различие хозяйственных результатов вследствие отличия систем контроля в интегрированной и неинтегрированной фирмах заключается в том, что собственники оперируют более агрегируемыми показателями в первом случае, что делает надзор за деятельностью менеджеров, осуществляющих стратегическое управление, менее интенсивным.

Еще один аспект, на который обращает внимание О. Уильямсон, это различия в схемах продвижения по службе в интегрированной и неинтегрированной фирмах. После слияния «акцент механизма продвижения кадров... смещается от заслуг в сторону политических интересов» [7; 245]. Это неизбежно должно привести к ослаблению стимулов для менеджеров. Исследуя различия меж- и внутрифирменной контрактации по принципу «издержки плюс прибыль», американский экономист отмечает два основных аспекта. Оба связаны с тем, что автономная фирма более свободна в принятии решений.

Первое различие заключается в наличии у независимой фирмы стимула нести затраты по сделке (инвестиции в производственные активы, в человеческий капитал), если они приводят к получению конкурентных преимуществ. У внутрифирменного подразделения такой стимул отсутствует. Второе различие связано с пониженной эффективностью межфирменного аудита по сравнению с внутрифирменным.

Родоначальник теории фирмы Р. Коуз следующим образом описывал факторы, определяющие ее границы: «...фирма будет расширяться до тех пор, пока издержки на организацию одной допол-

нительной транзакции внутри фирмы не сравняются с издержками на осуществление той же транзакции через обмен на открытом рынке или с издержками на организацию ее через другую фирму» [4; 40–41]. Другими словами, речь идет об экономии на трансакционных издержках.

Таким образом, современная наука дает следующий ответ на вопрос о том, почему крупная фирма не может делать того, на что способна группа мелких фирм: «...перемещение транзакций с рынка в рамки фирмы обычно сопровождается ослаблением мотивации. Это особенно остро проявляется в ситуации, когда важную роль играют нововведения (и вознаграждения за них). <...> Проблема состоит в том, что ни одно из следующих условий не может быть реализовано без дополнительных затрат: обещания руководителей производственных отделений использовать активы с «должной бережливостью», обещания собственникам компании «ответственно» подходить к пересмотру трансфертных цен и применению гибкой системы бухгалтерского учета, обещания о выплате «в полной мере» вознаграждений за нововведения, обещания использовать схему продвижения по службе «без изменений», а также договоренности между менеджерами «избегать политических предпочтений при выработке решений»» [7; 266–267].

Приведем примеры, свидетельствующие о том, что расширение границ фирмы не всегда целесообразно. Вице-президент и генеральный директор компании Apple по Европе, Ближнему Востоку и Африке Паскаль Каньи так объясняет преимущества своей фирмы, определяемые во многом успешной инновационной деятельностью: «...мы меньше по размеру многих других компаний, выпускающих компьютеры и электронику, поэтому идеи и инновации вращаются внутри компании быстрее. Наши технические

идеи становятся товарами очень быстро. Каждый год мы выпускаем по три-четыре новых продукта, плюс совершенствуем уже существующие. В компании работают сотни инженеров, дизайнеров, разработчиков, основная работа которых состоит в том, чтобы придумывать что-то новое. А поскольку мы создаем для них отличные условия работы, это позволяет нам нанимать лучших генераторов идей на рынке. И, конечно же, мы пристально следим за инновациями за пределами компании – иногда мы приобретаем уникальные технологии, которые могут быть нам полезны» [3].

Еще один пример недостатков, присущих фирме, определяющих ее границы, касается функционирования ООО «Кондопожский лесозаготовительный завод» (КЛЭЗ), являющегося одним из лесопильных предприятий Республики Карелия. С 2003 по 2010 год КЛЭЗ являлся внутрифирменным подразделением финской компании Carelnet O. Y. Очевидно, что эффективность работы лесопильного предприятия и всей компании могла бы быть выше в случае меньшей централизации управления. По существу, все функции стратегического и финансового планирования были сосредоточены в г. Санкт-Петербурге, где находилась головная компания и собственники. В результате решения, которые должны приниматься оперативно, запаздывали. Теплые зимы приводили к возникновению трудностей по заготовке круглого леса, в результате чего дерево-

обрабатывающие предприятия Карелии имели большие проблемы с обеспеченностью сырьем, вплоть до простоев. Несвоевременная реакция собственников, централизующих денежные ресурсы в головном предприятии фирмы, на предложения менеджеров КЛЭЗ по формированию сверхнормативных запасов сырья приводила к потерям в результате снижения объема распиловки. Добавим, что все решения по поводу страхования, премирования работников предприятия также принимаются на уровне менеджмента головной компании, что часто, по свидетельству управляющих на местах, не позволяет создать необходимую систему стимулов для обеспечения дисциплины и производительности труда во внутрифирменном подразделении.

В 2009 году КЛЭЗ становится банкротом, несмотря на то что при неблагоприятной рыночной конъюнктуре в мире и в России он по-прежнему в состоянии продавать всю производимую продукцию. Главная причина банкротства состоит в вымывании оборотных средств через другие внутрифирменные подразделения, что привело к недозагруженности производственных мощностей и последующим неплатежам. Вряд ли такое могло бы случиться, если бы принятие финансовых и стратегических решений осуществлялось на уровне внутрифирменного подразделения.

Обобщая все вышесказанное, представим взаимосвязь размера и границ фирмы на рис. 3.

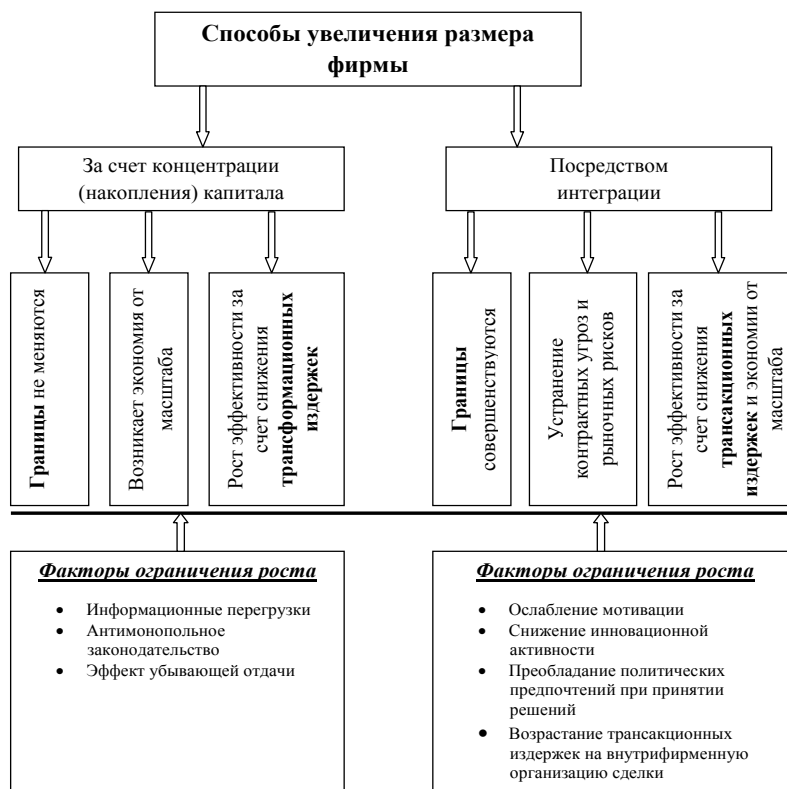

Рис. 3. Взаимосвязь размера и границ фирмы [6]

В случае если начинают действовать ограничения на размер, дальнейший рост становится нецелесообразным, так как это приводит к возрастанию совокупных издержек фирмы. В этой ситуации либо будет создаваться новая организация, либо сделки будут доверены рынку и организованы в форме долгосрочных контрактов. Также можно говорить о пересмотре границ фирмы, приводящем к уменьшению размера фирмы, если показатели эффективности ее функционирования перестают удовлетворять собственников.

Таким образом, размер фирмы можно считать ее количественной характеристикой, а границы – качественной, позволяющей перейти от ее рассмотрения как «черного ящика» к изуче-

нию механизма функционирования фирмы как особой формы организации трансакций. Увеличение размера фирмы может происходить как при помощи расширения ее границ, так и без их корректировки. Изменение размера фирмы осуществляется в целях повышения эффективности ее функционирования за счет оптимизации трансформационных и трансакционных издержек. Когда фирма перестает получать экономию от увеличения масштаба своей деятельности и снижения трансакционных издержек, дальнейший рост размера теряет смысл. Границы фирмы связаны с показателями эффективности ее деятельности и определяются этапом в развитии организации, когда эффект экономии совокупных издержек перестает действовать.

* Работа выполнена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулов В. Б. Теория экономической организации. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 296 с.
2. Ерзнкян Б. А. Мейнстрим и эволюционная теория экономического развития // Экономическая наука современной России. 2004. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cemi.rssi.ru/ecr/issuesn2.html>
3. Кокшаров А. Яблочко покатилося в массы // Эксперт Online. 2005. № 7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://expert.ru/expert/2005/07/07ex-7e-apple_4591/
4. Коуз Р. Г. Природа фирмы. М.: Дело, 2001. 360 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М: Русский язык, 1990. 921 с.
6. Ругачева А. В. Фирма: институциональный и финансовый механизмы функционирования: Дисс. ... канд. экон. наук. СПб., 2010. 156 с.
7. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат: CEV Press, 1996. 702 с.

Rugacheva A. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CORRELATION BETWEEN COMPANY'S SIZE AND ITS BOUNDARIES

The article reveals reasons for a company's desire to grow and shows some of the advantages and limitations of the large firms in comparison to the small ones. In the article, theoretical statements are supported by several practical cases exemplifying enlargement of the Russian vertically integrated structures. The author defines the difference between such categories as "size" and "borders" of the firm. This concept is not popular among the authors writing on the institutional theory of the firm. Rather frequently the terms "size" and "borders" are used as synonyms. The author also demonstrates a number of possible ways instrumental in designing boundaries of the firm. There are two ways of the company's size enlargement: with or without changes of its boundaries. The correlation between these ways of the company's development and transformation and transaction costs was established. The author concludes that there are some limitations affecting the use of each way of development. This conclusion allows the author to answer one pressing question of the institutional theory: "Why aren't all transactions made within firms?" – and, therefore, confirm the thesis that there are limits to the growth of the company.

Key words: centralization of the capital, integration, transformation costs, transaction costs

REFERENCES

1. Akulov V. B. *Teoriya ekonomicheskoy organizatsii* [Theory of economic organization]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2009. 296 p.
2. Erznkyan B. A. Mainstream evolutionary theory and economic development [Mejnstrim i evolyutsionnaya teoriya ekonomicheskogo razvitiya]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. 2004. № 4. Available at: <http://www.cemi.rssi.ru/ecr/issuesn2.html>
3. Koshkarov A. Apple has to the masses [Yablochko pokatilos' v massy]. *Ekspert Online*. 2005. № 7. Available at: http://expert.ru/expert/2005/07/07ex-7e-apple_4591/
4. Coase R. The Nature of the Firm. *Economica*. 1937. Vol. 4. № 16. November. P. 386–405.
5. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1990. 921 p.
6. Rugacheva A. V. *Firma: institutsional'nyy i finansovyy mekhanizmy funktsionirovaniya: Diss. ... kand. ekon. nauk* [Firm: institutional and financial mechanisms of functioning: PhD. ec. sci. diss.]. St. Petersburg, 2010. 156 p.
7. Williamson O. E. *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting*. New York, The Free Press, 1985. 450 p.

Поступила в редакцию 16.10.2014

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ОЛЕНИНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
tyolenina@mail.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕСНОГО ПЛАНА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Рассматриваются проблемы правового регулирования лесного планирования как инструмента для управления в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в субъектах Российской Федерации. Существует проблема отсутствия четких лесных планов и лесных регламентов. В настоящий момент лесное планирование несостоятельно в обеспечении устойчивого развития территорий и устойчивого управления лесами. В ближайшие несколько лет составление лесных планов станет одной из задач, которые должны будут решать органы исполнительной власти субъектов РФ в области лесных отношений. Актуальность и новизна работы состоят в том, что в настоящее время обсуждаются проблемы инвентаризации лесов и лесоустройства в России, обновляются подзаконные акты по этим вопросам, определяются инновационные пути развития лесоустройства. В связи с этим лесному плану субъекта Российской Федерации отводится важное значение, поскольку он основан на результатах инвентаризации лесов и лесоустройства.

Ключевые слова: лесное планирование, лесное право, устойчивое развитие, инвентаризация лесов, лесоустройство

Лесное планирование в последнее время приобретает все большую популярность в связи с необходимостью модернизации лесоустройства. В связи с этим 1–3 октября 2014 года в рамках 4-й Международной научно-практической конференции «Проблемы инвентаризации лесов и лесоустройства» (г. Иркутск, Россия) [4], организованной Федеральным агентством лесного хозяйства и Федеральным государственным унитарным предприятием «Рослесинфорг» обсуждались проекты нормативных документов по государственной инвентаризации лесов, лесоустройству, определялись инновационные пути развития лесоустройства. Лесной план субъекта Российской Федерации является одним из важнейших документов, принимаемых на уровне субъекта Российской Федерации, который разрабатывается на основании результатов инвентаризации лесов и лесоустройства.

Лесное планирование регулируется в основном лесным законодательством Российской Федерации. Так, планирование в области использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов (лесное планирование) направлено на обеспечение устойчивого развития территорий (статья 85 Лесного кодекса Российской Федерации от 4 декабря 2006 № 200-ФЗ¹ (далее ЛК РФ)).

А. П. Петров рассматривает лесной план субъекта Российской Федерации как документ, разработанный на принципах экономического планирования и интегрированный в перспективный план социально-экономического развития региона [6].

Данное понятие является новым для отечественного лесного законодательства, поскольку прежним Лесным кодексом Российской Феде-

рации от 29 января 1997 № 22-ФЗ² (в настоящее время утратившим силу) термин «лесное планирование» не предусматривался. В то же время в экологическом и лесном законодательстве отсутствует дефиниция «устойчивое развитие территорий». Данное определение сформулировано в статье 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ³ (далее – ГрадК РФ 2004 года): устойчивое развитие территорий – обеспечение при осуществлении градостроительной деятельности безопасности и благоприятных условий жизнедеятельности человека, ограничение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и обеспечение охраны и рационального использования природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений. ГрадК РФ 2004 года под устойчивым развитием территории по сути понимает практически то же самое, что и Градостроительный кодекс Российской Федерации от 07.05.1998 № 73-ФЗ⁴ под устойчивым развитием поселений и межселенных территорий [2]. Таким образом, для точного понимания лесного планирования, поскольку оно направлено на обеспечение устойчивого развития территорий, необходимо обращаться к градостроительному законодательству (статья 1 ГрадК РФ 2004 года).

Чуть позже было принято Постановление Правительства РФ от 24.04.2007 № 246 «Об утверждении Положения о подготовке лесного плана субъекта Российской Федерации» (в настоящее время утратило силу). В итоге в 2008–2009 годах во многих субъектах РФ были приняты лесные планы. Проблемой является то, что для их составления зачастую использовались

устаревшие материалы лесоустройства, которые существенно отличаются от современной ситуации [1; 2], [3].

Также в лесных планах субъектов РФ отражалась всесторонняя, подготовленная в едином формате информация о лесном фонде, планируемых мероприятиях и целевых показателях развития лесного комплекса в регионах на ближайшие 10 лет [7; 129].

В дальнейшем Приказом Рослесхоза от 05.10.2011 № 423⁵ была утверждена типовая форма и состав лесного плана субъекта Российской Федерации, порядка его подготовки. В связи с этим в лесные планы субъектов РФ были внесены изменения. Несмотря на это, проблема отсутствия четких лесных планов и лесных регламентов остается на сегодняшний день актуальной. Формально на данный момент разработчики лесных планов могут опираться только на материалы лесоустройства [5].

В отдельных субъектах РФ еще только предстоит разработка лесных планов. Например, в Тульской области Лесной план должен быть готов к декабрю 2014 года, в Санкт-Петербурге – к концу 2015 года [3].

В соответствии со статьей 86 ЛК РФ в лесном плане субъекта Российской Федерации определяются цели и задачи лесного планирования, а также мероприятия по осуществлению планируемого освоения лесов и зоны такого освоения. К лесному плану субъекта Российской Федерации прилагаются карты с обозначением границ лесничеств, лесопарков, а также зон их планируемого освоения.

Лесной план, таким образом, выступает необходимым комплексным документом, являющимся результатом лесоустройства. В настоящее время обновляется нормативная документация по государственной инвентаризации

лесов, лесоустройству, в связи с этим Федеральным агентством лесного хозяйства подготовлены соответствующие проекты подзаконных актов [4]. Результаты инвентаризации лесов и лесоустройства, техническая документация по ним ложатся в основу разработки или изменения лесного плана субъекта Российской Федерации.

Срок действия Лесного плана – 10 лет, по истечении которого необходимо проводить лесоустройство и составлять на его основе новый Лесной план.

В связи с тем что отдельные полномочия в сфере лесных отношений были переданы на исполнение органам государственной власти субъектов Российской Федерации, ЛК РФ создал возможности управления в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов. В частности, в качестве таковых выступает лесной план субъекта Российской Федерации. Правоприменительная практика его использования показывает его несостоятельность, главным образом, в обеспечении устойчивого развития территорий. В ближайшие несколько лет составление и изменение лесных планов станет одной из задач, которые должны будут решать органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области лесных отношений.

Для правильного оформления данных документов необходимо совершенствование государственной инвентаризации лесов и лесоустройства в России. Разрабатываемые Федеральным агентством лесного хозяйства проекты нормативных документов по этим вопросам должны способствовать совершенствованию правового регулирования в сфере охраны и использования лесов, а также оказать влияние на лесные планы субъектов Российской Федерации, поскольку последние основаны на результатах инвентаризации лесов и лесоустройства.

* Издаётся в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

² СЗ РФ. 1997. № 5. Ст. 610.

³ СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 16.

⁴ СЗ РФ. 1998. № 19. Ст. 2069.

⁵ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абсалимов Р. Р., Корепанов Д. А., Петров А. А. Некоторые направления осуществления «Лесного плана Удмуртской Республики» // Вестник Ижевской государственной сельскохозяйственной академии. 2009. № 2 (19). С. 2–5.
2. Оленина Т. Ю. Правовые аспекты лесного планирования как административно-правовой формы государственного регулирования лесных правоотношений // Административное право и процесс. 2013. № 7. С. 62–63.
3. Официальный сайт Федерального агентства лесного хозяйства [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rosleshoz.gov.ru/media/sub_news/roslesinforg/40
4. Официальный сайт Федерального агентства лесного хозяйства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosleshoz.gov.ru/media/event/57>
5. Павлова В. А., Зиновьева И. С. Проблемы и перспективы развития лесной отрасли России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rae.ru/forum2012/183/109>

6. Петров А. П. Лесной план субъекта Российской Федерации или как устойчиво развивать лесной сектор в условиях децентрализации власти // *Лес и бизнес*. 2007. № 4 (34). С. 14–19.
7. Ромашов Ю. М. Методологические вопросы разработки лесных планов субъектов Российской Федерации // *Лесной журнал*. 2011. № 1. С. 122–130.

Olenina T. Yu., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

LEGAL ASPECTS OF FOREST PLANNING IN SUBJECTS OF RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the problem of legal regulations on forest planning as a tool for management in the sphere of rational use, conservation, protection, and reproduction of forests in the subjects of the Russian Federation. The absence of detailed forests plans and forest regulations presents a problem. At present the process of forest planning is not effective enough to ensure sustainable development of territories and sustainable management of forests. In the next couple of years, drafting of forest plans will become one of the responsibilities of the authorities of executive branch of the subjects of the Russian Federation in the sphere of forestry relations. The relevance and novelty of the article is in the discussion of the problems related to forest inventory and forest management in Russia. The dealing with the studied problem are updated and new ways of forest management development are determined. Therefore, a significance of the forest plan for the subjects of the Russian Federation is hard to underestimate because it is based on the results of forest inventory and forest management.

Key words: forest planning, forest law, sustainable development, forest inventory, forest management

REFERENCES

1. Absalyamov R. R., Korepanov D. A., Petrov A. A. Some areas of the Forest Plan of the Udmurt Republic [Nekotorye napravleniya osushchestvleniya "Lesnogo plana Udmurtskoy Respubliki"]. *Vestnik Izhevskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii* [Bulletin of the Izhevsk State Agricultural Academy]. 2009. № 2 (19). P. 2–5.
2. Olenina T. Yu. Legal aspects of forest planning as an administrative form of the state regulation of forestry relations [Pravovye aspekty lesnogo planirovaniya kak administrativno-pravovoy formy gosudarstvennogo regulirovaniya lesnykh pravootnosheniy]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and process]. 2013. № 7. P. 62–63.
3. *Ofitsial'nyy sayt Federal'nogo agentstva lesnogo khozyaystva* [Official website of Russian Federal Forestry Agency]. Available at: http://www.rosleshoz.gov.ru/media/sub_news/roslesinfor/40
4. *Ofitsial'nyy sayt Federal'nogo agentstva lesnogo khozyaystva* [Official website of Russian Federal Forestry Agency]. Available at: <http://www.rae.ru/forum2012/183/109>
5. Pavlova V. A., Zinov'eva I. S. Problemy i perspektivy razvitiya lesnoy otrasli Rossii [Problems and prospects of the development of forest industry in Russia]. Available at: <http://www.rae.ru/forum2012/183/109>
6. Petrov A. P. The forest plan is the subject of the Russian Federation or as consistently to develop the forestry sector in the context of decentralization of power [Lesnoy plan sub'ekta Rossiyskoy Federatsii ili kak ustoychivo razvivat' lesnoy sektor v usloviyakh detsentralizatsii vlasti]. *Les i biznes* [Forest and business]. 2007. № 4 (34). P. 14–19.
7. Romashov Yu. M. Methodological issues forest development plans of the constituent entities of the Russian Federation [Metodologicheskie voprosy razrabotki lesnykh planov sub'ektov Rossiyskoy Federatsii]. *Lesnoy zhurnal* [Forest magazine]. 2011. № 1. P. 122–130.

Поступила в редакцию 23.10.2014

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ ОРЛИЦКИЙ

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник учебно-научной лаборатории мандельштамоведения, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация)
ju_b_orlitski@mail.ru

Рец. на кн.: Словарь языка русской поэзии XX века. Том V: Н-Паяц / Сост.: Григорьев В. П., Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Кулева А. С. (ред.), Колодяжная Л. И., Гик А. В., Фатеева Н. А. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 1016 с. – (Studia philologica).

На протяжении последних десяти лет при поддержке РГНФ публикуются тома Словаря языка русской поэзии XX века [1]. Вышедший в свет очередной том этого уникального словаря – лучший памятник замечательному лингвисту и исследователю литературного авангарда Виктору Петровичу Григорьеву, 90-летие которого отмечается в марте 2015 года. В пятом томе Виктор Петрович вновь фигурирует как автор: в пояснении сказано, что он входит в число составителей словарных статей на имена собственные. Думается, что творческая энергия Григорьева до сих пор питает этот уникальный по масштабу и значимости лингвистический проект, несмотря на то что самого автора идеи нет уже семь лет.

Сам Григорьев сопоставлял свое тогда еще будущее детище с двумя самыми авторитетными русскими словарями – Даля и Ожегова, говоря в том числе и о сопоставлении всех трех «по объему». Сейчас опубликовано уже более 30 тысяч словарных статей, хотя составители словаря едва достигли начала буквы «П» – впереди еще ее большая часть, а также едва ли не самые объемные «Р», «Т» и особенно «С». Так что на три тома материала, значительная часть которого была собрана еще при Григорьеве и с его непосредственным участием, вполне хватит. А что до григорьевского сопоставления, то ученый выбрал для него, во-первых, самые известные широкому читателю-неспециалисту издания (в отличие от академических словарей), а во-вторых, издания, в большой степени ориентированные на язык художественной литературы. Ведь словарь Даля для нас сегодня – явление не столько «живого великорусского», сколько в первую очередь литературного, эстетически маркированного и окрашенного языка, своего рода инструмента современных литераторов.

Григорьев удивительным образом сочетал две, казалось бы, трудно соединимые филологические ипостаси – хлебниковеда (сам он предпочитал называть свою отрасль науки «велимироведением») и лексикографа: именно это и позволило ему еще в 1993 году обозначить «кideo Словаря языка русской поэзии XX века, опирающуюся на понятия “самовитого слова” (и экспресемы) как “чудовищно уплотненной реальности” (Мандельштам) и “аббревиатуры высказываний” (Бахтин)» [2; 739]. На первый взгляд, такая формулировка идеи словаря выгля-

дит не вполне научной – по крайней мере, в традиционном позитивистском смысле, на котором зиждется современная лингвистическая мысль. Но парадоксальность тут мнимая: эвристическая значимость самой попытки угнаться за языком, «в авангарде» которого всегда оказываются поэты, намного плодотворнее поневоле арьергардной дескриптивности. Знаменателен в приведенной цитате и выбор авторитетных имен, обозначающих разные полюса филологической мысли, но сходящихся в главном: в XX веке приходит осознание роли слова не только как инструмента, но и как важнейшей части реальности, ее авангарда.

Я не случайно настойчиво повторяю это слово, которое для Григорьева было синонимом творчества, искусства вообще – с авангардизмом в широком понимании связана такая важнейшая для словаря характеристика, как отбор материала: «Условимся для начала о работе по конкордансам к десяти поэтам: Анненскому, Ахматовой, Блоку, Есенину, Кузмину, Мандельштаму, Маяковскому, Пастернаку, Хлебникову, Цветаевой», добавляя: «Споры о первоочередных персоналиях решаются простым предоставлением конкордансов к Брюсову, Гумилеву, Вяч. Иванову, Клюеву, Ходасевичу и другим достойным поэтам» [2; 739]. Сопоставление «десяти поэтов» с «другими достойными» со всей очевидностью демонстрирует предпочтение новаторов перед консерваторами, потому что именно первые создают язык, а не пользуются им. Конечно, каждый по-своему: Анненский как «языкотворец» безусловно уступает по производительности Хлебникову, но нельзя не признать и того, что, во-первых, это представители разных не просто поколений, но и литературных эпох, а во-вторых, что без Анненского не было бы и всех остальных, и Хлебникова в том числе. Так что список имен оказывается вполне концептуальным, и в этом смысле, пожалуй, бесспорным.

Вторым сомнением оказывается обычно решительное преобладание эмпирики, обилие цитат. Однако и это – непосредственное следствие главной идеи составителей: дать читателю и исследователю в первую очередь язык поэзии, а не очередную умозрительную конструкцию, выстроенную по его поводу. И тут снова вспоминается словарь Даля, «страдающий» тем же самым «недостатком» (который давно уже превратился

в несомненное достоинство) – самодавлением, если хотите, материала над рефлексией.

Не говоря уже о чисто эстетическом удовольствии, неизбежно получаемом при чтении статей словаря, эта их особенность позволяет увидеть картину языка поэзии Серебряного века с максимально возможной полнотой и объективностью. Рассмотрим один пример – среднюю по объему статью НЕВОЗМОЖНЫЙ из пятого тома (некоторые статьи занимают по две-три страницы, некоторые до десяти, эта – примерно четверть):

НЕВОЗМОЖНЫЙ [прил.] Это – лунная ночь невозможного сна, Так уныла, желта и больна В облаках театральная луна, *Анн900-е (72.1)*; Это – лунная ночь невозможной мечты... Но недвижны и странны черты: *ib.*; Весь я там в невозможном ответе, Где миражные буквы маячат... *Анн900-е (107.2)*; Напрасно вы исторгнули безбожно Крикливые хуленья на творца. Вы все, рабы свободы невозможной, Смутитесь здесь пред тайной без конца. *АБ901 (I,111)*; И мимо, задывая свечи, Как некий Дух, закрыв лицо, С надеждой невозможной встречи Пройдет на милое крыльцо. *АБ902 (I,177)*; Я печальными еду полями, Повторяю печальный напев. Невозможные сны за плечами Исчезают, душой овладев. *АБ902 (I,241)*; Невозможную сладость приемли, О, изменник! Люблю и зову Голубы приветствовать земли, Жемчужовые сны наяву. *АБ903 (I,300)*; И там, в канавах придорожных, Я, содрогаюсь, разглядел Черты мучений невозможных И корчи ослабевших тел. *АБ906 (II,189)*; Вот он – ветер, Звенящий тоскою острожной, Над бескрайною топью Огонь н., Распростершийся призрак Ветлы придорожной *АБ908 (III,256)*; Ты проклянешь, в мученьях невозможных, Всю жизнь за то, что некогда любить! Но есть ответ в моих стихах тревожных: Их тайный жар тебе поможет жить. [обращ. к Л. Д. Блок] *АБ913 (III,147)*; Бред безумья и страсти, Бред любви... Невозможное счастье! На! Лови! *АБ913 (III,213)*; Взабегам лесенкой крутой В наш мезонин – всегда весенний И золотой. // Где н. беспорядок – Где точно разразился гром Над этим ворохом тетрадок Еще с пером. *Цв914 (III,7)*; Ты слышать мог: вдали, вдали, Как будто с моря, звук тревожный, Для божьей тверди н. И необычный для земли... *АБ919 (III,330)*; Ночного гостя не застанешь... Спи и проспи навек В испытаннейшем из пристанищ Сей н. свет. *Цв922 (II,131.1)*; В авто, / последний франк разменяв. / – В котором часу на Марсель? – / Париж / бежит, / провожая меня, / во всей / невозможной красе. *М925 (168)*; На север / с юга / идут авеню, / на запад с востока – / стриты. / А между – / (куда их строитель завез!) – / дома / невозможной длины. / Одни дома / длиною до звезд, / другие – / длиной до луны. *М925 (206)*

Из статьи ясно, что концепт «невозможность» наиболее характерен для лирики Блока. В этом, как и многом другом, его непосредственным предшественником оказывается Анненский. А вот появление в этой статье примеров из Цветаевой и Маяковского – не столь «ожиданно».

Хотя, понятно, они имеют иную семантику: скорее нейтральную (особенно у Маяковского), чем мистически символическую, как у Блока и Анненского. Характерно, что эта перемена смысла может быть с помощью статьи даже датирована во времени: для русской поэзии предреволюционного периода характерно именно романтическое понимание «невозможности», для послевоенной этот смысл уже не актуален, романтическая эпоха прошла невозвратно...

Разумеется, это только индивидуальная интерпретация материала словарной статьи. Важно другое: словарь дает объективную основу для подобных интерпретаций, он предоставляет материал, в котором нет никаких оснований сомневаться. Единственное, чего все-таки хотелось бы видеть, – это информацию о ритмических характеристиках отмеченных в статьях словоупотреблений. Ведь для поэтического языка важно, в каком типе стиха (силлабо-тоническом, тоническом или свободном) конкретное слово употребляется, в какой позиции оно находится в строке (в начале, середине или конце), попадает или нет в рифменное созвучие. Впрочем, обширный контекст (обычно – четверостишие) в большинстве случаев вполне позволяет увидеть это. Широка контекста дает читателю и интерпретатору очень важное преимущество: слова предстают не вырванными из текста, а заключенными в самодостаточный в семантическом отношении контекст. Это превращает словарь еще и в представительную антологию русской лирики – качество для словаря немаловажное, превращающее его из простого справочника в факт художественной словесности.

И снова вспомним слова Григорьева из давней, написанной еще тогда, когда словарь был только проектом, статьи «К поэтике и эстетике авангарда»: «Система таких последовательно совершенствуемых словарей для национальных поэзий XX века сделала бы разрешимой задачу сопоставительной эстетики авангарда» [2; 739]. Отметим два принципиально важных момента: допустимость и необходимость «последовательного совершенствования» словаря и его направленность на общеэстетическую, а не сугубо лексикографическую задачу – создание эстетики авангарда, особенно явной в сопоставлении с его ближайшими предшественниками – например, как в приведенном выше примере, с символизмом. Думается, что обе эти задачи последовательно и успешно решаются единомышленниками Виктора Петровича, продолжающими, несмотря ни на что, уже который год работу над словарем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь языка русской поэзии XX века / Сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Колодяжная Л. И. (ред.), Кулева А. С. (ред.), Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. Т. I: А–В. М., 2001. 896 с.; Т. II: Г–Ж. М., 2003. 800 с.; Т. III: З–Круг. М., 2008. 792 с.; Т. IV: Кругл–М. М., 2010. 768 с.
2. Григорьев В. П. К поэтике и эстетике авангарда // Григорьев В. П. Будетлянин. М., 2000. С. 737–740.

Поступила в редакцию 15.09.2014

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА СПИРИДОНОВА
 доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
verses@onego.ru

*Рец. на кн.: «Андрей Платонов. Личное дело». Научно-популярное издание / Сост.: О. Ю. Алейников, М. В. Бычков; Под общ. ред. чл.-корр. РАН Н. В. Корниенко. – Воронеж: Дирекция Международного Платоновского фестиваля, 2013. – 304 с.**

Издание «Андрей Платонов. Личное дело» подготовлено и осуществлено в рамках Международного Платоновского фестиваля искусств – крупнейшего современного культурного проекта на воронежской земле, который проводится ежегодно, начиная с 2011 года. Платоновский фестиваль собирает писателей, философов, переводчиков, исследователей, актеров, режиссеров, сценаристов, художников, музыкантов со всего мира. Масштаб личности Платонова таков, что рамки даже такого «масштабного фестиваля» можно было бы расширить, включив в него ученых, изобретателей, специалистов-практиков, мастеров самых разных областей общего дела жизни – тех, кто в своем времени и поколении, как считал Платонов, являются «родоначальниками нации».

Книга посвящена воронежскому периоду жизни и творчества Платонова. Воронежские истоки писателя не раз становились предметом научных изысканий: это монографии Л. Шубина «Поиски смысла отдельного и общего существования: об Андрее Платонове», Т. Лангерака «Андрей Платонов: материалы для биографии, 1899–1929 гг.», О. Ласунского «Житель родного города: воронежские годы А. Платонова (1899–1926)» и «Воронеж Андрея Платонова», О. Алейникова «Андрей Платонов и его роман “Чевенгур”» и др. Отличительное содержание и качество данного издания, что делает его Событием с большой буквы – оно факсимильное: в нем представлены документальные свидетельства времени и личности, того их драматического сплава, который мы называем биографией. Авторы проекта использовали достижения современной полиграфии и цифровых технологий, чтобы донести до читателя ауру оригинала, исторического подлинника. В факсимильном воспроизведении «оживают» язык, факты, события, время, люди, можно почувствовать пульс и нерв жизни, которая стала историей. Факсимильное издание свода документов – дело долгое, трудное и дорогое. Однако Дирекция Международного Платоновского фестиваля во главе с М. В. Бычковым и правительство Воронежской области изыскали средства, чтобы этот проект осуществить. Безупречно оформление «Личного дела» Платонова, где все, начиная с общего дизайнерского реше-

ния, обложки, цвета, графики, передает страсти революционной эпохи, рассказанные беспристрастным языком архивных свидетельств.

О качестве издания говорят имена авторов-составителей. Найти и собрать источники, которые время, стихия жизни и меняющиеся правила документооборота разбросали и схоронили по разным организациям, ведомствам и лицам, – это требует терпения, профессионализма, в хорошем смысле одержимости. Главный скрупулезный труд по разысканию, отбору и структурированию документов взял на себя О. Ю. Алейников, один из ведущих современных исследователей биографии и творчества Платонова, который продолжает традиции воронежских школ платоноведения и краеведения (В. Свительского, О. Ласунского, В. Акулова, Т. Никоновой и др.). Хронику жизни Платонова, где события расписаны не только по годам и месяцам, но многие уже и по дням, подготовила старший научный сотрудник ИМЛИ РАН Е. В. Антонова. Книга вышла под общей редакцией члена-корреспондента РАН, заведующей отделом новейшей русской литературы и русского зарубежья ИМЛИ РАН, руководителя Платоновской группы Н. В. Корниенко, подвижническим трудом которой наследие Платонова сохранено и возвращено в русскую и мировую культуру.

Материалы, вошедшие в «Личное дело», хранятся в разных местах и организациях: Государственном архиве Воронежской области, Государственном архиве общественно-политической истории (Воронеж), Воронежском областном краеведческом музее, Воронежском областном литературном музее им. И. С. Никитина, Отделе рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва), Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва), частных собраниях, поэтому познакомиться с ними до настоящего издания представлялось трудно осуществимой мечтой даже для специалистов. Между тем это не только мечта, но и научная необходимость; ведь «весь контекст социальной действительности в ее исчерпывающей полноте, – вот тот материал, из которого история лепит биографию»¹.

Документы представлены семью рубриками: Ямская слобода. 1899–1914; Служба пути Юго-

Восточной железной дороги. 1915–1916; Автограф отца. 1917 (почему-то эта рубрика оказалась пропущенной в оглавлении); Воронежский университет. Железнодорожный политехникум. Губсовпартшкола. 1918–1922; Железный путь, Красная деревня, Коммуна, Зори, Голубая глубина. 1919–1922; Воронежская организация ВКП(б). 1920–1926; Воронежское губернское земельное управление. 1922–1924. 1925–1926. Они отражают напряженный поиск своего пути, многогранность личности Андрея Платонова, перипетии его судьбы.

Дата рождения будущего писателя – 16 августа (по старому стилю) 1899 года, о чем свидетельствует выписка из метрической книги Троицкого собора г. Воронежа, выданная 18 мая 1907 года, крещен и наречен Андреем младенец был 22 августа. О. Ю. Алейников, с опорой на свидетельства родственников писателя, дает убедительное объяснение, откуда «взялась» дата рождения Платонова 19 августа 1899 года: «Имя тогда выбирали по святцам: 19 августа по старому стилю (или 1 сентября – по новому стилю) отмечается день памяти святого Андрея Стратилата, в честь которого Платон Фирсович и Мария Васильевна Климентовы назвали своего первенца. По словам Сергея, брата писателя, эту дату – 1 сентября – в скромном деревянном флигеле, когда-то стоявшем на Миллионной улице Ямской слободы, а затем в квартире на ул. Кольцовской, куда после революции перебралось многолюдное семейство Климентовых, принято было отмечать как “именины Андрея”. Очевидно в память о детстве, об Ангеле-хранителе, в честь которого он получил свое имя, Андрей Платонович Платонов решил сохранить именно эту дату как день своего рождения уже в другую, атеистическую эпоху»².

«Хотя возраст мой и мал, но условия жизни заставили меня серьезно относиться к делу и потому покорнейше прошу препятствий к принятию (на службу. – *И. С.*) со стороны возраста не чинить, а испытать меня на деле», – так заканчивает прошение о принятии на работу подросток Андрей Климентов³. Адресовано оно начальнику Управления службы пути Юго-Восточной железной дороги. Дата – 12 ноября (по старому стилю) 1914 года. Сквозь клишированную форму прошения, по сути – отменяя ее, уже явственно проступает личность будущего писателя Андрея Платонова: чувство собственного достоинства и серьезное отношение к делу. Так что выбранное для книги название – «Андрей Платонов. Личное дело» – отражает не только характер издания, включающего в себя разнообразные биографические документы (метрические выписки, анкеты, служебные записки, протоколы, резолюции, письма, автографы, первые публикации, чертежи и т. д.), но и характер ее главного героя, изначально нацеленного на максимальную реализацию себя в жизни.

В книге воспроизведен автограф первого письма А. Платонова, адресованного Марии Кашинцевой, – признания в любви, пронзительно по глубине и силе чувства. Чего стоит только приписка в финале: «Я не убью себя, а умру без вас, у меня все растет и растет сердце» (81). Письмо это впервые было опубликовано в Архиве А. П. Платонова⁴. Однако факсимильное воспроизведение автографа, где пульсирует все, даже почерк, делает зримым это огромное, выше сил человеческих, чувство, от «которого лопаются сердце».

Раздел «Воронежская организация ВКП(б). 1920–1926» посвящен драме взаимоотношений Платонова с партией, затянувшейся в семилетний гордиев узел. Здесь представлена первая, заполненная 20-летним «электриком и журналистом А. Климентовым (Платоновым)» анкета на членство в Воронежской организации ГКП(б) (126–127). Написана она красными чернилами, как и приложенная к ней автобиография, в которой звучит та «самость» мыслей и поступков, которые определяют «непринятие» Платонова партийной номенклатурой: «Если бы я не узнал после Маркса, я бы сам сообразил, каким порядком идет жизнь на земле... В коммунистическую партию меня ведет наш прямой естественный рабочий путь» (129). Закрывает материалы «партийного дела» писателя справка, выданная секретарем ячейки РКП(б) 5 мая 1926: «Т. Платонова от приема в партию воздержатся как интеллигента и недостаточно политически подготовленного» (137). Корявая, безграмотная, можно было бы сказать, курьезная записка, если бы она не представляла официальный лексикон и идеологию эпохи диктатуры.

Особый параграф в разделе, посвященном многообразной деятельности Платонова в Воронежском губернском земельном управлении (где он заведовал отделением гидрофикации, затем подотделом сельскохозяйственной мелиорации, руководил общественно-мелиоративными работами), составил протокол заседания Воронежского губернского мелиоративного совещания, на котором председательствовал Платонов, с его, Платонова, правкой. Заседание проходило в течение трех дней: с 18 по 20 июля 1925 года. Итоговый документ составил 30 страниц машинописного текста. Правка Платонова нарастает к концу в геометрической прогрессии: он помнит весь ход совещания и не терпит неточных формулировок, общих фраз и обезличивания дела. Вот характерная запись-вопрос на полях протокола: «А где же Травкин? Бобров?» Платонов-инженер и руководитель помнит «личное дело» каждого.

География людских судеб в период революции и Гражданской войны пестра и неожиданна. Есть в «Личном деле» два документа, связывающие биографию Платонова конца

1910-х – первой половины 1920-х годов с Карелией. Это удостоверение личности Марии Кашинцевой, будущей жены писателя, выписанное в 1920 году в Воронеже на основе «безсрочной паспортной карты ея матери М. Е. Кашенцевой за № 139», которая, в свою очередь, была выдана «Петрозаводской городской милицией в 1917 году, 18 августа» (77) (семья Кашинцевых уехала из охваченного революционным мятежом Петрограда сначала на север – в Карелию, а позже перебралась в Воронеж). Удостоверение выписано на тетрадном листе в клеточку и подписано председателем Домкомбеда (домовой комитет бедноты) неким Баландиным. Личное знакомство Платонова с карельской землей состоялось в 1925 году. Как инженер-мелиоратор он часто бывал в служебных командировках. Среди производственных бумаг сохранилось удостоверение, выданное мелиоратору Платонову Андрею Платоновичу 10 августа 1925 года для поездки на Волховскую и Кондопожскую Гидро-Силовые Установки – «на предмет ознакомления с техническим исполнением работ» (235).

Выше представлены лишь единичные документы из уникального факсимильного изда-

ния «Андрей Платонов. Личное дело». В книгу включены фотоматериалы первых десятилетий XX века (среди них раритетные), которые дают возможность увидеть Воронеж и его окрестности глазами Платонова: Ямскую слободу его детства, занос на Юго-Восточной железной дороге в окрестностях Воронежа в 1910-е годы, празднование первой годовщины Октябрьской революции у здания железнодорожного вокзала в 1918-м, Вознесенскую церковь на Чугунском кладбище, в которой крестили сына писателя – Платона, и собор Митрофаньевского монастыря, превращенный в 1920-е годы в склад строительных материалов, «чудо-машину» – землечерпательницу конструкции инженера И. Г. Райха, настоящую битву за приобретение которой мелиоратор Платонов развернул в 1924 году (полный список опубликованных документов приведен в конце издания). Книга, задуманная и осуществленная как свод разноплановых свидетельств биографии художника-мыслителя, дает стереоскопическую картину становления его личности и будет востребована как исследователями творчества Платонова, так и читателями, которых всегда будет волновать тайна гения.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Винокур Г. Биография и культура. М., 1927. С. 25.

² Алёйников Ю. Предисловие // Андрей Платонов. Личное дело. Воронеж, 2013. С. 9.

³ Андрей Платонов. Личное дело. Воронеж, 2013. С. 37. Далее ссылка на это издание дается в основном тексте: указывается страница в круглых скобках.

⁴ Архив А. П. Платонова. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 434–435.

Поступила в редакцию 10.11.2014

ХРОНИКА

■ 3–5 июня 2014 года в Петрозаводском государственном университете работала Международная научная конференция «Проблемы анализа художественного текста: к 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова».

Участие в конференции, посвященной проблемам анализа художественного текста, приняли исследователи художественной речи, поэзии, русской литературы из Петрозаводска, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Рязани, Костромы, Вологды, Казани, Киева, Чувашской Республики, Японии. Проблемы интерпретации поэзии, прозы и драматургии М. Ю. Лермонтова; проблемы анализа фонетического, лексиче-

ского и грамматического уровней стихотворного текста; метр, ритм и интонация поэтической речи; проблемы создания словарей поэтической речи; поэтика, стилистика и лингвистика художественного текста; история русской поэзии XVIII–XIX веков – таковы обсуждаемые темы. Организаторы конференции: Петрозаводский государственный университет и Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

■ 9–11 июня 2014 года на базе Петрозаводского государственного университета прошла VIII Международная конференция «Евангельский текст в русской литературе: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр».

С 1993 года раз в три года в ПетрГУ съезжаются ученые-литературоведы со всей страны, а также из-за рубежа, чтобы обсудить вопросы духовной православной традиции русской литературы и культуры на данной конференции. Организатор – кафедра русской литературы и журналистики филологического факультета ПетрГУ. За время проведения конференции ее участники – почти 100 человек из Москвы, Санкт-Петербурга, Липецка, Тольятти, Новосибирска, Иваново, Новгорода, Рязани, Томска, Уфы, Воронежа, Вологды, Калининграда, Сыктывкара, Владимира, Перми, Екатеринбурга, Минска (Беларусь), Харькова (Украина) и Загреб (Хорватия) – представили свои доклады на такие темы, как: христианство и русская словесность, православие и категории русской культуры, евангельские традиции в русской прозе и поэзии, русские писатели и Евангелие; модернизм,

христианство и антихристианство в русской литературе; христианская символика в русской литературе: символы имени, места и времени; рождественские и пасхальные рассказы; евангельские жанры русской литературы: притча, молитва, житие и др. Выступления участников прозвучали на трех секциях: «Древнерусская словесность», «Русская словесность XIX века» и «Русская словесность XX века». В программе конференции предусмотрены дискуссия «Каким быть школьному и университетскому преподаванию русской словесности» и круглый стол «Перспективы изучения христианской традиции в русской словесности», состоялась презентация книг участников конференции. Материалы этой и предыдущих конференций опубликованы в серийном научном издании «Проблемы исторической поэтики», доступном читателям не только в библиотеках, но и в Интернете.

■ 25–28 июня 2014 года в Петрозаводске прошла V Всероссийская научная конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России».

Организаторами конференции выступили Правительство РК, Комитет финно-угроведов РФ, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, ПетрГУ, Петрозаводская государственная консерватория им. А. К. Глазунова. Конференция проводилась при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-14004), Правительства РК и Ассоциации финно-угорских народов России. В рамках центральной темы конференции рассматривались актуальные вопросы финно-угорского языкознания, фольклористики и литературоведения, музыкальной культуры, этнической исто-

рии и современных этносоциальных процессов. На конференции работало 10 секций. Проведены круглые столы на темы: «Финно-угорские народы России в современной этнонациональной политике: региональный и общероссийский контексты» и «Этнопедагогика финно-угров в контексте эволюции семьи, школы и общества». В рамках конференции прошли Школа молодых ученых «Бубриховские чтения» и научно-практический семинар «Людики: проблемы сохранения языка и культуры». По итогам конференции издан электронный сборник материалов.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Серия «Общественные и гуманитарные науки» включает в себя следующие рубрики, соответствующие трем отраслям наук: «Исторические науки и археология» (07.00.00), «Филологические науки» (10.00.00), «Экономические науки» (08.00.00); двум группам специальностей из отрасли «Педагогические науки»: «Общая педагогика. История педагогики и образование» (13.00.01) и «Теория и методика профессионального образования» (13.00.08); двум группам специальностей из отрасли «Юридические науки»: «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» (12.00.02) и «Административное право; административный процесс» (12.00.14).

Представляемые в журнал рукописи должны соответствовать тематике журнала и содержать материалы, не опубликованные ранее в других изданиях. Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами. Статья должна состоять из следующих элементов на русском и английском языках: УДК в левом верхнем углу. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный и почтовый адреса, контактные телефоны). Название статьи жирным шрифтом заглавными буквами.

Аннотация (объем от 120 до 250 слов) является кратким резюме большей по объему работы. Аннотация может публиковаться самостоятельно и, следовательно, должна быть понятной без обращения к самой публикации. Она является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал. Структура аннотации должна повторять структуру статьи и включать введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение (выводы). Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций. Ключевые слова – от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).

Список литературы должен быть представлен на отдельных листах в 2 вариантах:

1) на русском языке в соответствии с ГОСТ 7.1-84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления». Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы (от и до или общее количество) приводится в алфавитном порядке, сначала отечественные, затем зарубежные авторы;

2) список литературы должен быть записан на языке оригинала латинскими буквами (References). Если русскоязычная статья была переведена на английский язык и опубликована в английской версии, то необходимо указывать ссылку из переводного источника. Как правило, библиографические описания российских публикаций составляются в следующей последовательности: авторы (транслитерация), перевод названия статьи на английский язык, название статьи в транслитерированном варианте в квадратных скобках, название источника (транслитерация, курсив), выходные данные с обозначениями на английском языке.

В тексте статьи ссылка дается в квадратных скобках, через точку с запятой – цитируемая страница, если это необходимо.

Законодательные акты, постановления, архивные и исторические источники оформляются в виде Примечаний.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат обязательному рецензированию.

Редакция оставляет за собой право внесения в текст редакторских изменений, не искажающих смысла статьи.

Более подробная информация для авторов дана на сайте журнала: uchzap.petrSU.ru.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, редакция не рассматривает. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

- Vostrikova V. V.*
EARLY XX CENTURY LIBERAL POLITICIANS
OF RUSSIA ON TYPES OF CONSTITUTIONAL
STATES 7
- Kozhevnikova Yu. N.*
DIODOR YUR'EGORSKY – PATRON OF VOD-
LOZERO (MATERIALS ON FUNERALCUS-
TOMS IN MONASTERIES AND VENERATION
OF ITS FOUNDERS)..... 13
- Erlickh S. E.*
MYTH INERTIA: RHETORIC OF DECEMBRIST
REDEMPTION OF NOBILITIES' GUILT IN
MODERN HUMANITARIAN RESEARCH 19
- Bauer T. V.*
STEALING AS TOTAL EVIL: REALITY AND MYTH... 25

PEDAGOGICAL SCIENCES

- Litvishkov V. M., Malan'in V. S.*
FEATURES OF PEDAGOGICAL MODEL OF
PROFESSIONAL COMPETENCY DEVELOP-
MENT IN LISTENERS OF TRAINING CENTERS
OF RUSSIAN PENAL SYSTEM 31
- Selivanova O. G.*
META SUBJECT RESULTS OF PUPIL'S EDUCA-
TIONAL ACTIVITY AND METHODS OF THEIR
ACHIEVEMENT 36

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Plungian V. A.*
NON-CLASSICAL LERMONTOV'S VERSE:
SOME DETAILS 40
- Meshadieva A. E.*
ON COMPARATIVE ANALYSIS OF PARTICIPLE
ENDING IN -MIŞ⁴ IN TURKIC LANGUAGES 52
- Popov A. A.*
NAMES OF MIDGES IN RUSSIAN FOLK DIALECTS ... 57
- Sharapenkova N. G.*
CONCEPT OF "ARTIST" IN EARLY WORKS OF
TH. MANN..... 62
- Babalyk M. G.*
ON STUDY OF MANUSCRIPT TRADITION
"WORD ABOUT OBSCENE LANGUAGE" 66
- Mineeva I. N.*
LEFTISM EFFECT OR N. S. LESKOV'S RELA-
TIONSHIP WITH BRITAIN 70

- Romanov Yu. A.*
MATRIX OF "UNDERGROUND" IN CONCEPT
OF LATE DOSTOEVSKY'S HEROES..... 76
- Sklizkova A. P.*
ANTIQUÉ REMINISCENCES IN GERMAN
LEGEND "POOR HENRICH" WRITTEN BY H.
HAUPTMAN 81
- Sobolev N. I.*
POETICS OF TIME IN IVAN SHMELEV'S WORKS... 87
- Pekshieva M. V.*
MUSIC IN V. F. ODOEVSKY'S LIFE AND ITS
PLACE IN TALE "SALAMANDRA"..... 90

ECONOMIC SCIENCES

- Druzhinin P. V.*
RESEARCH OF INFLUENCE OF STRUCTURAL
CHANGES IN ECONOMY ON ENVIRONMEN-
TAL POLLUTION 94
- Kadnikova T. G.*
REGIONAL HOUSING MARKET AND WAYS
OF ITS DEVELOPMENT (CASE STUDY OF
KARELIAN REPUBLIC) 100
- Martyukova E. G.*
SANCTIONS AS NEW ECONOMIC REALITY:
OPPORTUNITIES FOR REGIONAL DEVELOP-
MENT..... 104
- Rugacheva A. V.*
CORRELATION BETWEEN COMPANY'S SIZE
AND ITS BOUNDARIES 108

LEGAL SCIENCES

- Olenina T. Yu.*
LEGAL ASPECTS OF FOREST PLANNING IN
SUBJECTS OF RUSSIAN FEDERATIO..... 114

Reviews

- Orlitskiy Yu. B.*
The book review: Dictionary of the Russian poetry
language 117
- Spiridonova I. A.*
The book review: "Andrey Platonov. The Personal
File" 119

- Scientific information** 122
- INFO FOR THE AUTHORS 123